

уральский

следопыт

№12 *** 1978

ДОЧЬ ПОДКА

Сергей
ЧАПЛИН

Оформление
С. Малышева

Примерно в ста пятидесяти километрах от Ленинграда, там, где в Ладогу впадает порожистая река Вуокса, стоит небольшой город Приозерск. За восемь с лишним столетий своего существования он менял названия трижды. В двенадцатом веке входил этот город в состав земель Великого Новгорода и звался Корелой, а в начале восемнадцатого века, после того как Россия вынуждена была заключить невыгодный Столбовский мир, отошел он к Швеции и получил имя Кексгольм, что означало «Кукушкин остров».

Своим же сегодняшним именем — Приозерск — он стал именоваться только в 1948 году и в наши дни это вполне современный промышленный город Ленинградской области.

О седой древности здесь напоминают только приземистые башни старинной крепости, сложенные из серого озерного камня, да экспонаты краеведческого музея, разместившегося на ее территории и в одноэтажном здании бывшего арсенала.

Именно в этом музее, среди каменных топоров эпохи неолита и трофейных шведских доспехов я обратил внимание на небольшую фотографию в овальной рамке красного дерева. На фотографии была изображена молодая девушка, а краткая аннотация под экспонатом оказалась настолько любопытной, что за подробными разъяснениями пришлось обратиться в научную часть музея.

Итак, передо мною объемистая папка, набитая пожелтевшими от времени документами; с первой же страницы они переносят меня в начало восемнадцатого века. Точнее, в те его годы, когда петровская Россия вела войну за освобождение от шведского владычества своих земель по берегам Балтики.

Год 1710-й. Русские войска взяли Выборг и осадили Кексгольм. К исходу второго месяца осады крепость, по выражению Петра I, пала «без великого урона людей». Тогда же император повелел из восьми полков, отличившихся в этом сражении, взять по лучшей роте и сформировать из тех рот новый гренадерский полк, который именовать впредь Кексгольмским.

Так начался славный боевой путь одного из первых полков русской регулярной армии. Кексгольмские гренадеры — активные участники морских батальонов при Гангуте и Гренгаме, а во время персидских походов Петра I они дерутся под стенами Баку и Дербента. Позже, в русско-турецкую войну, Кексгольмский полк ходил на столицу Крымского ханства — Бахчисарай. Сражались гренадеры в битвах при Гросс-Егерсдорфе, под Цорндорфом и закончили Семилетнюю войну в Берлине. Неувядаемой славой покрыли они себя и в бою при Чесме, Бородино и Тарутино, Дрезден и Лейпциг, Берлин и Париж — таков ратный путь полка в Отечественную войну.

в номере:

В. Страхов ФЛАГ РОДИНЫ	2
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	8
В. Пашин СТРАНИЧКА ЖИЗНИ ПОЛКОВОДЦА	10
Д. Черный ВАЗА ИЗ ГИЛЬЗЫ	11
Г. Цветков, И. Лазарев, С. Захаров ЭТО БЕРЕГ ВЕТРОВ. Стихи	12
В. Лобанов КНИГИ СИБИРИ	14
Е. Кучеров БАШКИРИЯ ЗАПОВЕДНАЯ	17
Б. Панфилов ПЕРВОГВАРДЕЙЦЫ	19
В. Сапожников МЫ ИДЕМ К ЛУНЕ	20
КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА	30
Ю. Липатников «ПРОШУ КАК ДРУГ, ПРИКАЗЫВАЮ КАК ОТЕЦ...»	34
Н. Волокитин НАРЫМСКИЕ ЭТЮДЫ	36
Д. Эйдельман НА ДНЕ МОРСКОМ	42
А. Иванов НУЖНЫЙ УРВАНЦЕВ. Рассказ	44
М. Никулина, А. Комлев ПЕРВЫЙ СНЕГ. Стихи	48
Н. Новый ЭТО — НАШИ ДЕТИ	50
В. Ажажа ГДЕ СЕРДЦЕ КУТУЗОВА!	54
С. Чаплин ДОЧЬ ПОЛКА	56
А. Матвеев ЯЗЫК ЗЕМЛИ. Продолжение	57
Н. Крайгер МАЛЕНЬКИЙ КУРЬЕР	60
ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ	64
П. Леснов ГОНЕНИЕ НА РЫСЬ	67
И. Алебастров «РАЗ! И МОЩНОЙ СВЕЧОЙ ПОДНИМАЕТСЯ МЯЧ»	69
Ю. Калмыков НАВСТРЕЧУ ВСЕХ ДОРОГ	70
Д. Часов ВСПОМНИТЬ, ОГЛЯНУТЬСЯ	72
В. Хлыстун ДЕД МОРОЗ	73
КАЛЕЙДОСКОП. МОЙ ДРУГ ФАНТАСТИКА	74
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» В 1978 ГОДУ	78

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАДИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь).

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 30/VIII 1978 г.
НС 11263
Подписано к печати 17/X-78 г.
Бумага 84×108^{1/16}.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 10,5
Тираж 275 000.
Заказ 604.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
З. БАЖЕНОВОЙ.

© «Уральский следопыт», 1978 г.

№12 * 1978

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ФЛАГ РОДИНЫ

Валерий
СТРАХОВ

Рисунки
А. Кирпикова

Символ на причале

Возможно, за несколько лет плавания бывалым моряком стать не удалось, но мир повидал. Куба, Канада, Гана, Гвинея, Берег Слоновой Кости — вот неполный перечень стран, где пришлось побывать.

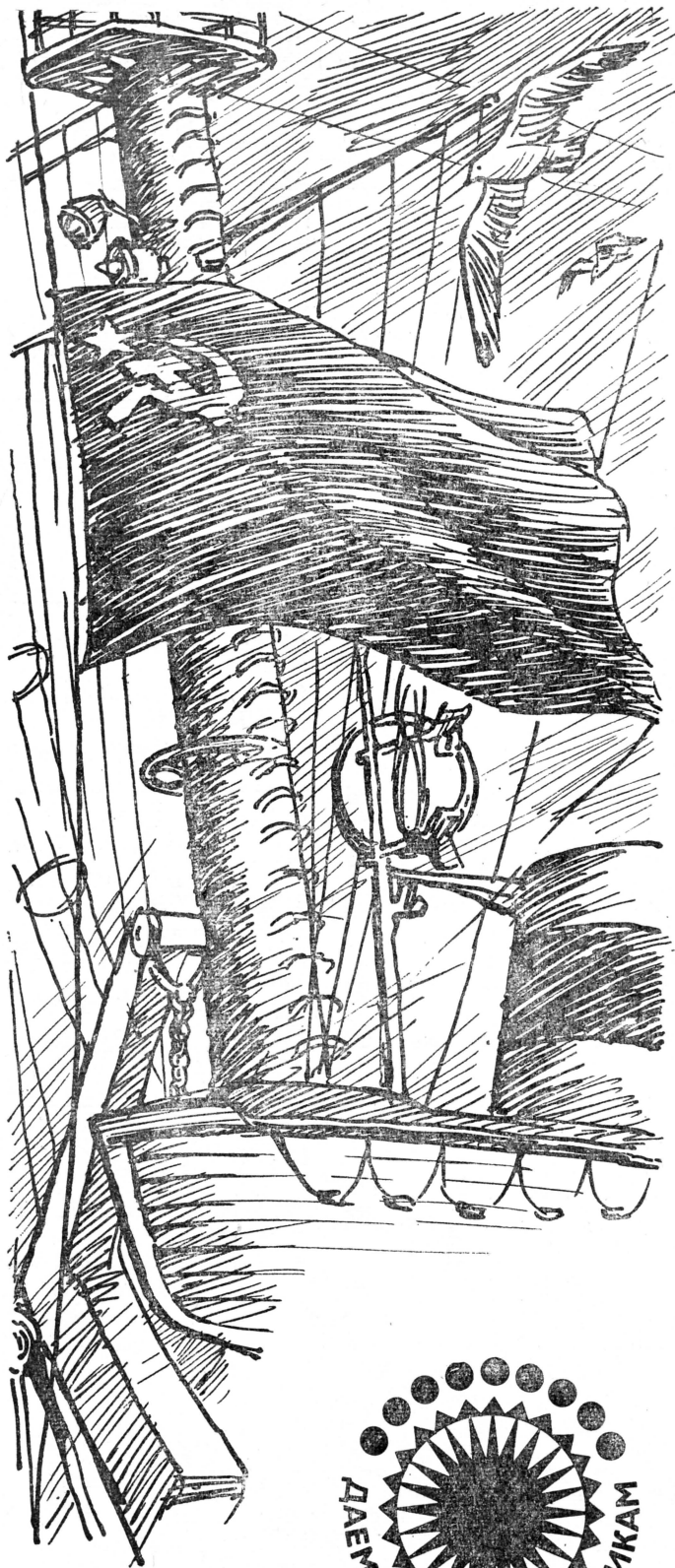
Мне, сибиряку, открылся иной, сложный и не всегда просто объяснимый мир... Может быть, желание поделиться впечатлениями и потянуло к перу, определило дальнейшую судьбу — стал профессиональным журналистом.

Сейчас много езжу по родному краю, встречаюсь с нашими людьми, уральскими, которых глубоко почитаю за трудолюбие, искренность и прямоту. И после таких встреч острее вижу и родное, и то, заокеанское...

Тропическое солнце поднимается в зенит, листья бамбука никнут, закручиваются трубка-ми, и слышно, будто от удара мачете, лопаются перезревшие бананы. Грузчики-кубинцы ищут тень поближе к борту трюма, разморенно ложатся прямо на мешки с тростниковым сахаром. Отдыхают.

Но в каюте отдыхать лучше... За ее переборками круглосуточно молотят установки «Кондишен», нагнетая охлажденный, живительный воздух. После обеда, дожевав выданные на десерт ананасы, приятно лечь на диван, закрыть глаза и помянуть добром современную компрессорную технику за прохладный среди раскаленного железа уголок.

Но боцман не дает долго нежиться. Строг особенно к нам, практикантам: скоро, мол, сами станете штурманами, будете командовать

людьми, так что испытайте на себе тяжесть рядового матросского труда.

Одеться в тропиках пара пустяков: прямо с дивана сунешь ноги в тапочки, надвинешь соломенное сомбреро — подарок кубинца — и бегом на палубу. Немало пройдет времени, прежде чем тело привыкнет к безжалостному солнцу, продубится океанским муссоном и станет принимать загар ровно, красиво. Пока же — сплошные рыжие пенки.

...И на этот раз пришлось, как часто бывает, сидеть за бортом на десятиметровой высоте, ощущая ненадежную зыбкость подвешенной доски, и однообразно скоблить и скоблить острой металлической скряжкой ржавые места под покраску. Пришел на развод старший помощник, по-английски — чифмейт, а на морском жаргоне почти всех торговых флотов земного шара просто — чиф. Он посмотрел на причал, раскрашенный картинками, словно на выставке изобразительных искусств, повернулся к боцману:

— Сколько раз мы бывали на Кубе, а памяти не оставили. Что, у нас нет художников?

— Были, Павел Сергеевич, да не художники, а мазилы. Вот Васильев разве... Васильев, я у тебя в каюте портрет Олега Попова видел. Сам рисовал?

— Сам.

— А на причале нарисовать сумеешь? — деловито вмешался в разговор старпом.

— Смогу, Павел Сергеевич, — поспешно ответил я, смекнув, что новая работа сулит полную творческую бесконтрольность и персональный плотик из плотно закупоренных железных бочек и деревянного настила — с него так приятно сигать в освежающую воду бухты.

— Что ж, выдайте, Титович, две новых кисти, белила, ультрамарин и прочее... Пусть потрудится во славу теплохода «Русское чудо», — распорядился чиф. — А остальных, как до обеда, на покраску кормы...

Когда сокурсники-практиканты, матросы команды, что-то пошутив на счет преимуществ высокого положения художника при судне, ушли на корму, я неожиданно почувствовал всю ответственность персонального заказа. Можно кое-где отложить, огрызнуться на боцмана, в конце концов, пролить случайно щи на камбузе, но нарисовать плохо нельзя! Картинки на причале — не просто плод развлекательных упражнений по рисованию, а символ дружбы двух народов, самобытная, красивая традиция, возникшая после первых заходов судов. Больше ни в одном порту Кубы нет разрисованных причалов, только в Сантьяго... Здесь началась революция, породившая наши народы. В окрестных горах, на каменистых склонах Сьерры-Маэстры, среди колючих тропических зарослей с сотней повстанцев высадился бородатый Фидель...

Я привязал плотик к рыму причала, присел на корточках перед серой шершавой стеной бетона. Что же должно возникнуть на ней в результате моего творческого воображения? Рисовать свое судно с натуры, как на большинстве картинок, — не оригинально. А что если обыграть само название нашего теплохода? «Русское чудо» — в этом сочетании целый клад творческих моментов!

Сколь живучи бывают порой в человеке детские впечатления! Память услужливо предоставила мне, восемнадцатилетнему мореходу, только-только попавшему в первое плавание, образы из давно прочитанных сказок. Они — не символ ли чуда? Кисть мазнула по шершавой поверхности камня. Часа через два я изобразил основную фигуру своего замысла... бабу-ягу. На роскошной, видимо, только что вырубленной метле красноносая старуха барражировала над деревенской, скособоченной от навалившегося на крышу снега избой. А верхом моего изобразительного мастерства были зубы ведьмы — пара страшных, саблевидных клыков, олицетворяющих, по моим расчетам, все мировое зло.

Два бородатых моряка с финского сухогруза с легким недоумением, сочетаемым с таким же легким безразличием, рассматривали появление моего «чуда» среди рисованных красавцев-теплоходов всех систем.

— Са-а-тана! — догадался один моряк, недоуменно передернув плечами, заторопился вдоль портовых складов...

— Са-а-тана, — передразнил я. — Что вы понимаете, скандинавы холодные!

Подожли греческие моряки. Этих-то нельзя было обвинить в северном хладнокровии. Сыны Эллады, пожалуй, слишком горячо воспринимали мое творение, они громко смеялись, указывали на взмывшую выше трубы бабу-ягу...

Подняв голову, я наткнулся взглядом на парусиновые ботинки негра, который стоял прямо передо мной на самом краешке причала. На его черном, как антрацит, плече проступал удивительно белый, расплосованный безжалостным куском осколка рубец. Может быть, этот негр даже штурмовал с Фиделем казарму Монкада — главный оплот Батисты.

На Кубе русских часто называют комиссарами. Так обратился и негр.

— Руссо комиссаро, — позвал он.

— Да, синьор, — ответил я. На этом все мои неглубокие познания в испанском языке кончились, но то, что объяснял негр, было понятно без слов.

— Но гут, компаньеро. Но гут... — он показывал рукой на махину нашего теплохода с красным гербом на трубе, с одноместными, комфортабельными каютами для всего экипажа, с автоматической системой управления стрелами, лючковыми закрытиями, а потом непонимающе переводил взгляд на примитивный способ колдовского передвижения — метлу...

И я понял ошибку замысла. О нашем государстве все нации судят по могуществу индустрии, по гагаринскому полету в космос, по высоким достижениям культуры. Россию же с лучинами, с беспросветной убогостью быта за границей уже не знают.

Когда негр ушел, я перечеркнул охрой бабу-ягу, бревенчатый домик и на этом месте нарисовал свой теплоход, а над ним в розовом ореоле огней, рвущихся из сопла, трехступенчатую космическую ракету, устремленную к звездам.

...Больше никто не удивлялся. Этот символ был понят всеми!

Финские ландыши

Суоми. Страна тысячи озер. Но, пожалуй, в одинаковой степени правомерно назвать ее страной тысячи островов. Почти три часа наш теплоход с финским лоцманом на борту осторожно пробирался в хитросплетениях Абовских

шхер до порта Турку мимо залесенных скалистых клочков суши.

А вот, наконец, и Турку — третий по величине город Финляндии. Со ступелей верфи «Вяртсиля» десять лет назад спустили на воду наш теплоход. Время берет свое, за десять лет чуть постарели не только рабочие, сотворившие «Русское чудо», но и наши моряки, принявшие от них теплоход, да и сам он поизносился в дальних странствиях по свету — ремонта требует.

Майские ночи здесь светлы и коротки. В два часа ночи восток уже бледнеет. Недалекий купол лютеранской церкви принимает четкие формы. Еще не видно круглого циферблата часов на башне, неразличим серый цвет ее камней, а крест на фоне заалевшего неба уже отпечатался, как на негативе.

В такую тихую утреннюю минуту из машинного отделения на свежий воздух вылез пожилой финн. Закурил, поглядел на брызнувшую по небу зарю, подошел к трапу. Протягивает руку:

— Тойвонен.

Тойвонену, наверно, очень хочется излить накопившиеся за немалую жизнь мысли.

— Сталин, Маннергейм. Бум-бум! — он машет руками, изображая взрывы, в показном ужасе хватается за голову. Так Тойвонен рас-

сказывает русскому моряку о минувшей войне. Лопотание финна похоже на журчание быстрой воды среди камней.

— Сауа... Перкеле «бум-бум». Гуд русски.

Но и этого небогатого набора слов достаточно, чтобы понять: Тойвонен воевал лыжником, он проклинает войну...

Не один десяток лет существует советско-финский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. Это, так сказать, официальная сторона вопроса о мире, а когда видишь сам благожелательно протянутую руку истинного суомца, видишь и конкретно добро человеческих отношений.

В сказаниях Калевалы и в русских былинах об Илье Муромце есть много общего. Кузнец Ильмаринен, как и добрый молодец Илья, борется против зла, хочет утвердить на земле справедливость. И прекрасно, что у Ильмаринена теперь есть достойный продолжатель — весь финский народ.

Мы пришли в Финляндию ремонтировать судно, когда береза еще не распускала своих коричневых почек, а кручи утесов стояли без единой травинки, и уходим через два месяца среди свежей зелени. На судне пахнет цветами. В каютах появилась сирень.

Моих друзей вдруг взял азарт.

— Я привезу жене в Ленинград букет финских ландышей, — говорит один.

— Ваня, ландыш есть ландыш, он везде одинаков, — шутя урезонивают его.

— Не скажи. Этот ландыш особый. Финский ландыш!

...Мне нравится думать, что, вопреки законам ботаники, мой друг прав.

Покинутые...

Канадский ноябрь такой, что если развернулись хляби небесные, то надолго. Второй месяц стоим в порту Галифакса, а обширные трюмы теплохода не были еще заполнены и наполовину. Только начнут подавать подъемы с мукой, как с хмурого неба опять закапают. Приходится закрывать люки, прекращать погрузочные работы, чтобы не подмочить груз.

Тихо на причале. Лишь изредка пройдет вдоль закрытых портовых складов канадский полицейский, молчаливый, сосредоточенный. Зная, как трудно и скучно торчать в такую пору у трапа, я вышел в наружный коридор к вахтенному. Поговорим о возвращении в родной порт, вспомним Урал, где оба родились...

К удивлению, вахтенный был не один. С трудом подбирая английские слова, в основном с помощью жестов, он объяснялся с каким-то по-

сторонним, плохо одетым человеком. Смуглое лицо, вьющиеся волосы. Наверняка грек или итальянец.

— Моряк с «Лючии», — пояснил вахтенный. — Просит хлеба.

В разных портах мира мы и раньше встречали нищих, которые клянчили для себя еду на судах, но на этот раз кусочек хлеба просил не безработный бродяга, а итальянский моряк, которому положено жалование и питание.

— Что, их не кормит капитан? — спросил я Николая.

— Он говорит, что у них нет капитана.

— ?!

К трапу подошло еще несколько наших моряков, вахтенный штурман. Сообща выяснили, что капитана на «Лючии» действительно нет. Продукты на судне кончились.

«Лючия» принадлежала обанкротившемуся судовладельцу. Уже два месяца судовая касса была пуста. Не имея средств на содержание экипажа, капитан бросил «Лючию». Итальянцы пытались найти в чужом порту человека, который принял бы их беспризорное судно под свою опеку, но кому нужна полуголодная, оборванная команда.

— Вакантная должность есть. Не пойти ли к ним капитаном — примут без диплома! — пошутил кто-то из наших матросов, но никто не

засмеялся. Все смотрели на стоящую неподалеку «Лючию» как бы другими глазами. Только теперь мы обратили внимание на ее сиротливый, запущенный вид. Борта проржавели, на палубе давно не крашено. Тяжело пришлось людям, оставшимся на беспризорном судне без пищи и денег за границей.

До конца своей стоянки в Галифаксе мы помогли покинутым, чем могли.

— Советико ноу бизнес. Советико хорошо,— благодарили они.

Да, на советском судне такого случиться не могло.

Бермудский треугольник

После толчеи яхт, траулеров, танкеров и сухогрузов в узком Ламанше плавание на большой воде в открытом океане походило на отдых. Простор! Редко-редко в дрожащем мареве водных испарений далеко на горизонте покажется силуэт одинокого судна. Свобода маневра полная: хочешь поверни влево, хочешь вправо. А чаще и поворачивать никуда не надо. Автоматический рулевой с железной бездумностью вот уже неделю ведет судно по одной заданной прямой.

Океан... Веером разлетаются из-под форштевня судна стайки летучих рыб. Пролетят сотни метров, как стрелы шелестя прозрачными, быстро-быстро мелькающими крылышками, и опять кучно шлепаются в синь океанской воды. Много ужасных слухов ходит про пресловутый Бермудский треугольник: и корабли в нем исчезают бесследно, как облака в небе, и экипажи порой гибнут, скошенные внезапной, таинственной смертью. Капитан Нефедов вообще-то в происшествия не верил, но как человек, не раз бывавший в роковом районе и, вопреки пространенным суждениям, приятней места не находивший, склонен был объяснять причины трагедий не таинственными силами природы, а вполне земными проделками преступных людей, техническими неисправностями судов. А океан почти всегда ласков, спокоен. Вон какая безбрежная, теплая гладь расплеснулась до горизонта! Завтра утром откроются взору утопавшие в роскошной зелени берега Флориды — любимое место отдыха американских миллионеров. Крыльями парящих чаек забелют на воде невесомые паруса их роскошных прогулочных яхт...

И все же капитан не верил беспечно идиллическому сочетанию света, красок в тропическом океане, настороженность не покидала его.

Вот почему, услышав доклад вахтенного матроса о встречном судне, Нефедов, не доверяя штурману, сам включил радиолокатор, определил пеленг, расстояние до встречного незнакомца, а потом еще вышел на левое крыло мостика, чтобы своими глазами убедиться в безопасности расхождения. В другом месте он бы вполне доверил проведение этих в общем-то обычных навигационных предосторожностей молодому штурману и, вероятно, тогда пропустил бы интересную для себя встречу.

Линзы бинокля приблизили корпус «англичанина». Отчетливо стали видны желтые пятна ржавчины на бортах, зачехленные шлюпки на ботдеке, лебедки по-походному... Тысячи таких металлических скитальцев бороздят голубые дороги планеты. Однако капитан английского теплохода показался Нефедову знакомым. Где-то он уже встречал это худощавое, со вздернутым подбородком лицо. И Нефедову вспомнился серый, кипящий белой пеной неспокойных волн Бискайский залив. Шла первая послевоенная зима. Он вел в самостоятельный рейс теплоход типа «Либерти». Горькую славу снискали себе у моряков эти суда, построенные союзниками специально на два-три рейса для обеспечения северных военных перевозок. Удобств никаких, только корпус да слабосильная машина. Если и топила его немецкая субмарина, убытки были

невелики. Долго еще и после войны буравили воды многих морей и океанов своими хиленькими винтами эти «полуфабрикаты» союзной постройки. Про них говорили, что движутся они по шесть километров в... неделю, только кустики мелькают. Тогда в Бискайе «кустики» мелькали в обратную сторону. Машина от непомерных усилий пыхала жаром, как деревенская печь в блинный день, однако мощь встречного штормового ветра и волн была сильнее ее тысячи лошадиных сил. Теплоход помалу сносило назад.

Как было измученным качкой и бессилием морякам не позавидовать чужому судну, которое шло наперекор стихии легко и ходко, как байдарка движется в умелых руках мускулисто-го, тренированного спортсмена. Соблюдая морской церемониал, русские спустили флаг до половины. Английский капитан не пошевелился, не отдал приказания ответить на приветствие. Нефедов сквозь забрызганные каплями соленой воды стекла бинокля отчетливо видел его равнодушный взгляд; примерно так, безынтересно и вяло, смотрят на бесполезную букашку, переползшую дорогу. Штурман же «англичанина» смеялся открыто, тыкал пальцем в сторону не справляющегося со штормом корабля.

Нефедов отвернулся. Обидно. Многие английские, американские капитаны не считали нужным оказывать необходимые почести советскому торговому флоту, только-только выходящему на международный простор. Но Нефедов почему-то запомнил именно этого. Может, потому, что пришлось встретиться с ним еще раз.

...Словно черная сутана итальянской монахини, лежала тогда над Средиземноморьем южная, парная ночь. Вода была еще темно-смоляной, но небо уже слегка засинело и стал заметен огонек семафора. Кто-то просил оказать медицинскую помощь заболевшему матросу. В двадцати кабельтовых от судна Нефедов перевел ручки машинного телеграфа на «стоп», приказал спустить на воду шлюпку. Лениво покачиваясь на спокойных, будто спящих волнах, она ушла навстречу зарождающему утру с врачом, матросами, с рулевым, выше всех сидящим на кормовой банке. В белесом сумраке рассвета уже было видно, как шлюпка, попыхивая бензиновым дымом, подошла к борту теплохода, палуба которого была по-прежнему пуста. Никто не спустил штормтрапа, никто не встретил гостей. Потом на мостике вдруг появился человек в белом кителе, очевидно, капитан, и, наклонившись через поручни, недовольно замахал рукой.

Шлюпка сразу развернулась, махнув на прощание англичанам, как женским платочком, красным кормовым флагом.

«С дикарями, коммунистами и неграми не желаю иметь ничего общего. Сэр Джо Фред. Капитан»,—высказал суть своих жизненных убеждений человек в белом кителе. Потом семафор замигал совсем часто, посылая людям, предложившим помощь, отборную британскую ругань, переложенную на световой, международный язык точек и тире.

— Они будут нас уважать. Будут,—сказал Нефедов расстроеному доктору, когда шлюпку уже подняли на борт и закрепили таями.

...Тридцать лет спустя, недалеко от Бермудских коварных и райских островов, Нефедов опять смотрел в бинокль на своего давнего знакомого. Так и постарел тот в ожидании скорого развала большевизма...

Теплоходы, вздымая форштевнями, как плугами, белые борозды следов, расширяющиеся к корме, шли навстречу друг другу. Английский флаг с красными лучами на синем фоне первым пополз вниз по фалу, приветствуя советский теплоход-красавец, воплотивший в себе самые современные технические, экономические и даже эстетические достижения мирового судостроения.

— Я говорил, что вам придется нас уважать,—тихо сказал Нефедов, а громко приказал ответить на приветствие. В войну он предпочел бы гибель спуску флага перед врагом, а сейчас он спокойно исполнил ритуал морской вежливости. Сильные всегда великодушны.

● «Песни, зовущие в бой» — так назвали свой поиск учащиеся средней школы № 1 сахалинского города Макарова. Они пишут историю создания «Интернационала», «Марсельезы», «Варшавянки» и других революционных песен.

● В здании сарапульской школы № 16 в 1918—1919 годах размещался штаб Второй армии Восточного фронта. Сейчас здесь открыта комната боевой славы. Воспоминания участников гражданской войны на Урале, фотокопии приказов по армии, фотографии бойцов и командиров Азинской дивизии и Бирского отряда и другие экспонаты рассказывают об участниках освобождения Урала от белогвардейцев.

● Следопыты 14-й школы Октябрьского района Москвы, приехав на Мамаев курган, прочитали в пантеоне среди других фамилий павших солдат имя: «М. Шамаев». «Да он же жив! — удивились ребята. — Мы с ним переписку ведем!..» А вскоре приехал на Мамаев курган и человек из Баку, которого считали погибшим...

● Уходить на редакционное задание в войну — значило уходить в бой. Военные корреспонденты, отправляясь по заданию своей газеты, брали и журналистское снаряжение, и боевое. «С пером и автоматом» — так и называется музей в 505-й ленинградской школе, посвященный всеинным корреспондентам.

● Перспективам развития Советского района города Горького посвящена новая экспозиция в историческом музее школы № 25, расположенной в этом районе.

● О деятельности ЧК Казанской губернии собирают материалы следопыты из поселка Раифа в Татарии. В 1918 году у стен здешнего монастыря были зверски убиты и сожжены чекисты В. Несмелов, Ф. Копко, П. Лавринович и четыре красноармейца. После многолетней поисковой работы следопыты восстановили картину расправы и собрали материал о погибших.

● Двести бывших воинов 24-й Железной Самаро-Ульяновской, Бердичевской дивизии разыскали следопыты порошковской средней школы Перечинского района [Закарпатье]. Поисковая группа школы награждена памятным знаком «Ветеран 24-й Железной дивизии».

● Интересный альбом есть в 408-й школе города Пушкина. В нем собраны сведения не о героях войны, не о знаменитых людях, а... о матерях, о многих тысячах матерей-героинь в Советском Союзе. Иные из них воспитывали по 25 и даже по 38 приемных детей...

● Богатый материал о жизни и деятельности революционера И. В. Бабушкина собрали учащиеся бабушкинской средней школы [Вологодская область]. В школе создана специальная лекторская группа.

● Верность присяге

В музее челябинского Дворца пионеров имени Н. К. Крупской хранится пионерский галстук; рядом с ним, на бархатной подушечке — орден Отечественной войны I степени за номером 293044 и фотография того, кому они принадлежали...

На здании школы № 34 установлена мемориальная доска, на ней высечено: «Здесь учился комсомолец Николай Алексеев — отваж-

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

ный разведчик, зверски замученный фашистами в 1945 году»...

Имя Николая Алексеева присвоено профессионально-техническому училищу № 20 — отсюда он ушел на фронт...

Кто он такой, Николай Алексеев, какой ратный подвиг совершил?

Он погиб в начале победного, сорок пятого года. Представляя сержанта Алексеева к посмертному награждению, командир 1320-го стрелкового полка Д. Я. Фирсов писал:

«15 января 1945 года в боях при прорыве обороны немцев на Наревском плацдарме командир отделения пешей разведки гвардии сержант Алексеев Н. П. со своим отделением ворвался в деревню, в расположение противника. Завязался неравный бой. Прикрывая отход товарищей, он огнем своего автомата уничтожил четырех вражеских солдат, но был тяжело ранен и схвачен немцами. Когда противник был выбит, наши бойцы обнаружили тело Алексеева со следами варварских пыток. Фашистские мерзавцы жгли расклеванными штыками тело сержанта, прокололи ему штыком щеки, выжгли на лбу звезду. В бессильной ярости гитлеровцы выкололи истекавшему кровью солдату глаза. До последнего вздоха он остался верен воинской присяге, свято сохранив военную тайну».

Так ушел в бессмертие уральский паренек Коля Алексеев.

Миновало больше трех десятилетий, а имя Николая Алексеева, его подвиг и сегодня служат символом негибаемого мужества и верности Отчизне для новых и новых поколений мальчишек.

На снимке: мемориальная доска на здании 34-й средней школы в Челябинске, где учился Николай Алексеев.

Б. ДРОБИЗ

● Следопытские перекрестки

Это была трудная работа — собрать по крупицам воспоминания земляков, которые встречались со Львом Николаевичем Толстым. Но ребята из школы-интерната в Ясной Поляне с ней справились, сейчас у них в руках обширная фонотека и записи — целое богатство! И когда следо-

пыты из других краев просят поделиться им, яросланские ребята не жадничают... А взамен им приходят тоже любопытные вещи. Следопыты из псковских Пушкинских Гор прислали в Ясную Поляну все накопленное ими о Пушкине; горьковские школьники послали материалы о Горьком; из Тархан была прислана коллекция, посвященная Лермонтову...

Так что не только о Толстом знают многое, помимо учебника, школьники из Ясной Поляны.

● Короленковские чтения

В нашей стране было три музея писателя Владимира Галактионовича Короленко: в Полтаве, где прошли последние годы его жизни, в Джанхоте Геленджикского района — на бывшей даче писателя, и в Житомире — на родине Короленко.

Еще один, четвертый музей открыт в Горьком — в городе, где В. Г. Короленко прожил одиннадцать лет. В Нижнем Новгороде начиналась его писательская деятельность. Музей открыт на базе школы № 14 Нижегородского района.

Два года подряд школьный музей проводит «Короленковские чтения». Нынче были доклады профессора Л. Фарбера — «Короленко и Добролюбов», профессора Н. Ермакова — «Короленко и Достоевский», десятиклассницы Л. Калашниковой — «Американская действительность в очерковой прозе Горького и Короленко» и другие.

● Музей народной Монголии

Каждую неделю почтальон приносит в 38-ю барнаульскую школу письма из далеких аймаков. Свежие новости из жизни монгольских школьников, значки, сувениры — их ждут барнаульские следопыты...

Начиналось все это довольно скромно. Сначала школа подписалась на все монгольские издания, выходящие на русском языке. Ребята ходили записывать воспоминания барнаульцев, которым довелось бывать в Монголии. Послали записи в Улан-баторский Дворец пионеров, рассказали о начинании. В ответ пришла посылка, которая положила начало музею.

А потом в гостях у школьников Барнаула две недели гостила делегация монгольских школьников. А потом и советские ребята отправились в путешествие по Монголии, и на всем пути сопровождал их почетный эскорт — всадники в национальных костюмах...

Дружбе этой уже семь лет. Неизмеримо пополнились за это время экспонаты музея, который стал народным. О новостях жизни монгольского народа постоянно рассказывается по школьному радио, в стенной печати.

● Воин-интернационалист

Больше тридцати лет разыскивал своего боевого друга рижанин Б. Ф. Косков, бывший начальник поллитотдела 55-й бригады 1-й ударной армии. Он искал командира отдельного истребительного противотанкового дивизиона Карло Шабански, болгарина. Это по его просьбе включились в поиск следопыты из клуба «Факел» подмосковного города Дмитрова.

Когда следопытские «письма» впервые перешагнули порог посольства НРБ в Москве, они могли только описать внешность погибшего в войну офицера Карла Шабански. Теперь в школьном музее десятки его фотографий, писем, воспоминаний о нем.

Ребята нашли его однополчан, нашли родных — и в Москве, и в Болгарии; разузнали много интересного о его отце, видном болгарском революционере, завязали переписку с соратниками и друзьями Карло Шабански. Одним из первых прислал материалы о воине-интернационалисте член Политбюро ЦК БКП генерал армии Иван Михайлов.

Есть в школьном музее и фронтовые письма Карло. В одном из них он пишет отцу: «...Я очень польщен интересом Коларова и Димитрова ко мне. Передай им привет. Клянусь вам троим, что болгарский народ не будет краснеть за меня».

Карло Шабански погиб в начале августа 1944 года — в бою под Сандомиром он был насмерть сражен вражеским осколком.

СТРАНИЧКА ЖИЗНИ ПОЛКОВОДЦА

**Виталий
ПАШИН**

Вера Андреевна Баранчук бережно достает из семейного альбома фотографию и передает мне.

— Это все, что осталось у меня из оригиналов, остальные отдала Зое, его дочери.

На снимке — В. К. Блюхер с годовалым сыном Севой. Василий Константинович одет в наглухо застегнутый военный френч, при орденах Красного Знамени. На петлицах ясно различимы цифра I и буквы «СК» — Первый стрелковый корпус. На нарукавной нашивке — три ромба и звезда. Читаю надпись на обратной стороне фото — «Петроград. 1923 г.»

— Мне и мужу — командиру Красной Армии, — рассказывает Вера Андреевна, — летом 1922 года дали квартиру в Петрограде. Я только что вышла из госпиталя после тяжелого ранения, полученного в гражданскую войну. Еще не успела переодеться в гражданское платье, да и не было его у меня — так и ходила в шинели, брюках-галифе и буденовке. И вдруг встречаю возле своего дома Галку Покровскую — одноклассницу по вятской женской гимназии. Расцеловались, прослезилась...

— Ты как сюда попала? — спрашиваю.

— Я тут живу, на Гороховой.

— А я на Сенной площади...
Постой, мне же писали, что ты в Вятке вышла замуж за какого-то военного и уехала с ним на Восточный фронт.

Этим военным был Василий Константинович Блюхер. В начале 1919 года, спустя несколько месяцев после легендарного перехода красных из Белоречья под Кунгур, Блюхер был назначен помощником командующего 3-й армии и командантом Вятского укрепрайона. Здесь, в Вятке, встретился с Галиной Павловой Покровской.

...В тот же день Галя познакомилась подружку с мужем. Вера Андреевна и раньше была наслышана о подвигах Блюхера на Урале и в Сибири, под Перекопом и особенно на Дальнем Востоке, где он был военным министром Дальневосточной республики и главнокомандующим Народно-революционной армией. Но увидела полководца впервые. Среднего роста, плотный, с наголо обритой головой, он не производил впечатления героической личности. Говорил мало и коротко. Галя угостила всех настоящим китайским чаем, привезенным с Дальнего Востока. К чаю были поданы патока, хлеб и селедка — по тем временам прямо-таки роскошный ужин!

Василий Константинович прибыл в Петроград, получив назначение на должность командира-комиссара Первого стрелкового корпуса, размещавшегося в городе и по окрест-

ностям. Вскоре он был утвержден одновременно и комендантом Петроградского укрепленного района. Работы было много и в частях по повышению их боеготовности и особенно на реконструкции и сооружении новых оборонительных объектов. Так что Вера Андреевна виделась с ним нечасто. Даже в выходные дни Блюхер был занят. Забаррикадировавшись в маленькой комнатке своей квартиры, штудировал геометрию, физику, историю — наверстывал то, чему не смог обучиться в детстве. В качестве репетитора к нему был прикреплен студент университета, раз в неделю приходивший помогать Блюхеру «самообразовываться» — так называл Василий Константинович свои домашние занятия.

Но иногда Галина и Вера — ставшая своим человеком в доме Блюхеров — вламывались в комнату хозяина, подхватывали Блюхера под локотки и буквально утаскивали в театр или кино. Оперные спектакли Василий Константинович не очень любил, но чтобы не огорчать женщин — страстных почитателей оперной классики — безропотно ходил с ними и на «Снегурочку», и на «Демона». По дороге домой помалкивал. А если к нему уж очень настойчиво приставали с требованием высказать свое мнение по поводу виденного и слышанного на сцене, признавался:

— Не понимаю я этого сплетения музыки и драмы. По отдельности я их люблю, а вместе — не воспринимаю.

Женщины начинали горячо доказывать ему, что опера есть высшая форма искусства, что не понимать ее просто грешно... Блюхер затыкал уши и примирительно говорил:

— Сдаюсь, сдаюсь... Теоретически с вами полностью согласен, практически, уж извините, не дорос... Вот кончу академию, тогда держитесь!..

В кино затянуть Василия Константиновича было куда легче. В начале 20-х годов в петроградских кинотеатрах шли в основном зарубежные боевики и старые, дореволюционные ленты русских мастеров с участием таких знаменитостей немного кино, как Вера Холодная и Иван Мозжухин. Этим артистам Василий Константинович любил, особенно Мозжухина после того, как увидел его в фильме «Отец Сергей», снятом по повести Л. Толстого. На зарубежные фильмы ходил исключительно ради того, чтобы после утомительных занятий... вздремнуть под монотонный треск кинопроектора.

С недоверием пошел Василий Константинович и на только что вышедший на экраны Питера «героический», как его афишировали в объявлениях, фильм «Красные дьяволята».

— Опять что-нибудь вроде «Священного бриллианта» покажут, — ворчал он.

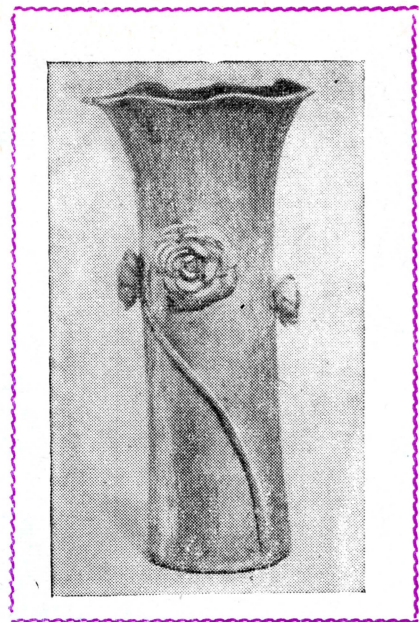
И вдруг — приятная неожиданность! На экране оживили эпизоды гражданской войны, поданные увлекательно, остроумно, поучительно. Героями фильма были юные отчаянные смельчаки, каких в его родных 30-й и 51-й дивизиях было немало. Выходя из кинотеатра, комкор проговорил:

— Завтра же дам команду, чтобы непременно прокрутить эту ленту во всех красноармейских частях города.

Вера Андреевна Баранчук часто проводила целые дни в квартире подруги: помогала по дому, нянчилась с маленьким Севкой. Василий Константинович очень любил детей. Да редко доводилось ему познакомиться со своим малышом: в будни уходил из дома рано и возвращался, когда Сева уже спал. Только вечером в выходной и отводил душу: расстелит прямо на полу одеяло и играет с малышом. Первая дочь Блюхера Зоя не дожила и до года, умерла от тифа в Иркутске. В память о ней вторую девочку, родившуюся вслед за Всеволодом, тоже назвали Зоей.

Летом 1924 года Блюхер уехал из Ленинграда. Василий Константинович возглавил группу военных советников, командированных в Китай. Там началась Первая гражданская революционная война. Советский народ, верный своему интернациональному долгу, откликнулся на просьбу Сунь Ят-сена и китайской компартии помочь кадрами военных специалистов молодой революционной армии Китая. Блюхер ехал туда под вымышленной фамилией: выбрал себе псевдоним — Га-лин.

— Вскоре расстался с Ленинградом и я, — заканчивает свой рассказ Вера Андреевна. — Все чаще и чаще стали беспокоить головные боли — последствия тяжелого ранения. По совету врачей пришлось уехать из шумного города к родителям в Костромские края на лесной кордон Шортюг. Здесь, в лесничестве и работала до пенсии. С Василием Константиновичем больше поведаться мне не довелось. А с его дочерью Зоей, проживающей сейчас в Ленинграде, мы стали очень близкими друзьями. Почти каждый отпуск проводит она у меня в лесном поселке. Ходим в лес по грибы и ягоды, набираемся на зиму здоровья...

Ваза из гильзы

Школьный краеведческий — он же городской — музей города Клеца в Белорусской ССР располагает интереснейшей коллекцией, которая представляет предметы, сделанные в годы войны искусными умельцами, партизанами, военнопленными. Со времен оккупации сохранилась соломенная шкатулка, настоящее произведение прикладного искусства — причудливые башенки, вензеля, узоры, а изнутри обшита вместо атласа и бархата грубой диагональю. Такие шкатулки делали советские военнопленные в фашистских лагерях.

Недавно экспозиция пополнилась новым экспонатом. Его принесла в музей пятиклассница Лена Апанасевич. Медная ваза сделана из гильзы снаряда 76-миллиметровой пушки. Верхнему краю вазы придана изящная изогнутая форма, а по бокам ее — стебель и три розы.

Сделана ли она за колючей проволокой или в партизанском лесу — ни обстоятельства, ни автор не известны. Но был это умелец, который и в тяжелую годину не заблук о своем мастерстве, и из забытого материала войны, оказавшегося под рукой, сделал эту «мирную» вещь.

Д. ЧЕРНЫЙ

Снимок автора

Это берез

Рисунки
В. Меринова

**Герман
ЦВЕТКОВ**

Снежное сиянье

Золотая пыльца,
Желтые иголки.
От крыльца до крыльца
Голубые тропки.

Разалелась лоза,
Словно после бега.
Прикрываю глаза
От сиянья снега.

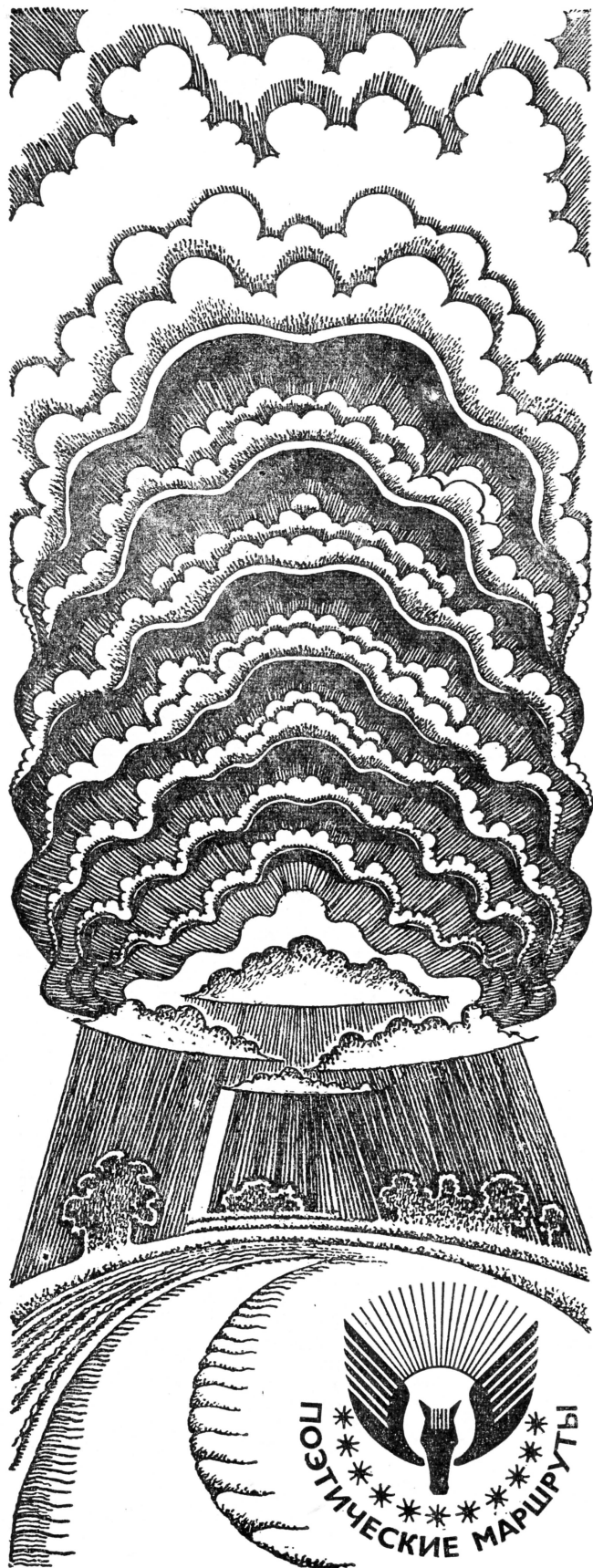
Солнце в путь колесом
Выкатилось длинный.
А за ним невесом
След реактивный.

С крыши бьют по плечу
Капельки смородины.
Никуда не хочу
От весенней Родины.

Гроза

Насунилось небо и рявкнуло басом громовым.
Заокали в такт
По горячей земле

дождя подковы.
Стало весело. Мокро и весело очень.
Ветер ерошил прически кустов и трав,
Лужи рябил вдоль дорожных обочин.
И так, между прочим,
Листья срывал
И пускал их по лужам вплавь.
Земля насыщалась влагой.
Жадно, без передышки,
Как соком целебным больной.
И вот уже высыпали на улицу нашу мальчишки —
Загорелой ватагой,
Громкоголосой, босой.
А небо рявкнуло вновь
Прокурненным докторским басом,
Дескать, то-то, лечи вас,
К долгой жизни готовь.
И за дальними кручами, прогремев тарантасом,
Вдруг улыбнулось пронзительной голубизной.

ветров!

СОСНЯК

Стали скользкими серые кручи.
Заострился увядший лес.
Виснут низко облезлые тучи,
Будто краска сползает с небес.
По-ноябрьски легкие травы
Все хотят взлететь над землей.
И теснится колючий, шершавый
Вдоль оврага сосняк молодой.

Берег ветров

Ни берез, ни цветов,
Ни травы, ни листка.
Это берег ветров,
Вихрей брызг и песка.
За далекой чертой,
Словно тени — суда.
Каждый вечер с тобой
Мы приходим сюда.
Режет щеки песком,
Волны смыть норовят,
Но ведь Север — наш дом!
Ветер с Полюса — брат!

Игорь ЛАЗАРЕВ

К нам в палатку листья залетают.
Почему? Зачем? Еще не осень.
Это ветер листья обрывает,
Это ветер мне в лицо их бросил,

Это ветер метко тушит спичку,
Шелестит страницами блокнота.

Где нашел я взрослую привычку
Ожидать от осени чего-то?

Сергей ЗАХАРОВ

Песня

Во тьме, заметенной снегом,
Бродила криком земли,
Пока не прожег небо
Первый зеленый лист.

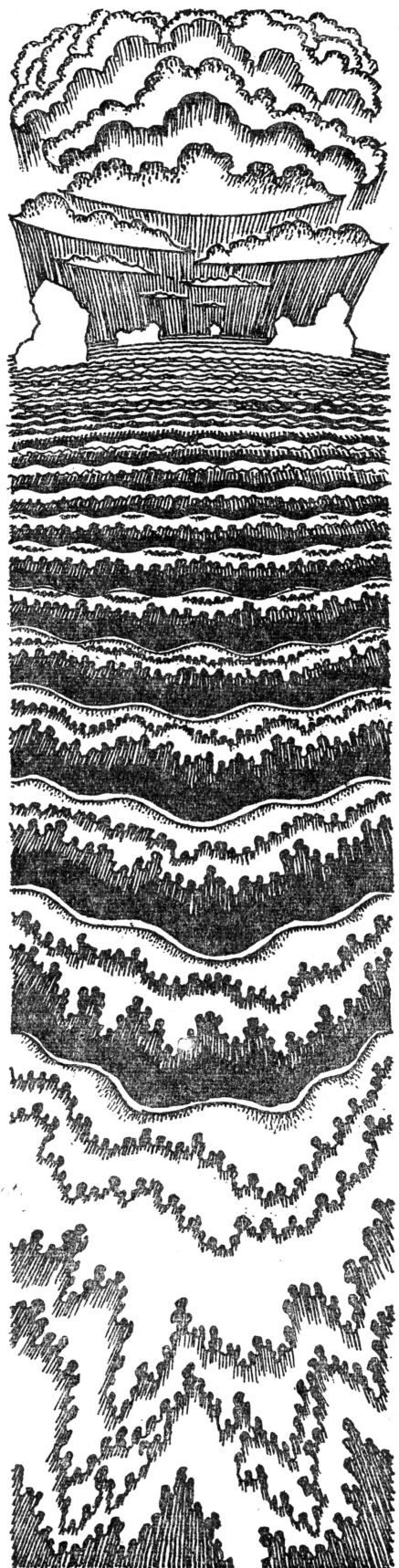
Ветром была горным,
Полям, птицей, теплом,
Пока в человеческом горле
Не обрела плоть.

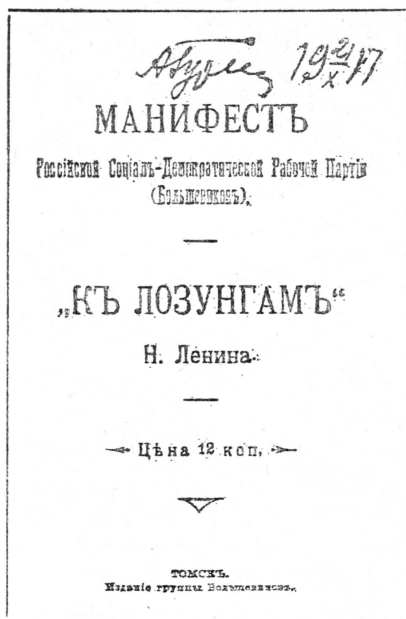

Я знаю, ты уехала,
И не моя вина...
А в сенях, между стрехами,
Засушена весна.

Я знаю, хоть не верится,
Что ты была другой...
Ромашки рядом с вереском
И сладкою иргой.

И нет на свете вечного,
И расстаемся мы...
По стенке сохнут венчики,
Врачуя от зимы.

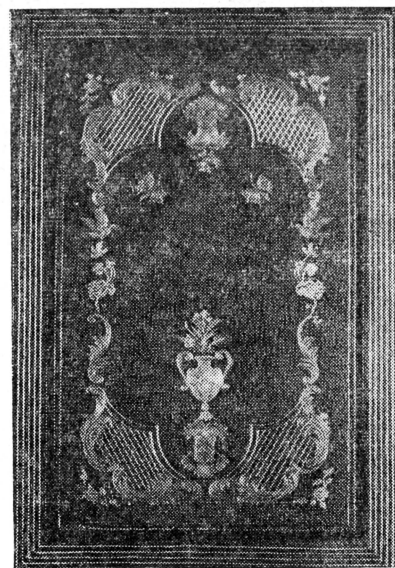

Первый университет Сибири — Томский. Он был открыт около ста лет назад. Наш рассказ — о богатейшей библиотеке этого старинного вуза.

Библиотека росла вместе с университетом, с самого начала это было собрание самых разных книг, а не только таких, что были необходимы для первых факультетов — медицинского и юридического.

Библиотека разместилась сначала в главном корпусе университета, а затем для нее построили специальное здание, рассчитанное на хранение миллиона томов. За годы Советской власти фонды выросли до трех миллионов томов. Число же читателей увеличилось в десятки раз. Старое здание стало тесным. В прошлом году построили новый корпус с несколькими читальными залами и абонеменами, с хранилищем, служебными, подсобными помещениями. Старейшая библиотека Сибири становится и самой крупной...

Красный сафьян с золотым тиснением — таков переплет небольшого тома «Шекспировская галерея, содержащая главные женские характеры в драмах великого поэта».

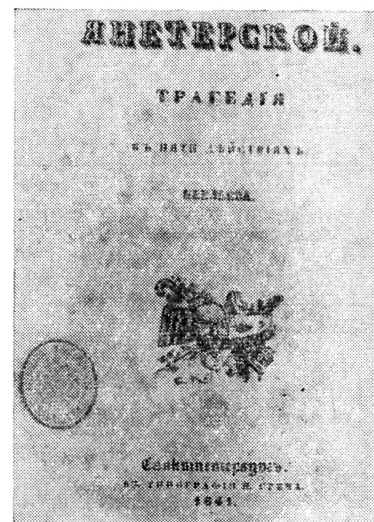
КНИГИ СИБИРИ

**Василий
ЛОБАНОВ**

Век назад к нам попали библиотеки поэта В. А. Жуковского, графов Строгановых, знаменитого путешественника и государственного деятеля Ф. П. Литке, цензора и академика литературы А. В. Никитенко, а также библиотеки ученых-медиков П. А. и А. П. Загорских, Н. М. Якубовича, В. А. Басова. Каждое из этих собраний бесценно.

Коллекция марксистско-ленинской литературы складывалась в основном после Октября. Но некоторые сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина поступили в дореволюционное время — их выписывали томские профессора. В библиотеке имелись первое русское издание «Капитала» К. Маркса (СПб, 1872), женевское издание 1892 года труда Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах», сборник В. И. Ленина «Экономические этюды и статьи» (СПб, 1898), первое издание одного из основополагающих трудов Владимира Ильича «Развитие капитализма в России».

Особенно интересен экземпляр первого издания «Материализма и эмпириокритицизма» (М., 1909). На заглавном листе владельческая надпись «Н. Н. Лотов», а в тексте многочисленные читательские пометки и надписи резко отрицательного характера. Возле некоторых из них — пояснительные надписи Н. Лотова — «пометка проф. В. Ивановского», «карандаш имманента проф. В. Ивановского».

Обложка трагедии «Янетерской», которая была предана огню Цензурным комитетом.

Николай Николаевич Лотов — член партии большевиков с 1905 года, в 1907—1910 годах один из руководителей Казанской окружной группы при Комитете РСДРП, в 1911 году был осужден к каторжным работам. После революции вел партийную работу в Якутии, а затем на юге России. Погиб в 1921 году.

Что же касается критика ленинской работы, «кимманента» проф. В. Ивановского, то это, очевидно, Владимир Николаевич Ивановский, приват-доцент Казанского университета.

Из послереволюционных изданий произведений В. И. Ленина особенно ценны те, которые выходили в провинции и часто не попадали в крупнейшие книгохранилища страны. В 1917 году томская группа большевиков напечатала книжечку, содержащую манифест VI съезда РСДРП и работу В. И. Ленина «К лозунгам», законченную в середине июля 1917 года. На обложке книги надпись первого владельца, датированная 21 октября 1917 года. Надо полагать, что книга вышла в свет значительно раньше, ибо в Екатеринбурге она появилась 18 августа, а в Красноярске — 29 августа 1917 года.

Собрание русской рукописной и старопечатной книги складывалось также в основном после революции. Отдельные экземпляры поступили с библиотеками Жуковского, Никитенко, князей Голицыных, но большинство книг получены из закрытых духовных учреждений и монастырей.

Одна из интереснейших рукописей нашего собрания — «Измарагда» (1540) — любимая книга древнерусского читателя. «Измарагды» — сборники небольших поучительных «слов». На первых страницах нашего списка читаем «Слово о почитании книжном» (то есть о чтении книг). Это звучит теперь так: Когда читаешь книги, то прилежно, всем сердцем внимаемая, читай; и дважды читай написанное, а не стремись только листы переворачивать.

На границе XVI и XVII веков была сделана попытка тиражирования рукописной книги. По заказу боярина Дмитрия Годунова было изготовлено десять Псалтирей, по имени заказчика называемых годуновскими. Они отличаются большими размерами и большим количеством «лицевых» изображений (миниатюр). Художественные достоинства годуновских Псалтирей столь высоки, что уже в новейшее время их тиражировали еще раз. У нас есть список годуновской Псалтири второй половины XIX века (на бумаге машинного производства). Кажется, такие списки являются более редкими, чем оригиналы. Лишь недавно стало известно о втором экземпляре подобно нового списка.

Среди других рукописных книг можно выделить сочинения, относящиеся к Сибири. Это единственный список «Книги записной», сборника, в котором содержится особая редакция сибирской летописи.

Григорий Новицкий, сосланный в Тобольск, имел возможность обстоятельно познакомиться с жизнью остяков. Свои наблюдения Новицкий изложил в «Кратком описании на

роде остячком», которое в Советской исторической энциклопедии названо «одной из самых ранних в мировой литературе, чисто этнографической монографией». У нас хранится автограф книги Новицкого, также как и рукопись второго тома другого известного сочинения по истории Сибири — книги П. А. Словцова «Историческое обозрение Сибири». Рукопись значительно полнее опубликованного варианта.

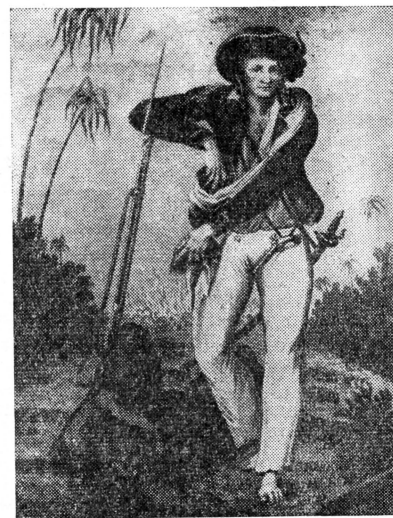
Из старинных книг можно назвать напечатанное Петром Мстиславцем в 1575 году виленское Четвероевангелие, Острожскую библию Ивана Федорова. Как врата учености М. В. Ломоносова всем хорошо известны «Грамматика» Смотрицкого (1648) и «Арифметика» (1703) Магницкого. Хотя книга Магницкого и имеет скромное название «Арифметики», это — свод знаний того времени по геометрии, стереометрии, оптике, экономике, географии, фортификации.

Надо сказать несколько слов о В. М. Флоринском (1834—1899). Он был членом комиссий, решавших судьбу сибирского университета, строил здания университета. Флоринский стремился заполучить ценные книжные собрания для университетской библиотеки. Одно из таких собраний — родовая библиотека графов Строгановых, о которой газетчики иногда пишут с изрядной долей вымысла. Так, Строганов будто бы передал библиотеку Томскому университету только потому, что Флоринский с просьбой обратился к нему «во всеуслышание на приеме» и отказать ему «значило статью посмешищем всего мира». По воспоминаниям же самого В. М. Флоринского, опубликованным в «Русской старине» (1906), дело обстояло гораздо прозаичнее. Строгановская библиотека, никому не нужная, с конца 50-х годов прошлого века хранилась в кладовых Петербургского гостиного двора. Будучи в 1875 году в Одессе, где проживал генерал-губернатор Новороссийского края А. Г. Строганов, Флоринский убедил графа передать библиотеку сибирскому университету, хотя в то время еще не был определен город для его постройки. Строгановская библиотека весной 1880 года попала в Томск. Это было огромное собрание — более 22000 томов. И ныне ценны многочисленные биографические и биобиблиографические справочники из этой библиотеки. Например, словарь Бейля, «Литературная Франция» Керара, «Всеобщий словарь древних и новых биографий», изданные в Париже в 1811—1853 годах.

В строгановской библиотеке много иллюстрированных изданий. И солидные научные труды, и альбомы с воспроизведениями картин, статуй, вооружения, монет и медалей. Одно из старейших изданий — монументальный труд Бернара де Монфоко-

Гравюра на стали: Катарина из «Укрощения строптивой».

А это — сам автор записок «Путешествие в Суринам и во внутреннюю Гвиану...», «героический» офицер Джон Габриэль Стедман...

на «Античность в объяснениях и изображениях», напечатанный в 1719—1724 годах в 15 томах. Изданные иллюстрированы 1332 гравюрами, на которых изображено свыше 40000 предметов греческой, римской и восточной древности.

По контрасту с Монфоконом

можно назвать и этот томик: «Шекспировская» галерея, содержащая главные женские характеры в драмах великого поэта». Предпринятое Чарльзом Хитом издание увидело свет в 1838 году в Лондоне. Том содержит 45 рисунков, выполненных лучшими мастерами английской гравюры на стали. Прелестная книжица переплетена в красную кожу с золотым тиснением.

Хорошо была подобрана строгановская библиотека. Вот лишь некоторые издания по истории географических открытий и путешествий.

В 1726—1739 годах в Гааге были напечатаны 9 томов ин-фолио, содержащие «Большой географический и критический словарь», составленный А.-О. Брюзен де Ламартиньером. Кроме топонимики, в словаре есть также сведения и по этнографии.

Аббат Антуан Превю д'Эскиль, автор знаменитой «Манон Леско», издал «Всеобщую историю путешествий, или Новую коллекцию всех донесений о путешествиях по морю и по суше, которые опубликованы вплоть до наших дней» (Париж, 1746—1789). Серия состоит из двадцати томов, в них 552 листа с картами и видами, гравированными на меди. Описание путешествий Джамса Кука во французском переводе было издано в конце восемнадцатого века в 16 томах. Один атлас занимает три тома, в которых переплетено 205 гравюр и карт. Донесения католических миссионеров в Китае были опубликованы под названием «Записки касательно истории, наук, искусств, нравов и обычаев китайцев, составленные пекинскими миссионерами (Амю, Буржуа и др.), опубликованы Баттэ и де Брекнинь». Издание напечатано в 1776—1791 годах и состоит из 15 томов ин-кварто со 158 гравюрами. «Новые анналы путешествий», издаваемые Эйрие и Мальт-Бреном». Эта серия из 150 томов выходила в Париже в 1819—1856 годах, она также щедро иллюстрирована.

Рушатся ныне последние колонии европейских держав. Бывшие метрополии пытаются удержать свои владения, не гнушаясь никакими средствами (кровавые «подвиги» европейских наемников хорошо известны по событиям в Конго и в Анголе). Колонизаторы также пытаются изобразить себя чуть ли не благодетелями угнетавшихся народов. О том, каковы в действительности были деяния колонизаторов, можно судить по запискам Джона-Габриэля Стедмана (1745—1797), английского офицера на голландской службе. Стедман в 1772—1775 годах был карателем в Голландской Гвиане. Французский перевод его записок был издан в 1799 году под таким заглавием: «Путешествие в Суринам и во внутреннюю Гвиану, содержащее отчет о пятилетних

странствиях и наблюдениях, произведенных в этой интересной и малоизвестной стране, с подробностями о жизни гвианских индейцев и негров... С приложением альбома из 44 гравюр, показывающих виды, планы, портреты, животных, растения и проч., нарисованных Д. Г. Стедманом с натуры». На одной из гравюр — сам автор книги, он стоит, опираясь на штык, а у его ног лежит, словно дичь, убитый негр.

Среди книг цензора и академика А. В. Никитенко очень много первых изданий произведений русских писателей 1830—1870-х годов. Н. В. Гоголь преподнес Никитенко с дарственными надписями первые издания «Арабесок», «Ревизора» и «Мертвых душ» — все в издательских обложках, а обложка «Мертвых душ» сама по себе является редкостью.

Николай Гаврилович Чернышевский, учась в Петербургском университете, слушал у Никитенко лекции по литературе, поэтому свою знаменитую диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности» (СПб, 1855) он преподносит с надписью: «Александру Васильевичу Никитенко, в знак глубокого уважения от его ученика». Книги с надписями Н. Г. Чернышевский дарил очень немногим лицам, и его автографы известны наперечет. Свои автографы Никитенко адресовали Герцен, Гончаров, А. Н. Островский, а также Н. Щербина, Вл. Бенедиктов, Н. Берг.

Библиотека Никитенко интересна также запрещенными изданиями. В ней — «Кобзарь» Тараса Шевченко (СПб, 1840), запрещенный по «повелению» Николая I. Этим же повелением было наложено табу на трехтомное сочинение П. Кулиша «Михайло Чернышенко, или Малороссия восемьдесят лет назад» (Киев, 1843). Кстати, на первом томе этого издания — автограф П. Кулиша: «Его Высокородию, Александру Васильевичу Никитенку в знак отличного уважения от автора».

Особенно замечателен экземпляр трагедии Ивельева (И. Е. Великопольского) «Янетерской», напечатанной в 1841 году. На ее шмуцтитуле Никитенко написал: «Драма эта сожжена, по предписанию министра народного просвещения и распоряжению Цензурного комитета, мною и цензором Курторгою марта 5. 1841 года в Цензурном комитете в числе 700 экземпляров, для чего было затоплено четыре печки». Л. М. Добровольский в своем исследовании «Запрещенная книга в России» (М., 1962) указывает общий тираж издания (720 экз.) и приводит другое число сожженных книг — «только» 628 экземпляров.

Похожа на библиотеку А. В. Никитенко библиотека графа П. А. Ва-

луева. Будучи книголюбом и министром внутренних дел, Валуев получал экземпляры изданий, которые по решению цензуры запрещались и уничтожались — путем ли «сжигания» или же «превращения в бумажную массу», то есть перемалывались на бумажных мельницах.

С библиотекой Валуева к нам попала книга Н. В. Соколова «Отщепенцы» (СПб, 1866). Цензурный комитет нашел: автор ее «...проводит мысль, что революционные идеи не есть нечто произвольное, не имеющее связи с прошедшим, что они зародились при самом начале общества и постоянно развивались, как вечный протест оскорбленного права против торжествующего насилия». Автор был заключен в крепость на один год и четыре месяца, а книга уничтожена.

Книга В. Ю. Скалона «Артели на Руси» (СПб, 1873) была напечатана тиражом 1200 экземпляров, но Комитет министров ее запретил, и она была уничтожена в количестве 1180 экземпляров. Один экземпляр этой книги находится сейчас в библиотеке П. Валуева.

Первая история Парижской Коммуны — сочинение П. Ланжале и П. Коррье «История революции 18 марта» издавалась в 1873 году М. П. Надеиным в количестве 2500 экземпляров. Тираж ее еще не был допечатан (полностью готово было только 14 экземпляров), а уже 15 февраля книгу арестовали и тираж уничтожили. Из 25 оставленных экземпляров один также попал к министру Валуеву.

Гавриил Константинович Тюменцев, преподаватель томской гимназии, много лет собирал печатные материалы о Сибири. Постепенно, книга за книгой, брошюра за брошюрой, им была собрана богатейшая библиотека, которая была систематизирована и имела каталог. В 1925 году собрание Г. К. Тюменцева поступило в библиотеку Томского университета. Кроме большого числа специальных (и иногда очень редких) книг в этом собрании есть уникальные тюменцевские сборники. Собраны Тюменцевым брошюры, отиски, фотографии и другой краеведческий материал. Все это было переплетено в 335 объемистых томов.

Почти все названные здесь издания и целые собрания находятся в отделе редких книг научной библиотеки Томского университета. Многие из них пользуются большим читательским спросом.

НА РЕКЕ ЧУСОВОЙ.

Фото А. Нагибина

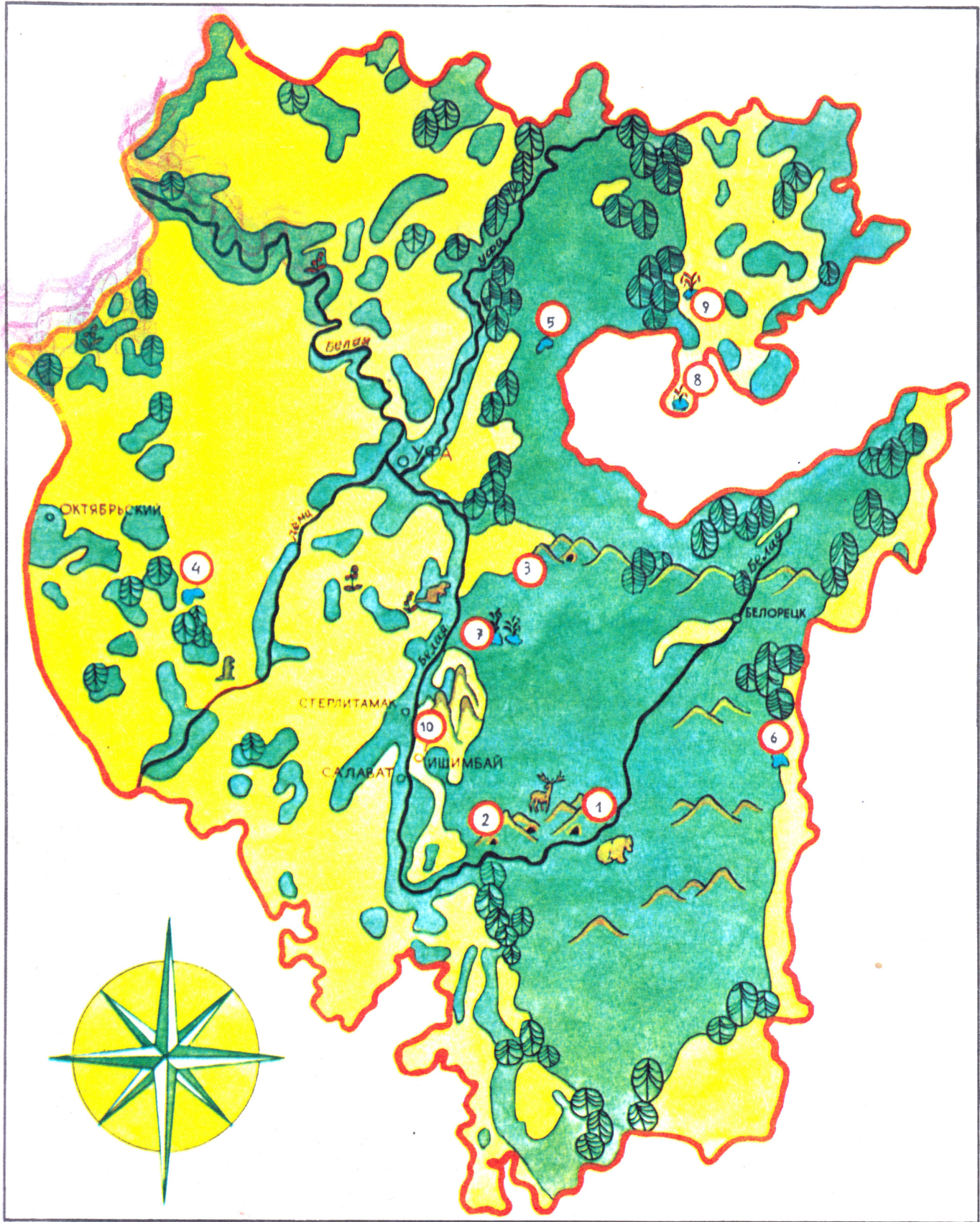
Есть письма, которые выделяются даже в пестрой и, как правило, содержательной редакционной почте. Таким было и это: в конверте оказалось множество снимков с изображением причудливых масок, — резьба по дереву. «Уважаемые сотрудники «Уральского следопыта», — писал автор в коротеньком сопроводительном письме, — может быть, моя просьба покажется нескромной, тогда оставьте без внимания... Я занимаюсь резьбой по дереву. Уже лет десять работы свои нигде не показывал... Кто видит эти мои «игрушки», советуют их показать «пошире», говорят: «грех их держать дома». Посылаю вам снимки, может, заинтересуетесь...» С огромным уважением Лизуро Игорь Иванович.

Снимки были интересными, и мы попросили Игоря Ивановича чуть подробнее рассказать о себе, своем увлечении.

На стр. 18-й помещаем строки из его письма в качестве авторского комментария к работам по дереву.

Глубокоуважаемый товарищ редактор!

В № 5 Вашего журнала за прошлый год опубликована оригинальная постройкою карта природных резерватов Свердловской области, выполненная кандидатом географических наук Н. Архиповой.

Текстовое сопровождение, классификация резерватов и цветная легенда удачны и делают карту понятной читателю любого уровня. Такая доступность позволяет использовать эту карту очень широко: в школе, в вузах, при чтении публичных лекций и т. п.

Мне неизвестны региональные карты природных резерватов, в которых столь удачно совмещались бы полнота содержания и наглядность. Опубликованная Вами карта может в известном смысле служить эталоном для такого рода картировок. Автор карты Н. Архипова и Ваш журнал оказались впереди. Примите по этому поводу мои поздравления.

Саму же карту желательно было бы издать отдельным массовым тиражом. Впрочем, это адресовано уже не редакции журнала, а автору карты в качестве совета.

С уважением

О. Е. АГАХАНИЯНЦ,

доктор географических наук, профессор, член-корреспондент Международного Географического союза.

г. Минск.

От редакции. В этом номере редакция публикует карту памятников природы Башкирии.

БАШКИРИЯ ЗАПОВЕДНАЯ

**Евгений
КУЧЕРОВ**

Башкирия... Около половины ее территории — леса. Большая же часть — лесостепь. Но в Башкирии есть и настоящие ковыльные степи, сохранившиеся в Зауралье.

В республике — один заповедник с филиалом в излучине реки Белой, 15 охотничьих заказников, 4 заказника по охране лекарственных растений.

Еще в 1930 году в полосе сосновых и лиственных лесов Южного Урала был организован Башкирский государственный заповедник. Здесь сохранилась особая раса бурого медведя, акклиматизирован алтайский марал. В 1957 году к заповеднику присоединили Прибельский филиал с широколиственными лесами. Здесь обитает башкирская бортевая пчела, в реке Белой сохранился таймень. Здесь же — знаменитая Капова пещера с рисунками эпохи палеолита.

Ставится вопрос об организации в Башкирии еще одного заповедника — «Шайтан-тау», чтобы сохранить дубравную лесостепь. Этот резерват уникален: здесь находится самая большая дубрава в южной лесостепи. Другого подобного леса между Доном и Уралом нет. Тут рядом живут медведь и сурок, летяга и тушканчик. Сейчас тут заказник, подчиняющийся Министерству лесного хозяйства республики. Его надо превратить в заповедник...

Есть идея организовать филиал Башкирского заповедника на одной из высоких вершин Южного Урала: на горе Б. Яман-тау (1640 м) или на горе Б. Иремель (1586 м). Здесь должны проводиться научные исследования. Пока же на Б. Яман-тау организован лишь заказник по охране лекарственных растений, а Б. Иремель взят под охрану государства как памятник природы.

Охотничье-промысловых животных в Башкирии охраняют 15 заказников. Например, в Наказбашевском заказнике охраняется сурок-байбак. Он редко сейчас встречается в Башкирии, а здесь есть его колонии, зверек быстро размножается. В Бирском заказнике выпущена ондатра. Некоторые охотничьи угодья малы, поэтому они указаны только как памятники природы. В Белом озере обитает бобр, а в озерах Большая и Малая Елань живет выхухоль.

Особое внимание уделили в Башкирии организации заказников по охране лекарственных растений. Надо упорядочить заготовки ценных растений. Уже организовано четыре таких заказника: для горичвета весеннего, по реке Ря и около с. Аскароро для плауна, баранца, брусники, толочнянки, шихши на горе Б. Яман-тау и для шиповника, смородины в Кигинском районе. Есть проект организации еще восьми заказников для охраны горичвета весеннего, ландыша майского, а также шиповника, смородины, жостера, черемухи, калины. Такие места намечаются и на территории памятников природы для охраны брусники, черники в еловых и елово-пихтовых лесах.

В Башкирии в 1965 году постановлением Совета Министров республики означено 114 памятников природы. Из них 25 — геологические (15 пещер), 27 — водные объекты (минеральных источников — 9 и озер — 14), 51 — ботанические (32 ценных лесных массива, 5 дендропарков и т. п.), 3 — зоологические и 8 комплексных памятников природы. Памятники природы не все нанесены на карту. Вот лишь те, что имеют общесоюзное значение.

Капова пещера (1) — по-башкирски называется Шульган-таш. Находится на территории Прибельского филиала. В ней обнаружены рисунки древнего человека. Пещера состоит из трех ярусов. Общая протяженность залов — два километра. Пещера имеет не только общесоюзное, но и мировое значение как археологический памятник.

Карстовое урочище Кутук (2) — редкое проявление глубинного карста. Оно находится в Мелеузовском районе. Здесь одних только пещер насчитывается 36. По суммарной длине ходов (8200 м) пещера Сумган является самой длинной, а по глубине (126 м) самой глубокой на Урале.

Аскинская пещера (3) находится в Архангельском районе в полосе западных предгорий Южного Урала. Это — пещера-ледник. В ней круглый год держится температура ниже нуля. Лед накапливался там тысячелетиями. В большом зале семнадцать ледяных столбов.

Озеро Аслы-куль (4) — самое

большое в республике. Оно занимает площадь в 18 кв. км, находится в Давлекановском районе. Вода в нем солоноватая. В окрестностях — редкие виды растений. Озеро богато рыбой, гнездится много видов птиц. Красивые скалы, песчаные пляжи, нежная зелень деревьев.

Озеро Сарва (5) находится в Чуримановском районе в полосе западных предгорий Урала. Карстового происхождения. Глубина местами доходит до 38 метров. Из озера вытекает речка Сарва, которая на своем пути несколько раз уходит под землю.

Озеро Мулдак-куль (6) находится в Зауралье в Абзелиловском районе. В озере много лечебных грязей. Они используются в санатории «Якты-куль».

Красноусольские минеральные источники (7) расположены в Гафурьевском районе, в долине речки Усолки. Всех родников здесь насчитывается около 250. Здесь курорт «Красноусольск».

Источник Кургазак (8) находится в Салаватском районе. Это теплый радиоактивный источник, вода и зимой не замерзает. Целебна.

Янган-тау (9) — единственная на планете местность с неповторимыми термическими явлениями. Идет непрерывное выделение из недр огромного количества тепла, горячего пара и газов, и все это происходит далеко от мест проявления современного вулканизма. Здесь курорт «Янган-тау».

Стерлитамакские шиханы (10) — горы-одиночки. Это единственные на земном шаре геологические образования, которые сложены белыми известняками с остатками морской фауны. Они возвышаются конусовидными вершинами. По склонам гор растут древние растения.

Изучение памятников природы показало, что у нас в Башкирии еще около 150 новых памятников природы, которые необходимо охранять. Все существующие памятники закреплены за предприятиями. Особенно хорошо эта работа проведена лесхозами. У лесников также на учете памятники природы.

В Башкирии может быть открыто три природных парка. Южно-Уральский, Нижне-Бельский, Инзерский. Природа там сохранилась только потому, что туда трудно было проникнуть на автомашинах. На территориях предлагаемых природных парков уже есть туристские базы, дома отдыха. Может быть, читатели «Уральского следопыта» предложат более подходящие места для организации зон отдыха в Башкирии?

«Уважаемые товарищи!

Возле своего огорода я нашла воздушный шар с коробкой. Видимо, он наблюдал погоду и упал. В белой коробке комплект питания, и еще неизвестный прибор с антенной, и железная бирочка с номером. На шаре из пленки — тоже номер, дата и штамп ОТК.

Что с этим прибором делать? Важно кому-то знать, где упал шар, показания приборов или все это можно выбросить, отдать в игрушки детям?

**Плотникова Анна Семеновна,
Свердловская область,
Белоярский р-н,
д. Златогорова.»**

На письмо нашей читательницы по просьбе редакции ответил сотрудник Свердловской гидрометеосерватории.

**«Уважаемая Анна Семеновна!
Ваше предположение правильное: Вы обнаружили метеорологический прибор — радиозонд.**

Радиозонд, предложенный советским ученым П. А. Молчановым и впервые запущенный в воздух в 1930 году, сейчас широко используется во многих странах мира. Благодаря маленькому передатчику показания прибора передаются на землю, на станции вычисляют по ним давление, температуру и влажность воздуха на различных высотах. С помощью радиолокатора вычисляется высота и направление полета, а также направление и скорость ветра в верхних слоях атмосферы. Все это имеет большое научное и практическое значение для прогнозирования погоды, обеспечения полетов авиации и т. д.

Сбор и ремонт радиозондов для повторного использования в настоящее время нецелесообразен.

**Благодарим Вас за сообщение.
Н. Н. Подгайский, метеоролог.»**

Есть письма, которые выделяются даже в пестрой и, как правило, содержательной редакционной почте. Таким было и это: в конверте оказалось множество снимков, с изображением причудливых масок, — резьба по дереву. «Уважаемые сотрудники «Уральского следопыта», — писал автор в коротеньком сопроводительном письме, — может быть, моя просьба покажется нескромной, тогда оставьте без внимания... Я занимаюсь резьбой по дереву. Уже лет десять работы свои нигде не показывал... Кто видит эти мои «игрушки», советуют их показать «пошире», говорят: «грех их держать дома». Посылаю Вам снимки, может, заинтересуетесь... С огромным уважением Лизуру Игорь Иванович».

Снимки были интересными, и мы попросили Игоря Ивановича чуть подробнее рассказать о себе, своем увлечении. Ниже помещаем строки из его письма в качестве авторского комментария к работам по дереву (репродукции на нашей вклейке сделаны фотокорреспондентом А. Нагибиным).

«Здравствуйте!

Обрадовали Вы меня!.. Отвечаю на Ваши вопросы...

Любовь к дереву привил мне дед (по маме) Викентий Францевич. Он вырезал, да и теперь, в свои 96 лет потихоньку продолжает — ложки, корытца, ступки, вальки. Под его влиянием закончил лесотехникум и, видимо, жил бы в лесу. Все перевернула служба в армии. Служил топографом-чертежником. Умел писать, рисовать, — пришлось заниматься оформительской работой... Женился, родились близнецы, Вова и Наташа. Дали квартиру в Нижнем Тагиле. Так я стал уральцем. (Сам я родом из Белоруссии, там и жил до армии.) Потом работа на химическом заводе, и последние три года работаю на заводе пластмасс слесарем.

Первую работу («Идущие гномы») по дереву сделал в 1967 году. Так что можно считать, что занимаюсь резьбой 10 лет. Нигде не учился. «Самородок». Но говорю об этом с горечью, так как отсутствие школы и техники сказывается. Особенно в работах по живописи (пробую и это)... Больше всего люблю сказочную тематику, здесь есть где «размахнуться», пофантазировать. Ничто не сковывает: ни «натура», ни размеры, ни конкретность.

Всех «нечистых», что знаю, — сделал: бабу-ягу, леших, чертей, водяного, русалку, кикимору, кентавров, Змея Горыныча, царя с его традиционными тремя сыновьями...

Как уже сказал, пробую свои силы в живописи, и тоже на темы сказок: царь Кащей (зло), царь Берендей (добро), Жар-птица, Хозяйка Медной горы, Лукоморье и гриптих «Колобок», «Репка», «Курочка-ряба». Последний приобретен Белорусским домом народного творчества. Участвовал на выставке в ГДР, Польше (есть каталог)...

Да, Вы спрашивали о технике: все — дерево, за исключением «Кижей». Это — макет из пенопласта. Просто резьба — тоцированная, отсюда и разница в цвете. Размер разный. Самая крупная — баба-яга — около 1 метра, маски — раза в полтора больше натуральной «человечьей» головы.

Ну, вот и все.

С лучшими пожеланиями

И. ЛИЗУРО.
Н. Тагил.»

Перво- гвардейцы

Советская гвардия родилась 18 октября 1941 года. В приказе наркома обороны Союза ССР № 308 стрелковые дивизии 100-я, 127-я, 153-я и 161-я... «...за боевые подвиги, за организованность, дисциплину и примерный порядок»... переименовывались соответственно в 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю гвардейские дивизии. 153-я стрелковая дивизия, ставшая 3-й гвардейской, формировалась перед самой войной на Урале. Штаб дивизии находился в Свердловском Дворце культуры строителей, что на Первомайской улице.

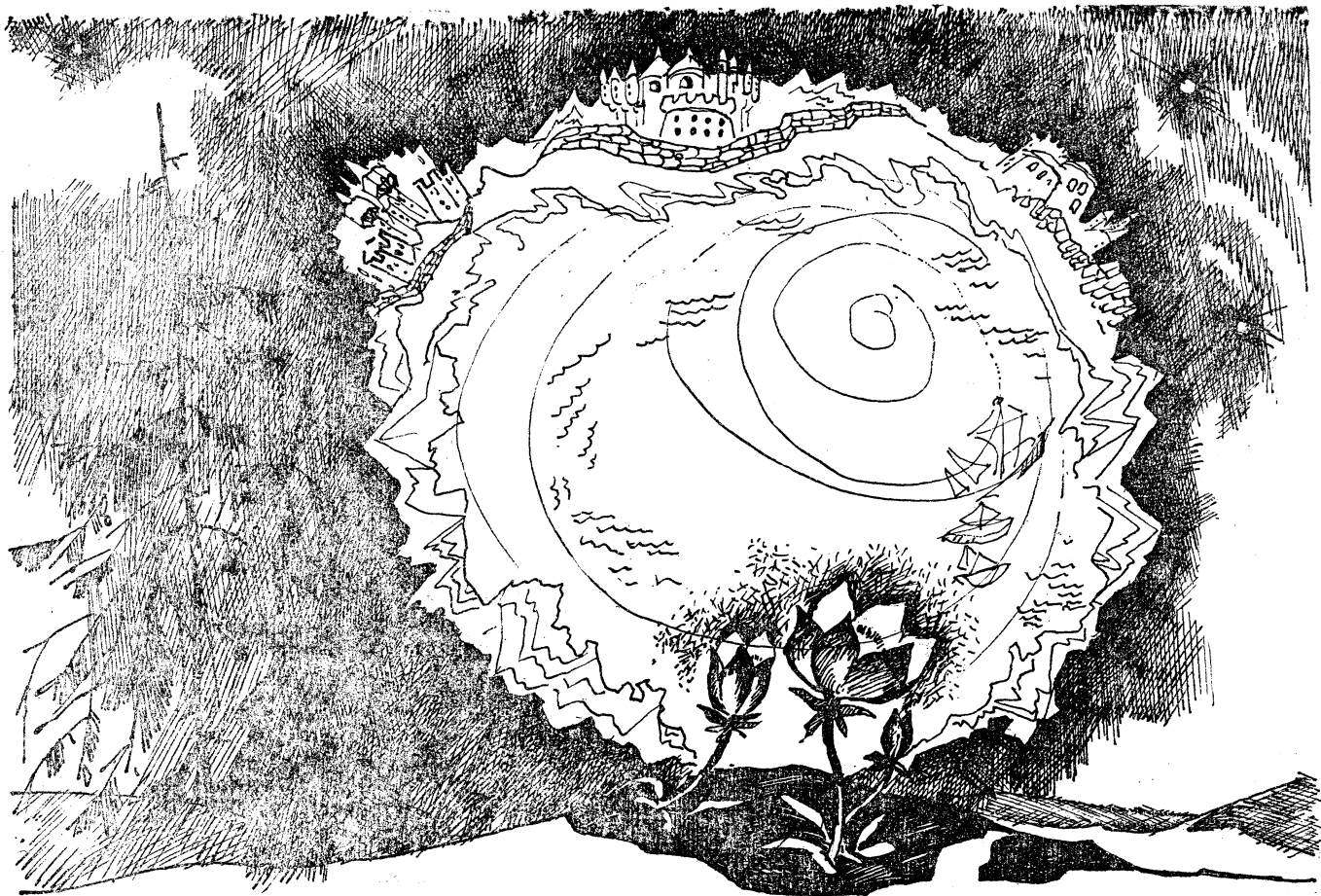
Среди уральцев развернулось в те дни соревнование за переходящее Красное знамя имени 3-й гвардейской стрелковой дивизии. Соревновались и студенты всех факультетов Политехнического института. Итоги подводились каждый семестр.

— Еще как соревновались! И учились, и помогали в оборонных делах, — вспоминает доцент инженерно-экономического факультета И. Сандлер.

Вот почему Совет ветеранов 3-й гвардейской стрелковой Волновихской Краснознаменной ордена Суворова дивизии решил наградить коллектив Уральского политехнического института почетным знаком «Первогвардеец» с передачей его на вечное хранение в музей боевой и трудовой славы УПИ. Знак приняли комсомольцы интерстройотряда «Урал» перед отъездом в братскую Чехословакию. И не подкачали за рубежом. Работали уральцы здорово — опередили в труде сверстников из ГДР и Чехословакии.

На фото: почетный знак «Первогвардеец».

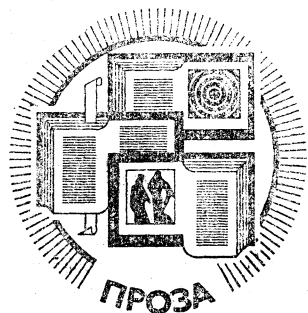
Б. ПАНФИЛОВ,
ветеран-первогвардеец

МЫ ИДЕМ К ЛУНЕ

**Владимир
САПОЖНИКОВ**

*Рисунки
Н. Лазаревой*

Закон предков

Проснувшись, он первым делом пристегнул на руку компас со светящейся стрелкой, потом, надев свитер и брюки, еще раз проверил: на месте ли карта. Карта была на месте, она хрустела в потайном кармане.

— Вот молодец, уже оделся, — похвалила мама. — Брюки теплые, свитер...

Родители завтракали в кухне, он, не садясь за стол, — надо было торопиться — съел котлету, выпил кефир и, положив в один карман

два сухаря, в другой — коробок спичек, сказал:

— Я уйду. В экспедицию.

— В какую экспедицию? — удивилась мама.

— В далекую, — неопределенно ответил он. — Вернусь поздно. Может, ночью.

— Что за новости — вернусь поздно? Ты забыл, что у тебя сегодня день рождения, скоро гости придут? Что за глупые выдумки, никуда не пойдешь...

В другой день пришлось бы упрашивать маму, зареветь даже, но сегодня, в день рождения, все было по-другому, можно и не реветь.

— А закон предков? — спросил он. — Ты, мама, забыла?

Закон предков — это очень древний закон. От дедов и прадедов. Закон такой: раз день рождения — делай, что хочешь, ты вольная птица. Как взрослый: иди, куда хочешь, ты свободен! Хочешь в лесу ночевать — ночуй, раз ты охотник. Разжигай костер, жарь дичь и спи в снегу — никто тебе не имеет права запретить. Вот какой был закон у предков, — это папа рассказывал, очень хороший закон.

Он всю зиму ждал своего дня рождения, еле дождался. Вчера ему было пять, а сегодня уже шестой. А Тимофею из девятой квартиры как было пять лет, так и осталось...

— Ах, вот оно что! Закон предков! — наконец, вспомнила мама и растерянно спросила: — А что за экспедиция? Куда ты пойдешь?

— Это секрет, нельзя говорить... — Однако ему стало жаль маму и, поколебавшись, он сказал: — Я иду... к луне.

— К луне? Час от часу не легче!.. Ну, в лес, ладно, а кто же пешком ходит к луне?

Мама ничего не знает. Она думает, луна — это которая над крышами. Эту луну все знают, по телевизору показывали, как по ней ходили космонавты в скафандрах и ездила машина — лунник — на многих колесиках. Все ее видят, эту луну, она то круглая, как фонарь на столбе, то делается половинкой, будто ее палкой расколотили. Бабушка тогда говорит: месяц ущербился.

Его луна не на небе. Она в Березовом логу. А Березовый лог — это, ого, как далеко! Туда надо идти целый день. С компасом, потому что через дикий лес. Заблудиться без компаса — проще простого. Дорогу в лесу у кого спросишь? У зверей? Нет, в Березовый лог не каждый сунется. Надо быть путешественником. И охотником.

Его луну никто не видел. Только они с отцом. Двое. Еще про луну знает Таня Огородникова. Тане он сам рассказал, как они ходили в Березовый лог. Очень давно ходили — весной, был он тогда еще совсем маленький. Тане он рассказал потому, что она умная и все понимает. И умеет хранить тайны. Таня понимает даже больше, чем папа, такая она умная.

Он взял бы в экспедицию Таню, но нельзя. У Тани неправильный клапан в сердце, где же дойти ей до Березового лога? На лыжах Тане разрешают только возле дома и все из-за этого неправильного клапана.

Он рассказал бы маме про свою луну, но знал: мама не поверит. Скажет, все выдумки, сказки. Навыдумывали, скажет, а на самом деле ничего не было. Никакой луны.

Но все было. Был тихий вечер в Березовом логу, они сидели с отцом у костра, а в сумерках ходил по лугу коростель и кричал:

— Дыр-дыр! Дыр-дыр!

Все вокруг замерло, даже деревья, даже речка, и только ходил в тумане коростель и всем: птицам и рыбам, деревьям и шмелям, лягушкам и стрекозам очень громко кричал:

— Дыр-дыр! Дыр-дыр!

Дескать, замрите. Слушайте и глядите во все глаза, сейчас свершится!

Вот тогда он и увидел ее, свою луну. Из-за горы сквозь сосны пролился серебряный свет, потом показался край ослепительно сияющего круга. Огромное, сверкающее выросло над горой, заливая долину Росянки, весь Березовый лог ослепительным светом.

Все затихло, даже вешун-коростель замолк, перестали играть на своих скрипочках лесные сверчки.

Луна, огромная, сияла вполнеба, одним краем касаясь горы, и была она совсем рядом! Можно бы забежать на гору, протянуть руку и коснуться серебряного края: луна была совсем близко! Но он не побежал и, как все вокруг, тоже замер, притих, замороженный дивом. На луне виделись пещеры и вулканы, каменные зубчатые стены, — все было серебряное — дворцы, шпили, водопады, корабли под парусами...

Ах, как жаль, что он не побежал тогда, только бы через Росянку перейти, забежать на гору: луна ослепительно сияла за рядами сосен, касаясь края земли!

Но был он тогда маленький, всего боялся. Сейчас другое дело: ничего он не испугается. Уже пошел шестой год. И есть оружие...

— Мне пора, — сказал он родителям. — Я уйду.

В своей комнате он в последний раз осмотрел оружие, приготовленное еще с вечера. Оно лежало на табуретке — двуствольное ружье, автоматическое. Рядом револьвер, тоже автоматический. И патронташ, подарок отца, настоящий, с медной застежкой, чтобы не промокли боеприпасы. В патронташе — запас автоматических лент. Вчера ездил в универмаг, купил на большой железный рубль. Не хотели давать так много, но сказал — в экспедицию. Дали...

— Я сегодня, может, не вернусь, — застегивая пуговицы красного мехового комбинезона, сказал он маме. — Могу не успеть.

— Спасибо, что предупредил, — сказала мама. — Ты-то что молчишь? — повернулась она к отцу. — Вот они, ваши ночные шушуканья. Не вернись! Нет уж, никуда ты не пойдешь!

— Ничего, мать, не поделаешь, — сказал отец. — Не можем мы отменять экспедицию, законы надо уважать. День рожденья — день свободы. А беспокоиться, по-моему, не надо: ты же видишь, человек отправляется в экспедицию не с бухты-баракты. Все приготовлено: оружие, компас. Тут дело серьезное, сама видишь.

Конечно, серьезное. Отец — мужчина. Они с отцом понимают друг друга, потому что оба мужчины. На рыбалке, в походах они разговаривают всегда как мужчина с женщиной.

Конечно, пускаться в такую далекую экспедицию с бухты-баракты смешно. Он не Тимофей из девятой квартиры, тот пошел бы и... заблудился. Еще неделю об экспедиции и думать было нечего: не было компаса. И оружия не было.

Теперь компас есть. Со светящейся в темноте стрелкой. Выменял на бинокль. И оружие есть. И боеприпасы.

В нагрудный карман он положил баночку с гусиным жиром. Это от обморожения — гусиный жир. Дала его Таня Огородникова. Она и про экспедицию знает, но хранит тайну.

Таня говорит, что в лесу живут маленькие старички с пенек ростом, очень добрые. Они боязливые, не любят показываться на глаза людям, но в лесу их все равно можно встретить. Не днем, конечно, а когда темно, и можно с ними поговорить. У них есть плетеная кошелочка за спиной, в той кошелочке — всякие травы от болезней. И от неправильного клапана есть волшебная трава.

Бабушка ему тоже про этих маленьких старичков рассказывала, только называла их лешачками. Лесовички-лешачки. У тех старичков лесных зеленые бороды, курчавые, как трава-мурава, и востренькие глазки. Как у бурундучков. Подпоясаны лешачки веревочкой, а на ногах из бересты лапти.

Потому он и собирался ночевать в лесу, чтобы найти лешачка-лесовичка маленького. С бородкой, с кошелкой за спиной. И попросить у него волшебную траву для Таниного сердца. Чтобы оно стало правильное. Таня — его лучший друг на всем свете!.

— Ладно, я не отменяю экспедицию, — согласилась, наконец, мама. — Только ты, может быть, пригласишь папу? Какая же экспедиция из одного человека?

И правда, что за экспедиция из одного человека? Получается, ты и начальник, ты же и подчиненный. И кто-то должен носить грузы и боеприпасы. И кто-то должен охранять ночью лагерь.

— А что, — сказал отец. — Я не против. Если меня пригласят, конечно. Согласен быть носильщиком, поваром, проводником.

Как быть? Пригласить отца или идти одному?

Отец — человек знающий. Он был на войне. И даже из пушек стрелял. У папы широкий военный ремень с бляхой и орден есть. И медали. Значит, он тоже храбрый. Он посмотрит на след, скажет, какой это зверь пробежал, какая крикнула в лесу птица. И умеет варить охотничий суп из кореньев. Отец не то, что мама: не ешь снега, застегнись, не ходи туда, не гляди сюда. Отец — человек надежный, и как же в экспедиции без подчиненного?

— Только я буду главный, — поставил он жесткое условие. — Ты носильщик, а я начальник. И костер я буду разжигать. И дичь обдирать. И есть сырое мясо.

— Сырое мясо! А для кого я пекла торт? — сказала мама. — Вы же не дикари, чтобы есть сырое мясо. Возьмите торт, я упакую. Он очень калорийный.

Торт? В великий поход к луне? Кушать торт у таежного ночного костра?

— Торт мы не возьмем, извини, пожалуйста. Сухари я положил. Остальное добудем в походе. Надо еще соли.

Конечно же, не забыть соль. Кто знает, сколько дней продлится экспедиция. И неизвестно, чем будешь питаться в дороге,

Сквозь дебри

Сосны сомкнулись над головой, внизу темень. И никого: экспедиция продвигается диким нехоженым лесом. Молодые сосенки с макушки до земли облеплены снегом, стоят плотной толпой, а в таловых карчах-крепях — сумрак, как ночью. Лишь редко где пробьется солнце и полянка ослепительно засверкает тысячью звездочек.

Ни звериного следа, ни голоса птиц, лес замер, дремлет. Только поскрипывают лыжи.

Вот в таких глухих местах живут, наверное, маленькие лесовички-лешие. А их шалашики спрятаны где-нибудь в таловых карчах, в самой гущине.

— Стоп!

Начальник экспедиции, махнув рукой, дал знак остановиться. Надо оглядеться: что это темнеет среди кустов? Островерхое что-то, занесенное снегом. Шалаш? Двускатный домик-шалаш весь под снегом, а внизу черная круглая дыра — вход.

А это кто возле большой сосны? В белой пушистой шапке? И смотрит прямо на охотника. Волнуясь, охотник взгляделся в сумрак леса, нерешительно шагнул — и старичок у сосны тоже качнулся, тоже шагнул! Только в сторону шагнул, будто хотел юркнуть, спрятаться за сосну.

Охотник испуганно замер, и старичок тоже остановился, боязливо выглядывая из-за сосны.

Какой же он странный, лесной человечек, ты шагнешь — и он шагнет! И все хочет спрятаться, исчезнуть. Ты остановишься — и он тоже замрет и смотрит на тебя...

Что же делать? Как надо бы поговорить с ним, только бы он не убежал! Уметь бы разговаривать на лесном языке! Он сказал бы, что ничего такого делать не хочет. Он бы только спросил: «Дедушка, у вас есть волшебная трава? От сердца? Если есть, дайте, пожалуйста. Очень, очень нужно для одного человека. Дайте немножко...»

Старичок смотрел прямо на него, стоял и смотрел, а охотник обмирал от страха, что тот юркнет, пропадет, исчезнет в тени карчи!..

Но никуда он не юркнул, не спрятался. Это был не лесной человек, а настоящий пенек с сучком вместо носа. А навалило снегу — и будто заячья шапка с козырьком и одним ухом. Таких пеньков в лесу много, и шалаш был не шалаш, а согнутые до земли две сосенки, заваленные снегом. Охотник заглянул вовнутрь шалаша: там было темно, пахло мышами.

Он сердито сбросил с пенька шапку. Раз пенек, так нечего прикидываться кем-то еще!

Настоящие лесовички — не обманщики. Они добрые, всем помогают, только их надо искать ночью, когда в лесу темно и никого нет.

Шли дальше так: начальник экспедиции впереди, носильщик с рюкзаком в нескольких шагах сзади. Таков приказ. И еще приказ: быть настороже, когда сгибали таловые заросли. Вдруг там кто затаился и — прыг сзади! Ружье на грудь, револьвер еще раз проверить и снова за пояс. Выхватить его — дело одной секунды.

Курс по компасу. Направление — северо-северо-восток. Тут, в диком лесу, без приборов и карты — ни шагу. Карта вот она, в кармане, с маршрутом до самого Березового лога. Такая карта только у него и больше ни у кого на свете!

Карту рисовала Таня. Он рассказывал, а она рисовала, потому что это не мужское дело — рисовать карту. Только он взял с Тани клятву никому не разглашать тайну Березового лога...

А это что нарисовано? Прямо среди леса избушка с высокой трубой. Это разбойничья избушка. Сто лет назад в лесу жили разбойники и прятали клады. Награбят золото и спрячут. А еще в избушке жила баба-яга и каждую ночь летала над лесом в ступе. Покатается и снова — фырр — в трубу...

И речка Росянка нарисована, и рыба, которая живет в омутах, — рыба-хариус. И много-много березок, и черемуха, и водопады, и стрижинные норки в берегу, — это и есть Березовый лог, куда экспедиция держит путь. Костер тоже нарисован. Тут был их прошлогодний лагерь, а на той стороне речки — Лунная гора. Из-за нее и всходила весной их луна! Это место на Лунной горе помечено тайным знаком — кружком с

точкой посредине — похоже на глаз. Никто не догадается — просто чей-то глаз, птицы или какого-нибудь неизвестного зверя.

Хорошая карта, все на ней нарисовано, даже Тимофей из девятой квартиры по ней не заблудился бы, да где у него такая карта?!

Он совместил карту со сторонами света, вычислил по компасу дальнейший курс экспедиции.

— Курс — северо-северо-восток. Шестьдесят градусов, — сказал он и, когда носильщик снова надел рюкзак, приказал:

— Идти след в след. И не шуметь. И громко не разговаривать.

Очень даже правильно: в лесу только неохотники шумят и разговаривают. Иди так, чтобы ты всех слышал, а тебя — никто. Это закон тайги.

Снег под соснами синий, почти черный, а на солнце он искрится и сверкает — больно смотреть. Всюду на соснах пышные шапки снега, и кажется, сосны цветут большими белыми цветами.

Осины зеленые, их голые ветки густо облепили шмели. Это не шмели, а почки, их много-много, будто на каждую осину опустился шмелиный рой. Вот он зажужжит, снимется, полетит, гудя, в небо!

А сержики на березах как ласточки, только совсем крохотные ласточки. Они раскинули крылышки и летят, летят в синеве неба!

Но стоять и глазеть по сторонам некогда. Путь экспедиции через урманы, сквозь нехоженные дебри.

И вдруг — следы. Свежие следы на снегу! Поперек курса экспедиции прошел неизвестный зверь...

По звериному следу

Следы — два продолговатых — впереди, а чуть сзади — ямки поменьше. И когти. Они явно отпечатались в снегу! Не когти, а когтищи, длинные, остро загнутые, значит, зверь-хищник. Кто он? Когда прошел через лес?

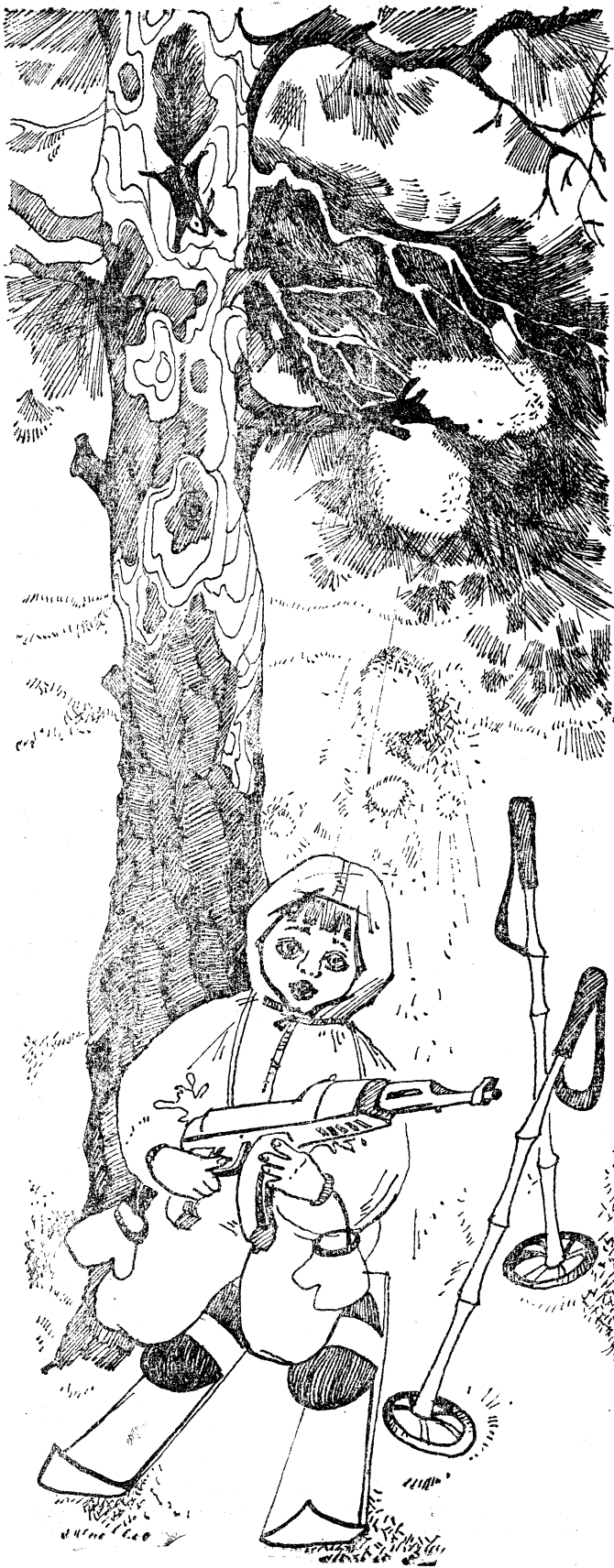
Зверь был неизвестный. Прыжок — все четыре лапы вместе, опять прыжок. Значит, зверь прыгающий! Хищник, который скачет огромными прыжками. Как он нападает? Прыгает на жертву с дерева? Или, затаившись, ждет ее в засаде?

Сняв рукавицу, он тщательно измерил глубину следа. След был свежий! Зверь только пробежал и, может быть, он где-то рядом.

Ружье наизготовку, отцу шепотом:

— Нагнись. И тише!..

Он хотел приказать отцу отстать: со своим рюкзаком он казался слишком громоздким, шум-

ным. Но подумал: вдруг зверь нападет сзади? Кто-то должен защищать спину...

Следы вели к старой березе. На снегу насорено — сучки, кора, щепки. Зверь чистил когти! Хищники всегда так точат когти — о дерево, чтобы они были острее. Но где же зверь? Куда побежал дальше?

Ага, вон куда — в таловую крепь. В низине занесенная снегом таловая чаща, туда и вели следы и пропадали в сумраке зарослей.

Теперь — осторожность! Не скривнуть лыжей. Шаг, еще шаг, курки ружья взведены. Что-то промелькнуло в темени кустов и сразу исчезло. Скорая, беззвучная тень! Мушка ружья проследила за мельканием, но... стрелять только наверняка!

Затаив дыхание, обошли кусты: не выходят ли следы с другой стороны?

Так оно и есть! Те же следы — две продолговатых ямки, две поменьше с отпечатками длинных когтей! Только теперь расстояние между следами вдвое, нет, втрое увеличилось! Зверь услышал охотников, почуял запах пороха! Значит, он был тут, в таловой заросли, вот только что был, это он мелькнул. Может быть, ждал их, а запах пороха и спугнул его. Звери ужасно далеко слышат запах пороха!

Значит, подходить с подветренной стороны, перехитрить зверя. Ага, откуда ветер? Охотник послунял палец, поднял его. Удача: ветер дул со стороны зверя! Вперед, вот он, след, протянулся к одинокой сосне! Охотник пошел не прямо по следу, а чуть стороной. Обошел валежину, обогнул канаву, вот она, сосна. Ну, теперь глядеть в оба!

Обходя сосну, он был готовым ко всему. Шаг, еще шаг, ну где же ты?

И тут кто-то рявкнул. Над головой, в гущине веток, что-то мелькнуло в воздухе и обрушилось вниз. Отскочить охотник не успел...

Что-то обрушилось на спину охотника. И что-то холодное, острое — за шею. Охотник отпрянул...

— Чак-чак! Чак-чак-чак! — это сверху.

Глыба снега упала прямо за воротник. В ветках мелькало что-то серое, длинное, огромное. Ну, не очень огромное, но и не маленькое. Скакало с ветки на ветку, дымчатое, два злых глаза. И хвост. Хвост больше самого зверя.

Два черных глаза, как шило, буравили охотников: уходите! Хвост, как сабля, сечет воздух: уходите прочь!

Это белка. В городе тоже есть белки, но там другие белки. В городе они не нападают. И не сбрасывают холодные сугробы снега. Это лесная, дикая белка. Тигриная белка. Если бы не оружие, она бы напала. Может быть, это хищная людоедка, которая нападает на безоружных.

Ну, раз война — то война. Палки в снег — это подшошки. Ствол на палки, чтобы целиться.

Вот — голова с ушками-кисточками на ружейной мушке, палец на спусковом крючке! Нажать, выстрел — и нет тебя!

Но сидело на ветке и глядело вниз белое, дымчатое, с пушистым хвостом. И не такое уж большое. Даже маленькое. Уши с кисточками. Глаза — угольки. И мигают! Наклонит голову, поглядит и мигнет. И почему она не боится ружья? Оно же двуствольное!

Голова белки на мушке. Смертоносные стволы наведены прямо на нее. Она все видела и вдруг села... и стала тереть глаза передними лапами... Она умывалась! Сначала левый глаз потерла, потом, послунявив лапку, — правый. И вдруг задней ногой почесала себя за ухом!

— Она умывается, — растерянно сказал он.

— Как видишь, — ответил отец. — Ты ведь тоже умываешься.

Значит, она умеет умываться?! Странно, дикая, хищная белка, а мигает и умывается!

— Она серая, как мороз, — сказал он отцу. — Только она глупая, потому что не боится ружья.

— Может быть, не надо в нее стрелять? — сказал отец. — Пусть живет себе на здоровье.

Конечно, пусть живет. Хотя она и дикая, свирепая белка и сбрасывает на охотников снег.

Лесное болото Кабанья голова

— А не свериться ли нам еще раз с картой, начальник? — сказал носильщик. — Мне показалось, мы опять здорово отклонились от курса, пока охотились. И идем не туда.

— Мы идем туда, — ответил начальник экспедиции. — И не отклонились, а изменили курс.

— Хорошо, если так, — успокоился носильщик. — А какой у нас теперь курс?

— Востоко-запад.

— Востоко-запад? Наверное, ты хотел сказать — северо-северо-запад? Потому что такого курса — востоко-запад — не бывает. Это все равно, что сразу идти туда и обратно.

— Ну да, я так и хотел сказать: северо-северо-запад. Как ты догадался?

— Ну... подумал и догадался. А почему экспедиция изменила курс?

— Потому что пойдем неизвестным курсом, будем идти, идти и вдруг — неизвестная гора. Или вулкан. Или великая неизвестная река.

— Понятно: экспедиция изменила курс, чтобы сделать великое географическое открытие.

Конечно, открытие! Потому что какая же это экспедиция, если она ничего не открыла или ни с кем не сразилась? Раз путешествие, то обязательно сражения и разные приключения. Это если сидеть дома, то ничего не бывает. Какие

приключения у Тимофея из девятой квартиры? Разве что упадет и нос расквасит.

Впереди красивая дуга-арка: старую березу согнуло до самой земли, и получилась арка. А из ее сучьев по верху выросли молоденькие березки — целая аллея на старой березе-арке!

Под аркой сделали короткий привал, попили из термоса чай, и опять в путь курсом на северо-северо-запад. Но никакого географического открытия пока почему-то не было. Ни реки, ни водопада, ни поселения первобытных людей.

— Географические открытия каждый день не делаются, — сказал носильщик. — Не пора ли нам снова взять курс на Березовый лог?

— Нет, — твердо решил начальник экспедиции. — Сначала сделаем открытие.

Приказ есть приказ. Экспедиция двинулась дальше. И вдруг лес расступился. Перед взором путешественников открылось заснеженное пространство. Очень далеко синела стена леса, а у ног дыбились лохматые кочки. Много кочек, они были как лохматые рыжие головы, которые росли прямо из земли.

— Это великая пустыня, — сказал начальник экспедиции. — А ты говорил: ничего не откроем. Вот видишь, открыли. Я занесу пустыню на карту.

— Можешь занести, только это совсем не пустыня, — сказал носильщик. — В лесу пустынь не бывает. Это замерзшее болото.

— Ну да, это не пустыня, — согласился начальник экспедиции. — Это великое лесное болото. Мы дадим ему, знаешь, какое название? Великое болото Кабанья голова.

— Почему Кабанья голова? — удивился носильщик. — Так болота не называют.

— Тут жили дикие кабаны. Очень давно. Это древнее болото.

Посреди древнего болота темнел островок, на нем рос рябиновый куст. Даже не куст, а целая рошица, и там было что-то живое. Что-то двигалось, птицы или кто еще — трудно разглядеть — островок далеко синел, посреди пустыни. Бинобль! Нет бинобля! Почему нет бинобля? Ладочки трубочками — и прекрасно видно! На рябине много-премного птиц! Сто или двести. Целая стая. И все с хохолками. У каждой птицы красивый хохолок, как шапочка.

Когда подошли ближе, птицы ничуть не испугались охотников. Они ели ягоды, грелись на солнышке, и все были красивые. Шубки зеленые, хохолки-шапочки светло-серые, а в крыльях — золотые перышки. И в хвостах тоже золотые и малиновые перышки, и, когда птицы перелетали с сучка на сучок, от крыльев и хвоста сыпались малиновые искорки.

— Это жар-птицы Кабаньего болота, — сказал начальник экспедиции. — Видишь у них золотые перышки в крыльях? Искорки от крыльев летят. Ты видел?

И носильщик видел! Целая стая маленьких жар-птиц, и они живут только на Кабаньем болоте!

— И едят рябину, — согласился носильщик. — А знаешь, как их зовут? Свиристели. Прислушайся, как они переговариваются между собой.

— Цвирь-цвирь-цвирь! — слышалось в глубине рябиновых кустов. Чистый тоненький перезвон, будто родник журчит по камням.

— Цвирь-цвирь-цвирь, — попробовал заговорить с птицами начальник экспедиции на свиристелем языке. — Вы нас не бойтесь. Мы путешественники, мы идем в Березовый лог. Мы идем к луне... Вы нигде не видели старичков-лесовичков с кошелками?

Птицы смолкли, слушая охотника, наверное, удивились, что он знает птичий язык. Некоторые даже перепорхнули ближе, но вдруг вся стая, будто ее ветром сорвало с кустов, взвилась в небо и зеленым торопливым облачком кинулась к дальнему лесу.

Охотник растерянно оглянулся: что случилось? Кого испугались свиристели?

Что-то белое стремительно косо падало сверху, настигая испуганно спешащих птиц, вот-вот врежется в стаю. Слышался свист, на свиристелей падала похожая на белую молнию большая птица!

Лупастый хватала

Это был лунь. Он взмывал вверх и снова падал на стаю, свиристели кидались врассыпную, облачко их то распадалось, то собиралось вместе. «Цвирь-цвирь!» — слышалось испуганное, удаляющееся. Скорее, скорее к лесу! Еще нападение, еще! Лунь, треща клювом, рубил воздух крыльями, белой молнией метался среди стаи.

Еще страшный бросок — одна свиристель метнулась в сторону, отстала, и лунь с разбойничьим свистом погнал ее обратно, все дальше от спасительного леса... Каждым взмахом крыльев он прижимал ее к земле, и уже протягивал жадно растопыренные когти...

— Аяй! — кричал охотник. — Не трогай ее, она тебе ничего не сделала. Уходи отсюда...

Охотники топали ногами, кричали, ах, как хотелось помочь мечущейся в страхе птице, но все ближе белая стремительная тень, вот она, настигает... настигла! Бросок и... когти сомкнулись, охватили птицу. Скомканы, сломаны зеленые крылья, и тотчас погасли золотые искорки, сыпавшиеся из них в полете...

— Отпусти ее! — кричал охотник. — Ей же больно. Стой! Отпусти, дурак!

Но белый пират не слышал. Все выше забирая над болотом, он неторопливо, лениво даже улетал в сторону леса.

И тут только охотник вспомнил об оружии. Пах-пах-пах-пах! — отчаянная длинная очередь. — Пах-пах!

Но где там!

Лунь неспешно летел к лесу, и было видно, что в когтях у него живая птица. И головку с хохолком было видно, и хвост, только вместо крыльев торчали в стороны поломанные, растрепанные перышки...

Выстрелы гремели над Кабаньим болотом, но белый пират удалялся со своей добычей, не обращая внимания. Охотник выхватил револьвер-автомат — одна длинная очередь, другая, стволы нагрелись, на Кабаньем болоте запахло порохом, но все напрасно...

В конце концов он отбросил оружие, сел прямо в снег и... заплакал.

— Ей же больно, — повторял он. — Она же маленькая, а он ее схватил. Злой, противный, лупастый хватала.

— Поздно, ничем мы больше не поможем, — сказал отец. — Для нее все кончено.

— Что кончено? Куда он ее несет?

— В лес. Сядет на дерево и... позавтракает.

— Позавтракает свиристелью? Живая птица — завтрак?

— Что делать? Лунь — охотник, а свиристель — его добыча. И тут ничего не сделаешь.

— А это правильно, что он большой, а она маленькая? Он неправильный охотник: нападает, кто маленький. Пусть бы напал на такого же когтистого луня и дрался, раз ему, дураку, охота драться.

— Он нападает не драться, а потому что голодный. Кстати, убивает он не всех. Кто ленивый, кто плохо летает, в общем, кто раззява и забыл, что на свете есть лунь.

— А кому он нужен, твой лунь? Жадный хватала!

— Нужен. Хоть он и лупастый хватала. А то бы стало худо для самих птиц и зверушек. Они бы разучились хорошо бегать и летать. Даже петух разучились бы. И стали бы некрасивые, ленивые, хворые. Ты заметил, что лунь схватил не самую быструю свиристель? Самые быстрые улетели, а в когти ему попала беспечная лентяйка.

— Она не лентяйка. Она испугалась.

— Испугалась, растерялась, за это и поплатилась жизнью. Одного не пойму: зима, а лунь еще не отлетел на юг? И как белый лунь оказался в лесу? Он степной, луговой хищник, а не лесной...

— Сорок градусов северо-северо-восток, — все еще всхлипывая, скомандовал охотник. — Ориентир — дальний угол болота Кабанья голава.

По карте через два перехода они должны были выйти на лесную избушку. А дальше рукой подать до Березового лога.

Лесная избушка

Она чернела в глубине оврага, старая-пре-старая избушка с высокой черной трубой. Это было даже смешно: избушка покосилась, съехала набок, будто на нее сапогом наступили и почти раздавили, а труба посреди крыши стояла бодро, как солдат на часах.

Земляная крыша поросла травой, дверь на одной петле, бревна вылезли и торчали, как попало, но избушка все равно стояла и смотрела в овраг единственным глазом-оконом. С крыши свешивалась сухая трава и висела, как неприбранные старушечьи волосы. Под дверь тянулись чьи-то маленькие следы-строчки. Кто-то там жил.

— Я зайду один, — сказал охотник отцу. — Ты меня подожди.

Он потянул за ремешок, дверь сердито проскрипела ржавой петлей. Остро пахнуло тленом, дымом, но охотник решительно шагнул в темноту. Когда дверь захлопнулась за его спиной, он долго ничего не видел, стоял, боясь пошевелиться. Он сам не знал, чего боялся. Казалось, кто-то протянет длинную костлявую руку, схватит, утащит... Или вдруг спросит: «Зачем п-р-ришел? Кто такой?»

Но никто не схватил и ничего не спросил. Постояв немного, охотник вежливо сказал:

— Здравствуйте!

Потом, кашлянув, повторил громче. Темнота не ответила. Только прошелестело что-то в дальнем углу. И снова тишина.

Темнота дышала на охотника сыростью, дымом и... крепким запахом сапожного крема. Будто целый полк солдат чистил тут сапоги. Пахло едуче, остро, хотелось чихнуть, но он боялся в темноте чихать.

В оконце пробилась тусклая полоска света, и, когда глаза привыкли, он разглядел посреди избушки что-то ребристое, с беззубым провалившимся ртом. Это было похоже на печь. Черная от сажи, она занимала почти всю избушку. Кто и что варил в этой большущей печи?

Когда вошел отец, охотник спросил:

— Чем это пахнет так... едуче? Апчи!

— Будь здоров! — сказал отец и пояснил: — Это дегтем пахнет. Тут деготь гнали.

С потолка свешивалась сажа, она лохматилась по бокам печи, висела на стенах. Все в избушке было прокопченное: щербатая лавка, изрубленный пень-чурбан, даже земляной пол был угольно-черный. От него тоже пахло загашенным костром и сапожным кремом.

— Деготь? А зачем он?

— Дегтем смазывали колеса у телеги.

— Телега — это ранешная автомашинка? Ранешний мотоцикл?

— Нет, телега — это телега. Она без мотора.

В старое время в нее запрягали коней. Они работали.

— А когда это было?

— Что было?

— Ну, старое время. Когда у всех были кони? И телеги?

— Очень давно. Тогда жили на свете совсем другие люди — наши прапрадедушки. Так давно, что нашего города еще не было, а вон та большая сосна была тоненькая, как травинка.

— А где я был в старое время?

— Ты? Тебя еще не было.

Как же не было. Было небо, и сосны были, и ветер шумел, и жуки летали, а его не было!

— Совсем-совсем не было?

— Ну, может быть, только начинался... в каком-нибудь моем дедушке или прадедушке...

Так бы и сказал: был маленький. Как пылинка. Только начинался. Очень, очень давно начинался и был совсем малюсенький, а потом родился... И вот уже большой. Все видит и слышит. Вон старая большая сосна. Вон сорока полетела. Вон хвоинка покружилась в воздухе, упала, воткнулась в снег, и торчат два остреньких шильца.

И слышит, как пахнет дегтем, который гнал тут когда-то в старое-старое время старичок-дегтевар в войлочной шляпе.

У Лунной горы

Он сразу узнал Лунную гору: вот они старые сосны. Это из-за них весной всходила Большая Серебряная луна. Касаясь одним краем горы, она затопила весь Березовый лог потоками света, а по земле протянулись длинные черные тени.

— Лагерь разобьем на той стороне, — сказал начальник экспедиции. — Чтобы ближе. Ждать будем там.

— Чего ждать? — удивился носильщик.

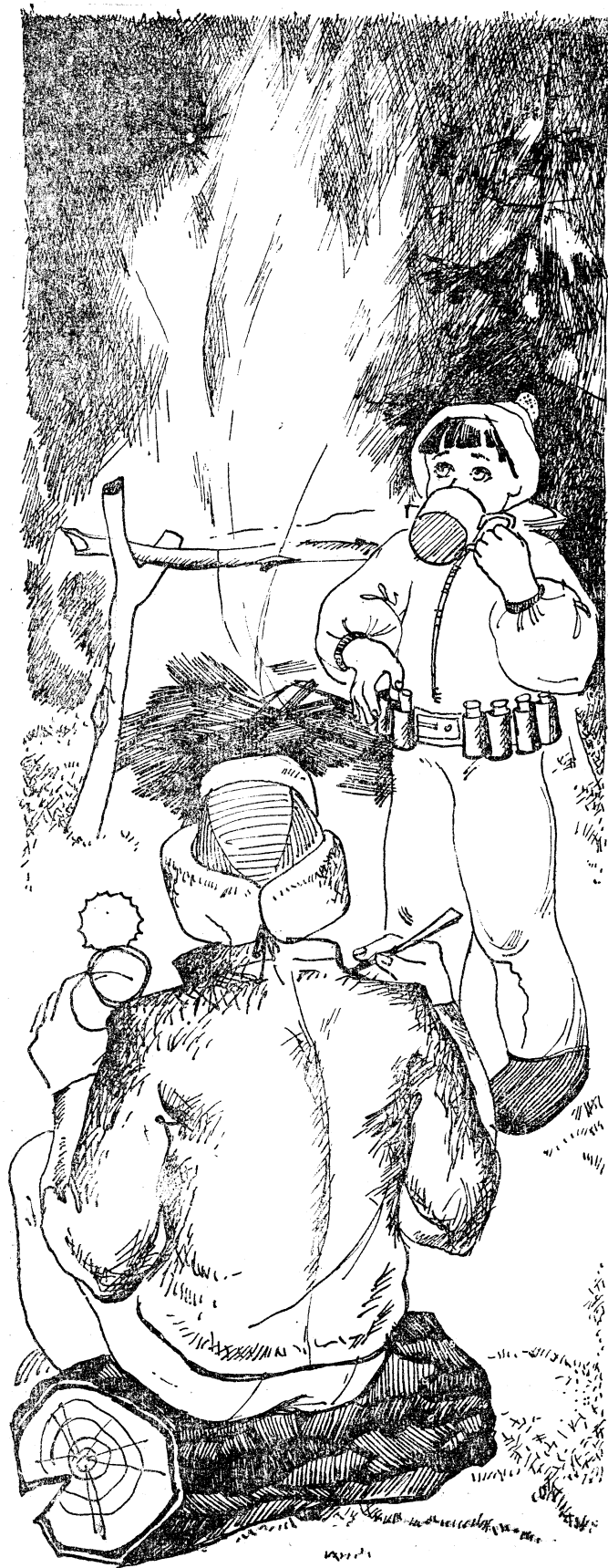
Ну вот, все надо объяснять! Ведь их Большая Серебряная луна всходит вечером. И весной она всходила вечером, уже горели звезды. Он это помнит, что было совсем темно, на небе горели звезды, а отец все забыл. Взрослые такие забывчивые и ужасно непонятливые. Вот если бы Таня Огородникова, она поняла бы сразу — КОГО ждать.

Под старым осокорем разожгли костер, сварили лесной чай с шиповником. Сумерки синей мглой заполнили Березовый лог, дятел долбил в стороне.

— Я ухажу, — сказал он отцу. — А ты оставайся в лагере.

— Есть оставаться, — ответил отец. — А ты надолго?

— Не знаю.

Он, действительно, не знал, скоро ли вернется.

— Темно, идет снег, — сказал отец. — Разве в ночном походе тебе не нужен носильщик?

— Нет, я пойду один, а ты оставайся в лагере. Пей чай и не ищи меня, а то все погибнет. Не обижайся...

Начальник экспедиции надел лыжи, решительно закинул за спину ружье и шагнул в темноту. Отец видел, как его фигурка в капюшоне, похожем на буденновский шлем, исчезла в чаще. Скрипнули лыжи, шевельнулась ветка, охотник скрылся в серой завесе редкого снегопада.

Шел снег, охотник чутко ловил каждый шорох. Вдруг что-то мелькнуло в тальнике и бесшумно исчезло под обрывом. Лишь качнулась ветка и — ничего. Кто это? Птица или зверь?

Он осторожно приблизился к кусту. Никого. Лишь какие-то полоски на снегу. Коротенькие полоски — одна, две, три, — и все указывают в одну сторону! Кто-то прочертил их на снегу, промелькнул и исчез под обрывом!

А не знак ли это ему? Тайный знак, куда идти. Ну да, это знак — все полоски указывали строго в одном направлении — в сторону Росянки. Кто-то только что был здесь.

Охотник взглянул на компас — стрелки-полоски показывали на север. На север? Лунная гора тоже строго на севере! Ее сейчас не видно, кругом чаща, и уже темно, но она в той стороне, где север.

Значит, идти долиной речки Росянки, спуститься вниз и двигаться по руслу. Вот он, берег, почти отвесный обрыв. Речка далеко внизу, укутанная снегом. На лыжах не скатишься, но все равно надо спускаться вниз. На животе! Над самым обрывом таловый куст, охотник ухватился за ветку, чтобы понемногу съехать на «четыре точки», но зацепилось ружье. Он освободил его, но вдруг сук, за который он держался одной рукой, с треском обломился, и охотник, гремя лыжами, вместе с сугробом покатился вниз.

Его долго швыряло и кувырало по откосу, все перепуталось, где голова, где ноги, и, наконец, брякнуло об землю, завалив с головой. С минуту он лежал, не шевелясь, — затаился. Вдруг под обрывом кто-нибудь есть? Сейчас зарычит ужасно громко, сердито!.. Но кругом тишина, только:

— Тинь-тинь-тинь! Буль-буль-буль!

Совершенно явственно: тинь-тинь-тинь. Как синичка! Где-то рядом, кажется, в сугробе! Охотник прислушался, затаив дыхание, но снова под самым ухом:

— Тинь-тинь-тинь! Дон-дон-дон!

Так ведь это же речка! Он лежит на льду, а речка тинькает подо льдом. Это она разговаривает, рассказывает что-то!

Охотник выпростал голову из сугроба, огляделся. Было темно, падал снег. За шиворот на-

сыпалось, снег набился в уши, в рукава, однако, упал он удачно. Все было цело: лыжи, палки, компас, все на месте. И револьвер за поясом, и патронташ.

Он шел и, оглядываясь, видел: сзади только тоненькая черточка его лыжни. И ничего больше — темнота сзади, темнота впереди. Речка петляет, кружит, по берегам чаща. Иногда кусты смыкаются над головой. Он шел, как в темном коридоре, — лишь изредка мигнет в небе звездочка. То и дело кто-то хватает охотника за капюшон, за ружье, а то вдруг толкнет в спину. Почудилось, кто-то крадется сзади, он услышал за спиной сиплое дыхание и быстро обернулся!

Никого. Сзади никого нет. И никого он не боится. Вот оно ружье. И револьвер. И ножик есть.

Охотник идет по-таежному сторожко, не скрипнув лыжами. Далеко уже от лагеря, а сколько еще идти — никому неизвестно. Справа берег поднимается крутой стеной, и хотя темно, в обрыве множество черных точек. Они всюду, по всему обрыву. Это летние стрижиные гнезда.

И вдруг — стоп! Завал. Кусты с обеих сторон наклонились, загородили речку, все сплелось, руку не просунешь. И никак не обойти завал — остается проползти под ним!

Он снял лыжи и, как ящерица, пополз на животе. Снег за шею, в рукава, вдоволь его, и сам наглотался, пока полз. Когда выбрался, оказалось: нет варежки. Где-то потерялась, противная, а без варежки нельзя. По своему следу назад — вот она, затоптанная в снегу. Погрел сначала руку у себя за пазухой, и снова — в путь.

Он надевал лыжи, когда где-то справа, в глубине чащи раздался оглушающий рев:

— И-ух! И-ух! И-ух! И-ммха!

Совсем рядом! С минуту чаща помолчала, и вдруг снова тот же страшный раскатистый рев:

— И-ух! И-ух! М-мма!

Тяжко вздохнуло, послышался треск сучьев, кто-то ломился сквозь чащу.

Сжавшись в комок, охотник затаился под берегом, ожидая нападения. В чаще шумное дыхание, тяжелые шаги — туп-туп! Зверь шел куда-то в сторону. Шум медленно удалялся. Еще раз громко треснуло, вздохнуло, и все стихло.

Кто это был? Что за зверь? Миновала ли опасность? Охотник переждал некоторое время, готовый ко всему. Но чаща молчала. Зверь удалился своей дорогой.

Охотник внимательно огляделся вокруг. Перед ним простиралась ровная, уединенная лесная поляна. Было темно, но охотник разглядел: через всю поляну из одного ее края в другой протянулся глубокий след. Нет, это не след человека, не лыжня охотника.

Неизвестный таинственный след пересекал поляну и скрывался среди сосен Лунной горы...

Разговор на Лунной горе

Чьи это следы? Тропка их перечеркивала поляну, поднималась на Лунную гору и терялась там среди сосен.

Кто-то прошел совсем недавно. Может быть, стоит где-то рядом и давно слышит охотника, следит за ним.

Что делать? Идти, куда ведет след? Но ведь никто тебя не звал!.. И никто не любит, когда выслеживают. Подумают: подсматриваешь. Но он же не подсматривает! У него — дело. Великое дело, а не какой-нибудь пустяк.

Охотник медленно двинулся к Лунной горе, но не по следу, а рядом. Наступать на следы нельзя! Прошли тут совсем недавно, снег в ямках следов еще не осыпался, и под куртками охотника стучало...

Поляна кончилась, следы поднимались в гору, и, затаиваясь при каждом шорохе, охотник стал подниматься в гору. Тихо было среди сосен. Тихо и темно. Кружились редкие снежинки.

След вдруг свернул в сторону. На ровной площадочке натоптано, насорено, потом он круто повернул обратно, под гору. Охотник остановился в нерешительности, не понимая новой загадки. Следы направлялись к речке и пропадали в непролазных тальниках.

Куда же теперь? Совсем потемнело в лесу, тихо шумели над головой сосны. И вдруг он подумал: с Доктором можно поговорить и здесь. Он же везде тебя услышит. Надо только снять шапку и сказать: «Здравствуйте, Доктор Длинная Седая Борода! Это я, Алеша!»

Так он и сделал: снял шапку, повернулся лицом к вершине Лунной горы и сказал:

— Здравствуйте, Доктор Длинная Седая Борода, это я, Алеша, из пятой квартиры... — Он назвал квартиру потому, что Алеша есть и в третьей, и в седьмой, и еще один Алеша в доме напротив. С минуту молчал, так много ему хотелось сказать Доктору, так много спросить. — Знаете что, лунь нехороший. Я сам видел, он всех обижает, потому что большой и у него когти. Он хватала и цапала, всех цапает когтями и тащит. Можно ему покупать колбасу, если он такой голодный? И можно, чтобы у меня был конь? Не деревянный, а настоящий. Я буду его любить и поеду очень-очень далеко. До самого океана. А еще сделайте, пожалуйста, чтобы у Тани Огородниковой было правильное сердце. Она все умеет рисовать, а ей нельзя волноваться, потому что клапан родился неправильный. Другие доктора говорят: мы не умеем, и лекарства нет в аптеке. А вы все умеете. Пожалуйста, Доктор, Таня очень хорошая и мой друг. И еще я хочу посмотреть, как вы строите горы. Возьмите меня на какую-нибудь планету, где надо строить горы, я вам буду помогать. Что скажете, то и буду делать. Я умею чистить картошку и кожу

в магазин за хлебом. Папа меня отпустит, а у мамы я отпрошусь, только вы меня возьмите на другую планету. Пожалуйста, Доктор, хоть на какую...

Костер догорал, экспедиция собиралась в обратный путь, когда в чаще послышался треск ломаемых сучьев, и вдруг раздался рев. Тот самый, что охотник слышал полчаса назад на берегу Росянки. Зверь продирался сквозь чащу, может быть, направляясь к лагерю.

— Это... кто? — спросил охотник. — Ревет?

— Корова, — ответил отец. — Заблудилась, наверное.

Нет, это не корова. Это неизвестный зверь ходит и ревет.

В свете костра кружились снежинки, была уже глубокая ночь. Значит, луна сегодня не взойдет, пора в обратный путь. Загасили костер, надели рюкзаки, проверили оружие.

— Там, на горе, ты с кем разговаривал? — спросил отец.

— Я? Я... ни с кем не разговаривал. А ты слышал?

— Я там случайно оказался, у Лунной горы. Слышу: твой голос. Подумал, ты кого-то встретил в лесу, с кем-то разговариваешь.

Говорить неправду охотник не хотел, а рассказать, о чем он говорил с Доктором, было невозможно.

— Я не могу тебе рассказать... с кем разговаривал на Лунной горе, — признался он. — Пока не могу. Это тайна.

— Извини, пожалуйста. Нельзя — значит, нельзя.

Тронулись в обратный путь. Шли в том же порядке: начальник экспедиции с компасом впереди, носильщик с рюкзаком — сзади.

Охотник шел быстро, он не шел, а мчался. И видел себя уже не маленьким мальчиком, а большим и сильным. И Таню он видел: она катается на лыжах и смеется, потому что у Тани сделалось правильное сердце. И она сколько хочешь может теперь волноваться и танцевать.

...Когда они вышли на болото Кабанья Голова, начальник экспедиции удивленно остановился. Ночь отступила, все вокруг было залито тихим светом. Отчетливо синела ниточка их дневной лыжни, вдали чернел рябиновый куст.

— А луна-то взошла, — сказал отец.

Действительно, в небе плыла в разрывах туч луна. Она была вся в пятнах и не круглая, а с одного края обкусанная, как леденец. И маленькая, с блюдо.

— Это не та луна, — сказал охотник. — Это другая.

Конечно, другая.

СТАРЕЙШИНЫ ЛЕСОВ

Кто дольше всех живет? Деревья... Секвойя гигантская, например, «держится» до трех тысяч лет... Натуралист и писатель С. Т. Аксаков в книге «Детские годы Багрова-внука» рассказывает: «Сзади мостков стоял огромный дуб в несколько обхватов толщиной. Возле него рос некогда другой дуб, от которого остался только довольно высокий пенек, гораздо толще стоявшего дуба; из любопытства мы влезли на этот громадный пенек все трое и, конечно, занимали только маленький краешек. Отец мой говорил, что на нем могли бы усестись человек двадцать. Он указал мне зарубки на дубовом пне и на растущем дубу и сказал, что башкирцы, настоящие владельцы земли, каждые сто лет кладут такие заметки на больших дубах».

Рассказ С. Т. Аксакова, написанный сто лет назад, свидетельствует о том, что в Башкирии издавна встречались громадные дубы. Ныне деревья-долгожители объявлены памятниками природы. Познакомимся с ними.

Многовековые лиственницы растут около деревни Кызлар-Бирган в Зилаирском районе.

Огромные лиственницы, возраст которых составляет 600 лет, растут на вершине горы Большой Шатак в Белорецком районе. Их тут немного, они не образуют сплошного леса, а стоят среди сенокосных полей. И этот лиственный лес взят под охрану. Здесь встречаются редкие растения, устраивают токовища глухари. Пятистолетняя лиственница

растет у дороги между деревней Новобельское и селом Шигаево в Белорецком районе. Много было лиственных лесов и в Зауралье, в Учалинском и Абзелиловском районах.

В лесах Башкирии сохранились и старые сосны. Четыре века растет сосна в Белебеевском лесничестве. Возраст ее определили недавно московские ученые. Ствол ее в три обхвата, высота более тридцати метров. По рассказам местных жителей несколько десятков лет назад молния сломала ей вершину. Но и сейчас это дерево возвышается над прочими соснами. Во время экспедиции мы увидели также пятисотлетнюю липу. Она растет около села Нимислярово в Нуримановском районе. Старые липы встречаются реже, чем лиственница и сосна. Из рассказа заслуженного учителя школы РСФСР А. С. Исмагилова мы узнали, что история этой липы прослеживается в течение последних трех веков. Еще в далекие времена она привлекала жителей как наиболее подходящее место для бортничества. Дерево было как бы собственностью богатых людей и передавалось по наследству. И сейчас на липе видны следы бортей.

Охраняют липу-долгожительницу учащиеся Нимисляровской школы.

Деревья-долгожители ценны для науки. И сообщения о найденных больших деревьях мы получаем от школьников и рабочих, туристов и геологов...

К. ЕВГЕНЬЕВ

Встречи в Куйбышеве

Павел
ВИШНЕВ

В 1896 году в доме итальянца Перини, неизвестно как попавшего на Волгу, полуподвальную комнату снимал Иегудиил Хламида, сотрудник «Самарской газеты» А. М. Горький. За год он опубликовал около трехсот различных своих произведений и в том числе «Песню о Соколе», «На плотях», «Вывод».

После Великой Отечественной войны в доме Перини был создан музей А. М. Горького. Мне пришлось некоторое время быть его директором и принимать жену писателя — Екатерину Павловну, в девичестве Волжину, а теперь Пешкову.

Екатерина Павловна приехала в город Куйбышев на пароходе «Спартак» 24 мая 1948 года, через пятьдесят лет после того, как в самарском соборе она была обвенчана с А. М. Пешковым. Они сначала хотели обвенчаться в Нижнем Новгороде, куда вернулся Горький из Самары, но нижегородские попы отказались совершить этот обряд. Дело в том, что во время жизни в Казани Горький стрелялся, и вот за эту попытку самоубийства нижегородские попы и отказались его венчать.

Ожидая приезда Екатерины Павловны, я думал, что встречу уставшую женщину преклонных лет — ей в ту пору шел 72-й год. Путь от Москвы до Горького, а затем три дня на пароходе от Горького до Куйбышева, кажется, должны были утомить ее, и поэтому, думалось, как только она сойдет с парохода, так сразу отправится в гостиницу.

Но Екатерина Павловна оказалась женщиной очень живой, энергичной. Она отказалась поехать в гостиницу и попросила повезти ее в поселок Зубчаниновку, где в ту пору жила бывшая заведующая конторой «Самарской газеты» Евгения Семеновна Иванова. Екатерина Павловна работала корректором в газете, и они были хорошо знакомы ранее, Иванова присутствовала при венчании в соборе, а потом проводила Пешковых 90 километров на пароходе по Волге до города Ставрополя, ныне — Тольятти.

Екатерина Павловна привезла в подарок музею некоторые письмен-

ные принадлежности А. М. Горького: блокноты, карандаши. Привезла она с собой и байковое одеяло, которым укрывался Иегудиил Хламида, когда ложился на свою узкую железную койку в полуподвальной комнате. Но не ради только этих подарков приезжала Екатерина Павловна в Куйбышев. В то время она готовила двухтомное собрание писем А. М. Горького к ней. Первый том вышел через семь лет, в 1955 году, а второй уже через год после смерти самой Е. П. Пешковой, в 1966 году. А тогда Екатерине Павловне требовалось кое-что уточнить из самарского периода жизни мужа. Помочь ей в этом могла Е. С. Иванова.

Прямо с речного вокзала мы поехали за 40 километров в поселок Зубчаниновку, где в своем небольшом домике жила Е. С. Иванова.

Женщины не виделись пятьдесят лет. Они расцеловались с великой радостью, а потом уселись на веранде и стали вспоминать. Однако вскоре Екатерина Павловна шепнула мне:

— Она все путает.

И это неудивительно. Если самой Екатерине Павловне было уже за семьдесят, то Евгения Семеновна была значительно старше, память подводила ее.

Потом Иванова приезжала к Екатерине Павловне в гостиницу несколько раз. Они снова вспоминали прошлое более чем полувекковой давности и, может, что-то оказалось полезным из этих воспоминаний при подготовке писем к изданию.

В другое время мы ходили с Екатериной Павловной по улицам города, неизнаваемо изменившегося за годы Советской власти. Собора, в котором их венчали, уже не было. В художественном музее Екатерина Павловна постояла около скульптурного портрета А. М. Горького, названного автором Акимовым «Песня о соколе».

Посетили мы и бывший Струковский сад, теперь городской парк культуры и отдыха имени А. М. Горького. В парке стоит скульптура великого писателя. А рядом — небольшой деревянный ресторан, построенный еще в прошлом веке. Екатерина Павловна прошла

через зал расторгана, вышла на веранду, откуда открывался вид на Волгу, села за столик и сказала:

— Здесь любил отдыхать Горький...

Екатерина Павловна долго сидела, задумавшись, смотрела в глубь аллеи, словно ждала, что оттуда, из-за кустов акаций появится двадцатисемилетний Иегудин Хламида в черном плаще-крылатке, в черной широкополой шляпе, с большой суковатой палкой в руках, которой он отбивался от самарских хулиганов — «горчишников», нанятых купцами, чтобы избить фельетониста. Они нападали на него, когда он возвращался домой поздно ночью. Но на другой день в «Самарской газете» снова появлялся фельетон, критикующий городскую управу, заводчика Лебедева, эксплуатирующего детский труд.

На встрече в областной библиотеке Екатерине Павловне задали такой вопрос:

— Почему вы разошлись с Горьким?

— А я не знала, что он будет такой знаменитый, — пошутила тогда Екатерина Павловна в ответ на не тактичный вопрос.

Да, конечно, она шутила, потому что знала, как рано пришла к А. М. Горькому слава. А. М. Горький, где бы ни жил, в России или за границей, никогда не терял с ней связи, постоянно заботился о семье, посылал подарки из Америки.

У Пешковых было двое детей — Катя и Максим. Катя умерла очень рано, когда А. М. Горький жил в Америке. Он писал Екатерине Павловне, что у него было предчувствие чего-то тяжелого, страшного, и вот — умерла дочь.

Максим был талантливый молодой человек. Он владел несколькими европейскими языками, хорошо рисовал. Как-то он написал рассказ «Лампочка» и послал его в редакцию, подписал «М. Пешков». В редакции получили рассказ, посмотрели подпись «М. Пешков» и решили, что его автор М. Горький и напечатали рассказ. Молодой Максим шутил:

— Ну, папа, славы мне у тебя не отобрать, ты хоть гонорар отдай мне.

М. Пешков несколько раз выполнял правительственные задания, ездил в качестве дипломатического курьера в Германию и Италию. Он участвовал в октябрьских боях в Москве. Но вот когда он добровольцем вступил в Красную Армию и хотел пойти на фронт, этому воспрепятствовал В. И. Ленин, сказав, что его место — возле отца.

И Максим старательно выполнял этот совет В. И. Ленина. Он перепечатывал на машинке работы М. Горького, помогал ему вести огромную переписку. М. Горькому писали тысячи людей, и вся переписка с молодежью, пионерами была заботой Максима. Наконец, он был шофером у отца.

Екатерина Павловна прожила в Куйбышеве несколько дней и уехала пароходом «А. С. Пушкин». Она намеревалась на обратном пути снова побывать в Горьком и Казани и с речного вокзала послала телеграммы.

«Горький. Фигнер, З. Директору библиотеки Томасовой. Приеду... понедельник утром пароходом «Пушкин». Закажите два билета Москву. Пешкова».

«Горький. Оперный театр. Режиссеру Фрид. Приеду понедельник, скажите Диду, Маше. Вечером Москву. Пешкова».

«Казань. Музей Горького. Директору Елизаровой. Выезжаю пароходом «Пушкин». Пешкова».

Текст телеграмм она писала на случайных бумажках, которые нашла в сумочке. На телеграфе я их переписал на бланки и отправил. У меня остались автографы, а также несколько фотографий, где мы сняты вместе с женой А. М. Горького.

Незаконные журналы

**Владимир
РУШАНИН**

Первая русская революция потерпела поражение. 3 июня 1907 года царским манифестом была распущена II Государственная дума. Началась жесточайшая реакция. Число смертных казней в России в 1908 году в 21 раз превысило их число во всех остальных европейских странах, вместе взятых.

«Революционеров, — писал В. И. Ленин, — истребляют, пытаются и мучают, как никогда. Революцию стараются оплевать, опозорить, вытравить из памяти народа».

Но несмотря на страшные репрессии, революционная борьба продолжалась.

Уральские большевики, ведя в 1907—1910 годах работу в народных массах, уделяли серьезное внимание революционному воспитанию демократической молодежи. В эти годы в Екатеринбурге, Оренбурге, Челябинске, Кунгуре, Вятке, Перми действовали объединенные незаконные ученические организации, а во многих средних учебных заведениях существовали марксистские кружки. Из среды учащейся молодежи Урала в 1907—1910 годы вышли такие замечательные революционеры, видные партийные и советские работники, как А. И. Парамонов, З. Ф. Осколкова, С. А. Кривая, М. Н. Бычкова, А. И. Гребнева, С. А. Анухин, И. В. Теплоухов, М. Н. Князев, И. В. Попов, М. В. Котомкин и другие.

В учебных заведениях Урала выходили незаконные журналы. В центральных и уральских архивах найдены сведения о 16 незаконных журналах, которые выпускались в

Перми, Уфе, Вятке, Кунгуре, Екатеринбургe, Оренбурге, Нижнем Тагиле, Красноуфимске, Глазове, Тюмени. Неравномерно они распределялись и по годам: на 1907 год приходится 10 журналов, на 1908 год — 4, на 1909-й и 1910-й — по одному.

Одни журналы, например, ижевский «Товарищ», пермские «Наши думы» и «Ученический журнал», сохранились целиком. другие — екатеринбургский «Единение», кунгурский «Ученический журнал», вятский «Рассвет» — частично. О нижнетагильском журнале «Современник», уфимском «Учащийся», красноуфимском «Луч» нам известно лишь из жандармских сообщений.

Журналы учащихся носили ярко выраженный политический характер. «Ученический журнал», выпускаемый в 1907 году в Кунгурском техническом училище, по сообщению полиции, «призывал к замене общественного строя социалистическим с уничтожением частной собственности на орудия производства».

Учащиеся, причастные к выпуску журналов или даже замеченные в их чтении, исключались из учебного заведения, их арестовывали, ссылали в Сибирь. Ученик красноуфимского реального училища, будущий советский писатель В. Юрезанский был в ноябре 1907 года исключен из училища, арестован и сослан в Иркутскую губернию лишь за то, что при обыске жандармы обнаружили у него номера нелегального журнала «Луч». В феврале 1908 года из вятского духовного училища были исключены И. Попов и Г. Ложкин, уличенные в выпуске рукописного журнала «Наша жизнь».

Журналы печатались, как правило, на гектографе, тираж их был невелик — 10—20 экземпляров, объем — 20—30 страниц. По конспиративным сообщениям фамилии сотрудников и корреспондентов не указывались. Однако достоверно известно, что огромное влияние на редакции оказывали большевики. Так, одним из организаторов екатеринбургского журнала «Единение» была член РСДРП, ученица женской гимназии З. Осколкова. В выпуске «Ученического журнала» в Перми участвовала член РСДРП, 17-летняя ученица женской гимназии В. Ми-

хайлова. В 1908 году учащиеся татарских школ Уфы печатали нелегальную газету под руководством Г. Ибрагимова, впоследствии крупного писателя, ученого, общественного деятеля. В журналах часто публиковались материалы, критикующие школьные порядки. «Современная школа, — писалось в екатеринбургском журнале «Единение», — имеет целью не воспитывать, а вывести нас в «люди», как это обыкновенно говорится, выработать, вернее, вышколить из нас покорных, молчаливых рабов и слуг самодержавного царя».

Журнал вятских учащихся «Рассвет» в одном из номеров за 1907 год подчеркивал эту же мысль: «Основой всей нашей школы служит стремление выработать (мы не можем употребить другого слова) из воспитанников людей с узким, до крайней степени односторонним взглядом, людей, не умеющих рассуждать, беззаветно преданных и послушных велению высшей власти».

В передовой статье майского номера «Гимназического журнала», выпускаемого в Оренбурге в 1907 году, подчеркивалось, что реформа средней школы возможна лишь после свержения самодержавия.

В обстановке массового уныния, упадка революционных настроений со страниц молодежных журналов раздавались страстные призывы: «Товарищи! Будьте же людьми времени и революции! Пусть единение будет грозной силой для борьбы, а борьба для завоевания своих прав и прав всего народа».

Однако реакция выбрасывала из революционного лагеря все колеблющиеся мелкобуржуазные элементы, которые примкнули к рабочему движению, главным образом, в надежде на близкое торжество. Среднюю школу буквально захлестнула волна самоубийств. За пять лет, с 1907 по 1912 год, только в мужской и женских гимназиях Оренбурга покончило жизнь самоубийством 12 человек. Ученица уфимской женской гимназии А. Кольцова осенью 1910 года писала в предсмертной записке: «В гимназии убили все мои идеалы. Не могу больше жить, потому что всюду господствует одна несправдлив-

вость. Всюду царствуют одни только богатые, мы же, нищие, должны быть подлецами, чтобы выйти из нищеты. Я не могу так, лучше не жить в этом проклятом базаре».

Журнал пермских учащихся «Наши думы» объяснял «упадок интереса к жизни наступившей в России реакцией, говорящей о необходимости бороться за политическую свободу».

В журналах содержалась резкая и аргументированная критика религии. Ижевский «Товарищ» в 1909 году признавал, что уже давно многие учащиеся не верят в бога, «перестали питать чувства рабства, страха и покорности». Журнал призывал учащихся прислушиваться не к голосу попа, а к голосу разума, человеческой совести. А этот голос зовет «на беспощадную, тяжелую борьбу с ненавистной жизнью, к великой борьбе света с тьмой, к борьбе с дворцами, чтобы был мир бедным хижинам».

Ученические журналы — интелесный и ценный памятник подпольной революционной печати, сыгравшей важную роль в воспитании молодежи в годы реакции.

Трещу как друг, приказываю как отец.

**Юрий
ЛИПАТНИКОВ**

*Быт прошедших эпох...
Мы торопимся вершить свои дела,
спешим жить,
пристально вглядываться
в прошлое недосуг. Скажем, вот
было бурное начало
восемнадцатого века, были
петровские преобразования,
было после смерти великого
реформатора ослабление натиска
европейской новизны...
А если в подробностях, то как
жили люди того века?
Интересно бы представить
их нравы, поучительно.
И мне кажется, вот что
из далекого прошлого достойно
размышления. Двести лет назад
в России было принято без
всякой педагогической маскировки,
открыто и торжественно
передавать опыт новому поколению.
Даже литературный жанр
существовал, который помогал
этому великому делу —
поддерживать преемственность
поколений.
И не с восемнадцатого века
он повелся, а глубже его корень.
Историкам и знатокам
прошлого известно «Поучение»
Владимира Мономаха.
Умели в былые времена
глаголить отцы,
умели слушать и сыновья.*

Итак, голос из далекого прошлого...

Жил в России восемнадцатого века один отец — Василий Никитич Татищев. Это был ученый деятель и деятельный ученый. Просветитель и самоучка. Историческое лицо и историк. Основатель Екатеринбурга (ныне Свердловск). Составитель первого русского энциклопедического словаря. Много еще можно было бы сказать о славном соотечественнике, но разговор сейчас о нем будет только как об отце...

Начну с кончины героя.

Василий Никитич предчувствовал свой конец, и это сказало на всех его последних поступках. (Все это будет происходить в подмосковном селе Болдино, которое, к слову сказать, через два с лишним века растворила в себе без остатка Москва, где-то там, в Солнечногорском районе.) Итак... Накануне смерти Василий Никитич отправляется верхом, взяв с собою внука Ростислава и приказав идти за собою мастеровым с лопатами. И вот он уже идет вместе со священником на погост и показывает на пустое место возле могил своих предков и родителей. Ройте, мол, здесь могилу. А когда возвращается в тот же час домой, то застает там курьера, привезшего указ с оправданием его. Василия Никитича, от прежних обвинений и с орденом Александра Невского. Василий Никитич, конечно, пишет благодарственное письмо государыне, а потом возвращает орден курьеру: в ордене, мол, ненадобность, потому как смерть близка...

Вечером обыкновенно является к нему повар-француз, чтобы спросить, что завтра готовить. Василий Никитич отвечает, что более он здесь не хозяин, а скорее уже гость, и указывает на свою невестку: она тебе, любезный, прикажет, что надобно, и, впрочем, добавляет: телефон, кажется, начат, и есть из чего готовить... Утром, в назначенный час, явился священник. Исповедался Василий Никитич. Затем приказал позвать сына, Евграфа, с женой и с внуком Ростиславом. Простился с ними, сделал им некоторые наставления. И кончился.

Хотят снять с тела мерку, что-

бы делать гроб, но столяр объявляет, что все пожелания покойного уже сделаны, причем ножки для гроба точил сам умерший...

Василия Никитича Татищева позднее стали именовать сознательным утилитаристом. Он следовал философии, что истинное благополучие — в спокойствии души и совести. Кто в равновесии жил, в равновесии покидает сей мир. Так оно или нет, но мы видели: Василий Никитич умер достойно. А что же он говорил своему сыну в тот час — философ, воин, чиновник, книголюб, путешественник? Неужели это уж такие наивные мысли для нашего высокоинформативного века?

Василий Никитич высказал свои взгляды на жизнь сыну еще задолго до смерти, и эта его «Духовная» известна историкам и знатокам прошлого. Она была написана в грудной год его жизни, когда ему пришлось быть под арестом; его обвинил в злоупотреблениях по службе коварный Бирон, и было это в 1734 году. Так вот что писал отец сыну почти двести пятьдесят лет назад...

«...я прилежал тебя, любезный мой сын, от самого младенчества потребному и полезному научить, к чему ты довольно способа имел и еще иметь можешь, если токмо в тебе смысл и прилежность не оскудеют.»

О книгах. «...Малая Букварь или Юности Честное Зерцало за лучшее нравоучение служить могут, и все без изъятия читать и силу их познать полезно... А хоть тебе и довольно останется книг, однакож еще старайся о собрании полезных как светских, так и духовных, что тебе в жизни неоцененным сокровищем служить будет.»

О науках. «Весьма нужно тебе поучатися и в светских науках, в которых нужнейшее — право и складно писать; затем арифметика, геометрия, артиллерия и фортификация, и прочия части математики, а также немецкий язык.»

О женитьбе. «...по прошествии тридцати лет должно о браке думать... Хотя многие родители мнят,

для увеселения своего или для удержания детей своих от предрозостей весьма молодых сочетать, но из того частью немалой вред ощущают тем, что молодые люди как в дружбе, так и в любви нетверды, и для того сначала хотя довольно любовь изъяснят, но редко в том постоянно пребывают... О персоне супруги: хотя о супружестве или о любви никто более рассуждать не может, как сочетающиеся, и для того на власть родителей и воспитателей законом узда наложена, чтобы и противу воли к сочетанию не принуждали: однако в толь великом деле, на котором немало благополучия нашего зависит, самому себе... верить не можно, ибо любовь часто так помрачает ум наш, что мы иногда презираем наше благополучие, здравие и погибель презираем. И для того в таком деле, как бы тебе все обстоятельства приятными не казались, нужно употребить в совет людей искусных, а паче надежных родственников и свойственников...

Что до персоны супруги касается, то главные обстоятельства — лепота лица, возраст и веселость в компании, которую женам большую похвалу приносят и тем много молодые люди прельщаются. Но как известно, что в краснейшем яблоке наиболее черви, а при лепоте женщин предрозости находятся... По сочетаниям главное в твоей должности есть еже к жене любовь и верность ненарушимо сохранять, и за нею того прилежно смотреть... однакож весьма от ревности, беспутности и жестокости охраняться... имея то в памяти, что жена тебе не раба, но товарищ, помощница и во всем другом должна быть нелицемерным...

Однакож храниться надлежит, чтоб тебе у жены не быть под властью, сие для мужа очень стыдно... Сих примеров ныне весьма уж довольно видим, а особливо высокопарные, а лучше сказать, глупые жены безрассудно того желают. Напротив же того, благоразумного и честного жития жены никогда под властью своего мужа иметь не желают...

А затем еще тебе о брачном сочетании последнее хочу изъяснить: не делай свадебной церемонии, чтобы не сделать из себя живой картины, как мыши кота погребают».

О службе. «Родитель мой в 1704 году, отпуская меня с брагом в службу, сие нам накрепко наставляя, чтобы мы ни от какого положенного на нас дела не отрицались, и ни на что сами не навязывались. Военная услуга нам, яко шляхетству, по природе первая быть должна, в которую так скоро надобно вступать, как скоро человек в возраст придет, силу и бодрость в себе ощутит... Противно же тому,

если кто долго в доме удержится, и к домашнему обхождению, а более своевольству привыкнет, то ему под властью быть... трудно является... Для того в военную службу вступать есть лучшее время от 18 до 25 лет.

Вступая в службу, хотя храбрость есть наилучшая воиню похвала, но безрассудная запальчивость есть самая глупость и не меньше робости как себе, так и Отечеству вреда приносит...

Никогда о себе не воображай, чтоб ты правительству столь много надобен был, что без тебя обойтись будет невозможно, равно и о других того не думай: знай, что таких людей бог в свете не создал. А хотя мы по естественной слабости все горды и ничем так довольны не бываем, как всяк своим умом, и о недостатке оного никогда просьбою не отягощаем, чужие пороки ночью видим, а своих и в день слышать не хотим...»

О друзьях. «Друзей старайся иметь таких, которые любят верность, правду и хранят присягу, хотя б они и низкой породы были, справедливый человек сам себе благороден.»

«Когда ж до 50 лет достигнешь своего века, тогда надлежит тебе помышлять об увольнении от всех дел, для того, что от сих лет крепость и сила телесная начнут сохнуть и исчезать, ум и память уменьшаться, и от времени до времени во управлении своей должности неспособным явиться можешь. Весьма остерегайся того, чтобы тебя без прошения от службы не оставили, сие для честного и благородного великий стыд и поношение... И для того лучше отстать честно по своей воле, нежели с нареканием продолжать службу и оттого терпеть стыд и поношение. Напротив же того, не меньше предосуждения достойны и те, которые притворяя себя больными, за деньги, чрез докторов, безо всякой причины, не выслуга 30 лет, ищут от службы увольнения, весьма сие не похвально.

...сие по крайнему моему разумению для пользы твоей только истинное писал и ясно толковал, однакож все оное верить и за истину и к непоколебимому рассуждению принять и содержать не принуждаю. И хотя сие единственно для тебя только, а не для других писано, но может, по случаю, кого-либо увидеть и может похвалить, однакож и те, которые сие мое данное тебе наставление и рассуждение будут бранить... Токмо пушай паук пушает свой яд, а ты, яко пчела, с того же самого цвета бери себе мед в сладость душевную и телесную, чего тебе и всем добротным желаю. Остаюсь с любовию родительской.

Василий Татищев».

А вот какие слова сказал Василий Никитич сыну в последний свой час...

Увещание В. Н. Татищева к сыну (по списку, изданному А. А. Дмитриевым). «Не негодуй на меня, любезный сын, что я не оставил тебе ни денег, ни деревень по обычаю протчих родителей. Слава богу, что не столь слепа была любовь моя к тебе... О коль много оставшихся детей от богатства пришло в мотовство и в посрамление... Праздность — начало всему злу, а богатство — причина праздности.

...Полезны будут науки тебе и твоему отечеству, а доброе воспитание... делает тебе по заслугам воздание и сохранит тебя от всякого неистовства и беспорядочного поведения. Куда ты не пойдешь, повсюду понесешь сокровище сие с собою без тягости, ни тать, ни мошенник не может у тебя похитить оного...

Старайся заслужить себе честь своим достоинством, не купи себе никогда чина подарками и не употребляй для сего пронырств, ниже подлости. Есть много в свете таких, кои чрез средство сие над другими властвуют, но в самой пышности своей от разумных подлейшими читаются.

Похвально и славно есть, когда кто, не будучи еще в беде, беды опасается, а если уж постигнет его она, тогда оказывает он в ней свое мужество: тут-то истинные и великие герои познаваются. Словом, будь тверже и терпеливее всякого несчастья, каково б оно велико не было.

Не изъясляй в наружности того, чего не имеешь в сердце.

Вот все то, любезный сын, что хотел я в последний раз сказать по моей должности. Ныне умираю я со удовольствием, что свершилось мое желание. Прошу тебя яко друг, а приказываю как отец, чтобы сие исполнить точно».

НАРЫМСКИЕ ЭТЮДЫ

**Николай
ВОЛОКИТИН**

*Рисунки
Н. Мооса*

Декабрь в Сосновке

Недолги в Сосновке зимние дни. Недолги и тусклы.

С утра вроде покажется над кромкой заиндевелой тайги полинявшее, расплывшееся яичным желтком солнце, но сразу и скроется, утонет в белесой морозной дымке. А землю окутает туман, сквозь который ничего не видно и не слышно.

На что трактора и автомобили, пробирающиеся в эту пору по Тарскому тракту через Сосновку в лесосеку — и гудят-то они надрывно, с чихом и стрельбою, и из предосторожности фар не тушат, — а все равно обнаружить их загодя никак нельзя, пока перед самым носом из густой стыни не вывернутся.

Оттого и ходят по деревне жители Сосновки с превеликой осторожностью и норовят держаться не дороги, а обочины, поближе к городьбе, хоть там и суметы вздымаются выше прясел. А если нет особой нужды, так и вовсе не показываются на двор, сидят по теплым избам, потому что туман все плотнеет и плотнеет.

Зато с приходом ночи все меняется.

Лишь опустятся на Сосновку сумерки, туманы сразу и поредеют, свернутся, выпадут на снег прозрачными кристалликами льда, будто их и не бывало. И станет просторней, вольготней. Хоть и сумерки, а заметно начинают проступать очертания домов, дороги, дальнего леса, над которым бусеет мутноватое небо.

Но вскоре так вывездит, так станет чисто и ярко.

Выплывет из-за кромки елового бора, что за поскотиной, большая луна, станет неспешно подниматься над землей, и чем выше поднимается, тем сильнее светлеет. Становятся видны не только очертания отдельных предметов, все делается четким, явственно ощутимым. И приземистые, в мохнатых снежных шапках избы, с ровными дымами над трубами, и сугробы, и прясла, и тальники за огородами, и поля, что окружают деревню.

аэродроме, я шел по улице старинного сибирского села садоводов Бакчар и не переставал удивляться. Снег был первозданной чистоты, белый-белый, как сахар, на него даже смотреть было невозможно не щурясь.

И вдруг впереди, возле какого-то палисадника, я увидел большущий, в две сажени диаметром, сочный, света зари, алый круг. Что бы это такое? Может, кто-нибудь просыпал красящий порошок?

Подожел поближе — нет. Это были прокаленные на морозе крошки сибирской ранетки ягодной. Но кто же тогда накрошил эти крошки?

Поднял глаза и ахнул. На высоком кустистом дереве в просторном палисаднике такими пухлыми спелыми яблоками висели большие красные снегири и выклевывали семечки из ранеток, разбрызгивая крошки по снегу. Снегирей было не меньше сотни, и все дерево горело на фоне белого снега костром.

Утренний морозец поджимал, наверно, под сорок. Щипало нос, сводило губы и скулы, но мне почему-то показалось, что очень явственно, очень ощутимо на меня повеяло теплой весной.

Лунный свет все ярче и ярче. И вскоре за несколько шагов на дороге можно хорошо разглядеть каждую выбоинку, каждую соломинку, оброненную с воза. Теперь трактор или автомобиль еще за пять-шесть километров от деревни, только поднялся из низины на Галановский увал, на закрайки полей, а уже светит, помигивает фарами игриво и весело.

А слышимость! Не то что гул мотора, веточка треснет под тяжестью снега где-то в глубине бора, а кажется — рядом. Щелк-щелк, — пощелкивает незвонко голубоватый ледок в проруби на речке Чернухе. И вдруг оглушительно — бомм!

Это не лед. Это кто-то со всего маху ухнул тяжелым колуном по застекленевшей от стужи березовой чурке. Один раз, потом второй, третий...

В южном конце деревни кто-то звякнул ведром, в северном скрипнул воротами, в восточном зашеборшил по снегу метлой. А дровосек все ухает и ухает колуном. Ожила деревня, зашевелилась. Каждый норовит выйти на улицу, размяться на морозце, сделать кое-что по домашности, а то и просто постоять во дворе, перебраться через городьбу с соседом словом-другим.

— Красота! Даве из-за туманища света белого было не видно, а сейчас иголку урони — найдешь.

— Не говори, паря. Потеплей бы чуток, до утра бы в избу не воротился.

— И то. В прошлом году, смотрю, совсем не так было.

— В точности так. Вспомни-ка хорошенько, вспомни-ка...

Алый снег

Зимой после города в селе поражает прежде всего снег.

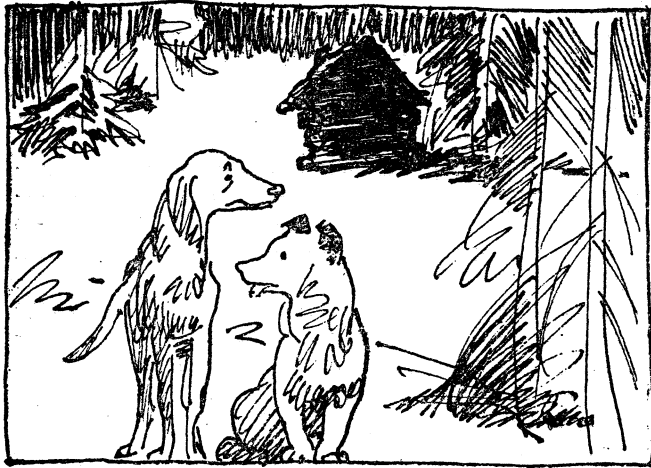
Выйдя из самолета на крохотном лесном

Ревнивая речка

Возле избушки художника Александра Шумилкина, таежника и скитальца, водилось много зверья. В овраге возле разлившегося ручья, где мы ставили рыболовные снасти, жил бурундук Яшка, за сараем часто пробегал по прошлогодней ржавой траве колонок Степка, на взгорке, у старой заброшенной бани, копошился в земле трудяга-крот Михаил.

Интересно, что Александровы собаки никогда не трогали животных. А собак у художника было две. Поджарая, гибкая в теле дворняга Чернушка и ее дочь — криволапая, толстая, как арбуз, Рычка. Чернушку в прошлом году Алек-

сандр подобрал на какой-то помойке поселка Новостройка, а Рычка появилась на свет уже в Нарге, после того как ее мама обрела дом.

Чернушка — спокойная, мудрая собака, не лезет попусту на глаза, больше в стороне; Рычка наоборот — так и вертится под ногами. Но Чернушку слушает во всем и не пакостит, где попадя, не трогает, что не положено. Зверье не трогает тоже по примеру матери.

Однако просто непримиримо относится к ласке, когда она адресована не ей, а Чернушке. Стоит Чернушку подозвать к себе и погладить, как Рычка тут как тут. Хватъ зубами Чернушку с отчаянным рыком, оттолкнет ее, забыв о дочерних чувствах и уважении, и так и лезет под руку. И если не погладишь, с полчаса будет извиваться и прыгать на колени, скуля.

— Сколько ей времени? — спросил я как-то Шумилкина.

— Полгода, — ответил он. — А что?

— Да так, — засмеялся я. — Дитя еще. А дети, хоть люди, хоть звери, оказывается, одинаково любят ласку и не терпят соперников.

Рыбачок

Дни стояли на редкость яркие, чистые, а ночи были лунные, звездные, и полноводная июньская Обь то играла на солнце тысячесветными бликами, то отливала ровным золотисто-червонным светом.

На небольшом катерке областного управления культуры мы шли, преодолевая почти тысячекилометровый путь, — от старинного студенческого города Томска до совсем еще юного, только что возведенного города нефтяников Стрежевого. Не торопились. Командировка была с заездами в прибрежные поселки и села, с выступлениями в клубах перед рабочими и колхозниками, и поэтому однажды после утомительной ночной

вахты капитан наш Владимир Хасанович Сейфулин решил причалить к какому-то поглянувшему ему бережку, чтобы часик-другой отдохнуть.

Было раннее утро. Друзья мои еще спали в каютах, а я решил выйти на берег. Берег был невысоким, метра три—три с половиной, но крутой, обрывистый, с глинистым яром, начинавшимся сразу же от небольшого песчаного откоса, к которому притулился катер, и я порядком помучился и порядком испачкался в глине, прежде чем поднялся наверх. Зато когда поднялся и огляделся, не пожалел.

Передо мной простиралась огромная, без конца-краю, пойменная обская равнина, заросшая густыми, сочными травами и цветами. Только кое-где на зеленом фоне небольшими заплатками голубели озера, да бугрились пышными, округлыми островками заросли темнолистных ракитников и черемушников. Луговина уходила в такую бесконечную даль, что горизонта как такового в алой утренней дымке просто не было видно. Тонко пахло кипреем, душицей, почему-то илом и вечной спутницей нарымских лугов — медвяной таволгой вязолистой.

Обжигая ноги студенкой росой, я тихо побрел вдоль яра, и тут метрах в ста от катера, за мысом, увидел овраг. На дне оврага kloкотал ручеек, а возле его устья, у самой обской воды, на перевернутом чурбачке-плавнике сидел человек. По двум удилищам, воткнутому в глину, по котелку, стоявшему справа от человека, я догадался, что это рыбак, а по тощенькой хрупкой фигурке, по льяным волосам — что этот рыбак-рыбачок еще совсем молодой. Но откуда он здесь? Ведь вокруг, насколько хватал глаз, не то что деревни, одинокого домишки не видно.

Заинтересованный, я спустился к воде. За удочками и в самом деле сидел мальчишка лет двенадцати, от силы тринадцати.

— Здравствуй, — поздоровался я.

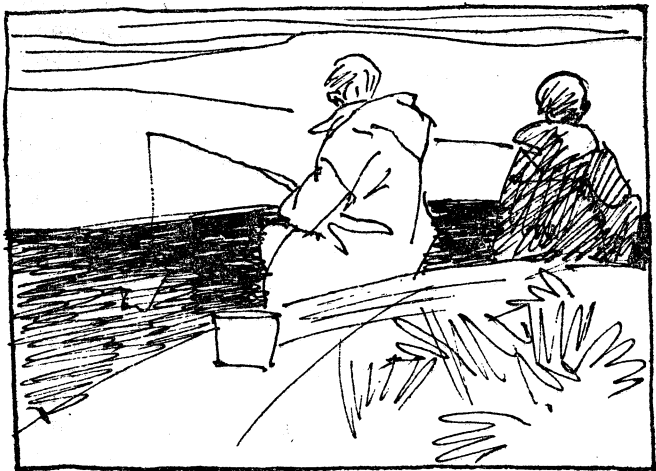
— Здравствуйте, — ответил он, обернувшись. На меня смотрели большие, внимательные, небесного цвета глаза. Очень спокойно, без удивления, лишь с едва уловимым любопытством. — С катера, да?

— С катера. А ты все рыбачишь?

— Рыбачу, — мальчишка искоса кинул взор на дремлющие поплавки и снова все внимание на меня: дескать, ну, а что дальше?

Я почувствовал себя как-то неловко, будто ненароком вошел в чужую квартиру, и теперь не знал, что мне делать. Почему-то я всегда стесняюсь детей, их внимательных, чистых и мудрых глаз. Кажется, они пронизывают насквозь, чего-то ждут от тебя: взрослого, значительного, серьезного, а оно не выходит. И потому в душе наступает смятение...

— Можно с тобой порыбачить? — спросил я вдруг, чтобы как-то сгладить свою неловкость.

У нас на катере была удочка, которую мы прихватили в Томске и которую, откровенно сказать, ни разу еще не разматывали.

Мальчишка лишь пожал плечами, как бы говоря: рыбаць, мне-то что, вольному воля, а дорога, то есть река — общая.

Я повернулся и побежал по откосу оврага наверх, в сторону катера.

Или моя фабричная удочка — бамбуковое удилище с леской, тонкой и прозрачной, — оказалась удачливей мальчишкиных самоделок, или прихваченные с катера черви, порядком уже приморенные, были вкуснее, только клевало у меня гораздо бойчей, чем у маленького напарника. В течение нескольких минут я вытащил трех плотвичек, или по-нарымски чебаков, одного ельчика и двух окуней. Рыба была мне не нужна, и я кидал ее в мальчишкин вместительный котелок, чему мальчишка нимало не удивлялся. Только однажды, когда я снял с крючка уж слишком мелкого чебака и хотел поместить в котелок, мальчишка молча взял у меня из рук рыбку и опустил в речку.

Вскоре общими усилиями мы нарыбачили почти полпосудины.

Ничто так быстро не сближает людей, как общее дело, и вскоре мы чувствовали друг друга своими людьми, хотя в течение получаса и не проронили ни слова, сосредоточив свое внимание на поплавах.

Когда солнце поднялось выше и клевать стало хуже, я сказал, вынимая из кармана сигареты:

— Ну вот, можно и перекурить. И познакомиться по-людски. Меня зовут Николай Иванович или дядя Коля. А тебя как?

— Меня Гриша, — ответил мальчишка.

— Слушай, Гриша, а здесь что, где-то есть село?

— Ну! — шмыгнул он носом. — Село отсюда аж в тридцати километрах.

— И ты оттуда пришел?

— Зачем оттуда? Я здесь все лето живу. Вон там, — махнул он рукой куда-то вдоль берега. — За топольником. У нас тут летний лагерь совхозный.

— Пионерский, что ли?

— Совхозный! — Гришины губы тронула едва заметная усмешка. — Летний лагерь крупного рогатого скота. Мы здесь коров пасем. С дядей Фейдей, дядей Степой и Емельяном Степановичем.

Я осекся. Только теперь я заметил, что Гриша одет не ахти как богато. Огромный потертый брезентовый плащ явно с чужого плеча, хлопчатобумажные брюки, резиновые сапоги, размера на четыре больше, чем нужно... Почему-то вдруг нахлынуло прошлое. Вспомнилось послевоенное безотцовское детство, когда с четырнадцати лет мне пришлось идти работать на лесопильный завод, а по выходным — в тайгу за ягодой, за орехами, чтобы потом продать на базаре и как-то подсобить матери, у которой нас было трое. Может, и у этого мальчишка такое.

— Гриша, — спросил я, — а у тебя отец есть?

— Есть.

— А где он работает?

— Управляющим отделения, — не без гордости ответил мальчишка.

— А мама?

— Мама — бухгалтером.

Я не понимал ничего.

— Кто же тебя в пастухи направил? За какие провинности?

— А меня никто не отправлял. Я сам.

— Как — сам?

— Да так. Поговорил с папкой. — Лицо у Гриши стало значительным. — И — вот сюда.

— На все лето?

— Конечно.

— И тебя не тянет домой, в село?

— А чего — там в селе-то? Зимой — дело другое, школа. А летом скука одна.

Гриша замолчал, долго задумчиво смотрел на поплавок, на реку, потом спросил:

— А у вас часы есть? Сколько времени?

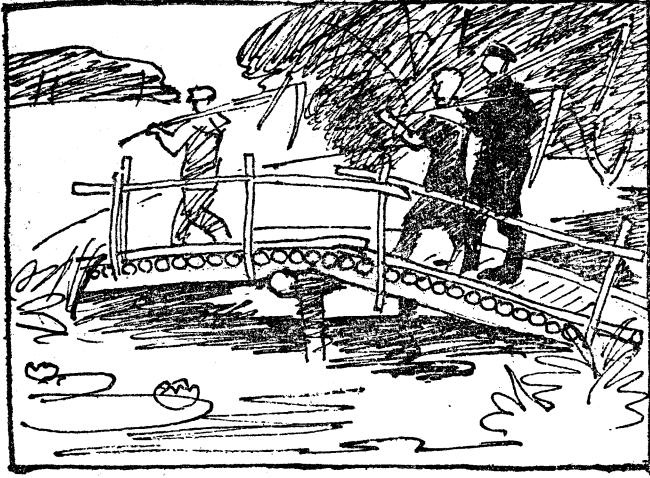
— Половина восьмого.

— Ого! — Гриша заторопился, стал торопливо сматывать удочки. — Совсем я запозднил. Заждались, наверно, меня напарники (он и сказал солидно, по-взрослому: напарники). Уху варить надо. Коров гнать в Лебяжью забоку, — и, попрощавшись, стал торопливо подниматься по откосу на яр.

Шабалок

Сколько помнят старики, тот ручей всегда проклинали.

Пробегал он как раз через тропку и постоя-

Дело

Зной — дышать нечем. Я сижу на берегу речки Галки, смотрю в небо. Там ни облачка, ни тучки, ни пятнышка. Чистота. Небо кажется беслесым, будто вылиняло на солнце.

«Еще раз искупаться, что ли?» — думаю я и тут чувствую — по телу неприятный зуд. Рывком приподнимаюсь на локтях и вижу: поперек живота проворно бежит рыжий лесной муравей. Я подставляю под него ладошку и отбрасываю непрошеного гостя в сторону, за одеяло, на котором лежу. Проходит минута и снова по телу щекотка. Что за напасть?

Осторожно хватаю муравья и снова выдворяю вон. Но теперь уже не ложусь. Наблюдаю.

Муравей копошится какое-то время в траве, потом взбирается на одеяло и снова мчится в прежнем направлении.

Не дав муравью добежать до края одеяла, я опять беру его и опять водворяю на прежнее место. И он опять, как ни в чем не бывало, направляется в тот же путь.

Так повторяется несколько раз.

Усталый и удивленный, я опускаю руки. Догадываюсь: видимо, муравей получил какое-то важное задание, торопится, и ему плевать на все препятствия.

Он делает дело.

но подшучивал над людьми. То вроде высохнет, хоть в тапочках проходи, то наполнится весь до краев тяжелой студеной водой, впору сапоги с отворотами обувать.

И так чуть не каждый день, а то и на день по нескольку раз. Подземные ключи, что ли, с ним соединялись?

Люди проклинали этот ручей, но почему-то не трогали. Может, потому, что думали — связан он с темными силами, а может, потому, что находился он далеко за деревней и пользовались тропкой один-единственный месяц в году, в сенокос, когда не до переправ хороших, не до удобств.

Но вот, рассказывают, купил корову степенный, хозяйственный старик Шабалок и, прежде чем отправиться на покос, долго ходил по лугам, присматривался, приглядывался. Потом попросил у богатого соседа лошадь, нагрузил в телегу осиннику и поехал к ручью. И только после того, как наладил добрый мостик, вернулся в деревню и стал отбивать литовку.

С той поры, говорят, и пошло.

— Ты где косить собираешься?

— Да где же, за Шабалком...

— Ты по какой дороге за сеном поедешь?

— По Шабалку...

Сперва с чьей-то легкой руки Шабалком называли Шабалков мост, потом ручей, потом всю тропу, потом луг, что начинается за ручьем, а сейчас уже все заречье с озерами, пожнями, перелесками и ягоdnиками так называют.

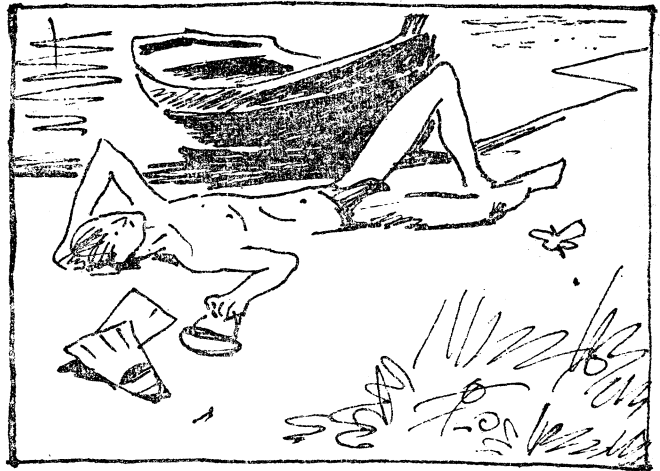
— Ты это куда рыбачить собрался?

— К Шабалку.

— Где это, девоньки, ягоды столь насобирали?

— Да где же, у Шабалка...

Давно уже нету в помине никакого осинового мостика, и ручей-то, говорят, еще в тридцатые годы начисто высох, и стариковы кости давным-давно с землей перемешались, а вот память о добром человеке живет.

Дары Васюганья

Всю ночь мне снился большой белый гриб...

Полмесяца назад, в воскресенье, я весь день с Анатолием Золотухиным пробродил по Тимирязевскому бору под Томском, нарезав полутора-ведерную корзину грибов: желтых, холодных и ломких, как пряник, сырых груздей, упругих ли-

сичек, скользких и ароматных пуговичек-маслят, крепких узорчатых рыжиков, зеленовато-бурых моховичков.

А когда выходил по чаще на тропку, возвращаясь домой, чуть не наскочил на какой-то дряхлый, почерневший от времени пенёк. Обойдя его стороной, я замедлил шаг и остановился. Что-то привлекло меня в этом пне, околдовало, заворожило. А вот что — я никак не мог осознать. Возвратился, осмотрел пенёк как следует и в одной из его щелей-надтресков вдруг увидел какое-то желтовато-светлое пятнышко. Тронул старичка за край среза, пошатнул — и пенёк рассыпался в труху. А посредине этой трухи я увидел огромный, с тарелку величиной красавец — мясистый, крепкий, тугой белый гриб.

И вот уже две недели мне снится этот свежий, не тронутый нигде червем великан. Будто я тянусь, тянусь к нему и никак не могу дотянуться...

Кто-то тронул меня за плечо. Я дернулся от внезапного прикосновения и проснулся. Передо мной стоял Анатолий.

— Вставай, пора.

Я потянулся, огляделся по сторонам и с трудом сообразил, что нахожусь не дома, а в номере гостиницы, знакомой гостиницы лесного села Бакчар, в который мы приехали в этот раз на выходные по клюкву.

— Пора, — повторил Анатолий. — Машина уже разогрета...

На улице было темно и морозно. Под ногами хрустнули ледышки, плотно затянувшие лужи за ночь.

Высвечивая фарами придорожные, с красным листом осинники, мы около часа тряслись по извилистому, кочкастому проселку, потом, поставив машину на убогой лесной полянке, переплыли на плоту неширокую, окутанную туманами речку и еще долго-долго брели по ущербной лесной тропинке, то запинаясь о валежины и упругие, как пружины, корни, то чуть не по колени проваливаясь в черную болотную жижу, скрытую от глаза тоненькой корочкой мерзлой земли.

Наконец лес кончился, и перед глазами простерлась бескрайняя мшисто-унылая равнина, которую лишь кое-где оживляли реденькие, насквозь просвечивающиеся заросли сосенок, жиденькой лиственницы и карликовой березы, чахлой, в лишаях.

Это было начало — южный край — огромных Васюганских болот, занимавших почти две третьих земли необъятного Томского севера.

— Пойдем вон туда, — сказал Анатолий, — вон к той сосновой опушке. Я там прошлый год собирал.

Под ногами чавкало и плескалось. Сухие, мшистые еланки то и дело перемежались с заросшим осокой кочкарником, между которым желтела ржавая вода.

Но вот кочкарник кончился, пошли одни мхи. И тут ровно вспыхнула земля под ногами — все болото впереди было бордово-алым от клюквы.

Не стовариваясь, не произнося ни слова, мы одновременно опустились на колени и стали собирать яркие, затвердевшие от ночного мороза ягоды, горстями ссылая их в посуду.

Не знаю, для кого как, но для меня нет на свете милее занятия, чем сбор клюквы. Даже охота за грибами не идет ни в какое сравнение. За клюквой не надо бегать, не надо метаться из стороны в сторону, отыскивая делянку поярче и побогаче. Если год урожайный, она везде одинакова. Сядишь на мох, намечаешь край и начинаешь обирать ее вокруг себя. И под твоими пальцами ее алый покров как бы отступает, оставляя чистую желтизну упругого мха. Все забываешь в эти минуты. В душе ни печали, ни горечи, ни забот. Одна живая, умиротворенная радость. И хоть весь день бери, не почувствуешь однообразия, не устанешь.

Уже через час наши корзины были весомы и ощутимы, и мы решили перекурить. И — замерли.

От кромки материкового бора в глубь болота, прямо на нас тянула стая каких-то крупных, необыкновенно красивых и сильных птиц. Все ближе, ближе — резкий шум крыльев над самыми головами — и вот они уже за нами, далеко-далеко позади, планируют над березками, над осинками, над мочажниками и мхами, а потом растворяются в мареве.

— Глухари, — прошептал Анатолий. — На кормежку пошли. — И тут же снова пригнулся. — Смотри, смотри!

Чуть левее нас вслед первой весело летела вторая стая, потом правее мы увидели третью, потом пошли глухари одиночками, парами, тройками, потом показался четвертый косяк.

Я впервые видел такое и, привыкший считать глухарей отшельниками, хмурыми нелюдимами, всю жизнь прячущимися в дремучих чащобах, сидел не дыша.

«Да, — думал я, — есть еще на земле места, где сохранилась первозданность, где не все еще перебито, перерыто, порублено. И как это здорово!»

Необыкновенный перелет продолжался всего минут десять-пятнадцать, потом вокруг опять все стало неподвижно, пустынно, и мы снова взялись за клюкву, взволнованные и притихшие.

А ночью вместо гриба мне снились бордовые россыпи ягод на безбрежных мшистых равнинах и огромные, сильные, розоватые в утренней заре птицы, которые бесконечно кружили, кружили, кружили над головой.

НА ДНЕ МОРСКОМ

Давид
ЭЙДЕЛЬМАН

Рисунок
А. Банных

В 1977 году японский концерн «Кавасаки» начал строить лодку, предназначенную для подводных экспедиций. Туристы по совету врачей будут совершать на ней увлекательные путешествия, любоваться через широкие иллюминаторы жизнью моря и пейзажами на глубинах до 100 метров...

Подводный мир — какая это экзотика и красота! Человека всегда влечет он. И не только потому, что он сказочен и полон загадок — на дне морском сокрыто немало сокровищ.

В одну из декабрьских ночей 1798 года английский фрегат «Колоссус», на борту которого находилась весьма ценный груз, наскочил на скалы. Корабль затонул у островов Силли, близ юго-западного побережья Англии.

Прошло около 180 лет. И вот недавно в тех местах появились охотники за морскими сокровищами. Водолазы начали поднимать ценности с «Колоссуса» — замечательную коллекцию лорда Вильяма Гамильтона, английского дипломата XVIII столетия. В то время он был в Италии посланником при дворе короля Фердинанда. Гамильтон очень дорожил своей коллекцией. Во время нападения французов на Италию Гамильтон укрылся в Палермо. Вся его коллекция была упакована и погружена на «Колоссус» для отправки в Англию.

Сохранилась опись ценностей, перевозимых на «Колоссусе». В ней среди прочего значатся более тысячи греческих и итальянских ваз работы мастеров V века до нашей эры, большие мраморные фризы, терракотовая утварь, бронза, уникальные ювелирные изделия.

Экспедиция расположилась неподалеку от города Пензанс. Предстояло преодолеть немало трудностей. Корабль, покрытый слоем ила и песка, полностью не удалось обследовать. Однако водолазы подняли немало ценностей. Эксперты археологического музея в Лондоне подтвердили, что это предметы из коллекции Гамильтона.

Неясным остается одно — в чьи руки попадут поднятые с морского дна вещи. В Англии опасаются, что, как и многие другие реликвии бывшей владычицы морей, они уплывут за океан в частные коллекции американских миллионеров.

На Западе процветает черный бизнес на торговле археологическими ценностями, добываемыми со дна морей. В 1976 году на дне Сиамского залива, недалеко от глубоководного порта Саттахип, было найдено старинное судно, груженное изящной фаянсовой посудой, которая была изготовлена восемь — девять веков назад. Везли ее, по-видимому, в дальние заморские страны. Длина судна — 40 метров, ширина — 15 метров. Находкой заинтересовались ученые. Ведь речь идет о продукции одного из ранних государств на территории Индокитайского полуострова. Однако, как писали местные газеты, еще до подъема судна часть находок была разворована водолазами от черного бизнеса, которые из-под полы сбывали старинную посуду по 200—300 долларов за штуку западным туристам, охочим до чужой старины.

Общественность Греции встревожена тем, что национальные археологические ценности со дна моря беззастенчиво грабят иностранцы. Хорошо организованные, оснащенные техникой десанты бандитов высаживаются на греческих берегах под видом любителей подводного плавания, добывают произведения античного ремесла и искусства. Затем все награбленное нелегально переправляется за границу.

Как сообщалось в прессе США, объединенная группа сотрудников Эллинского института морской биологии и Национального географического общества США, обследуя дно Средиземного моря на глубине около 25 метров у берегов острова Докос, обнаружила остатки судна. Анализ предметов, взятых с борта, донных осадков, ила позволил археологам сделать вывод, что возраст судна примерно 4,5 тысячи лет. До сих пор древнейшим суд-

ном, потерпевшим кораблекрушение, считалось судно, найденное у мыса Гелидония (южное побережье Турции), затонувшее 3,3 тысячи лет назад.

Несколько лет назад при подготовке к строительству Северного порта в Гданьске была обследована и протравлена обширная акватория, расчищено дно. Обнаружили здесь затонувший парусник. Аквалангисты осмотрели его. Деревянный корпус лежал на правом борту и был сильно разрушен. Нашли бочки со смолой, воском, мелом, а также медные и железные чушки. К исследованиям подключился Гданьский морской музей. С большой степенью достоверности было установлено, что парусник затонул после пожара, в XII веке. На поверхность были извлечены киль, ахтерштевень, часть правого борта, а также три тонны меди и 10 тонн железа.

Недавно было принято решение поднять остатки корабля. Установлено, что длина корабля 23 метра, высота борта четыре метра. Причиной сохранности судна — оно пролежало четыре столетия на морском дне — был его груз, смола. Она и законсервировала корабль.

Во что одевались старинные корабли? На этот вопрос помогли ответить археологи, обнаружившие на дне Черного моря остатки древнего корабля. Судно было обшито листами свинца. А крепили их к корпусу бронзовыми гвоздями.

В более ранние времена корабли одевались в кожу. Киль древних кораблей русские и бритты изготовляли из цельного бревна, а бока оплетали прутьями и обшивали кожей. Эти суда напоминали корзины или кораба, покрытые снаружи кожей. Отсюда и слово — обшивка, которое дошло до наших дней.

В 1977 году молодежный клуб при Софийском университете организовал экспедиции «Месамбрия-77» и «Аполлония-77». Аквалангисты под руководством Божидара Димитрова работали в акватории Несебрского полуострова и Созопольского залива. Они доказали, что в районе Несебра существовали два порта, до сих пор известен был лишь один. Было обнаружено много каменных якорей, в том числе самый большой в мире из известных — с тремя лапами весом 280 килограммов. Найдены также свинцовый шток, амфоры и множество фрагментов античной и средневековой посуды. Это доказывает, что в период XVI—XII веков до нашей эры в месамбрийских портах отдавали якоря крупнейших кораблей Средиземноморья.

Древние греки были удачливыми мореходами, они выигрывали одно морское сражение за другим. Помогала им в битвах необычно вязкая жидкость, состав которой хранился в глубочайшей тайне, —

так называемый греческий огонь. От него не было спасения. Лишь недавно химики установили состав этого грозного оружия: основной частью греческого огня была нефть.

В древних амфорах, которые извлекались со дна Черного моря и при раскопках на Керченском, Таманском полуостровах, археологи нередко находили остатки смолистого вещества. Долгое время состав его оставался неизвестным. Ученые Киевского университета провели исследование загадочного вещества и пришли к выводу — в амфорах хранилась и перевозилась нефть.

Необычный улов попался рыбакам колхоза «Красный рыбак», ведущим зимнюю путину на Черном море. В неводе оказалась... колхидская амфора. Сотни лет пролежала она в целостности и сохранности на глубине 120 метров. Археологи Батумского научно-исследовательского института Академии наук Грузинской ССР определили возраст редкой находки — II—I век до нашей эры. Амфора такого размера — ее высота 115 сантиметров, вместимость до 32 литров — по предположениям ученых относится к античному городищу и была вынесена в море рекой Чолоки после крупного паводка.

Группа египетских и французских аквалангистов обнаружила на дне средиземноморского залива Абу-Кир, находящегося к северо-востоку от Александрии, остатки четырех военных кораблей, затонувших около 180 лет назад. Они входили в состав французской эскадры, которая 1 августа 1798 года, приняв на этом месте бой с эскадрой знаменитого английского флотоводца Нельсона, потерпела сокрушительное поражение. Предполагают, что в числе обнаруженных судов и флагманский корабль французского флота «Орьян», который вез в Египет жалованье солдатам и офицерам египетской экспедиции Наполеона Бонапарта. Историки свидетельствуют, что на борту «Орьяна» находилось полмиллиона фунтов золотом и около трех тонн серебряных монет.

Осенью 1977 года английский школьник Симон Бартон из города Брайтона, ныряя, обнаружил на дне моря обломки галиона, который входил в состав испанской непобедимой армады, разгромленной англичанами в 1688 году. Сначала мальчик нашел одну бронзовую пушку, позже — еще две пушки, а также несколько ядер. Занесенные песком останки испанского военного судна лежат на морском дне, на расстоянии всего лишь 150 метров от пляжа.

Три месяца известный французский исследователь морских глубин Жак-Ив Кусто вместе со своими сотрудниками бороздил на яхте «Калипсо» Эгейское море. В одном

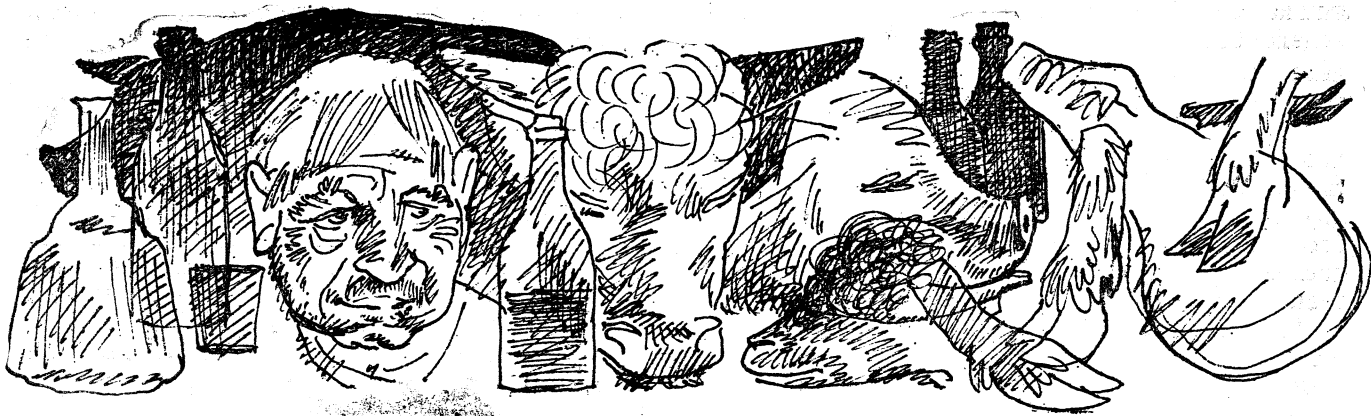
месте было обнаружено на дне несколько кораблей, затонувших в I столетии до нашей эры. Представителям прессы Кусто показал 126 предметов, найденных на погибших кораблях. Среди них — три золотых слитка, золотое кольцо, усеянное драгоценными камнями колье. Все эти сокровища были переданы греческим музеям.

А у берегов необитаемого ныне острова Диас, недалеко от Крита, экспедицией Кусто была обнаружена затонувшая гавань с останками кораблей крито-микенской и византийской эпох. Найден там и корабль XVIII столетия. У северного побережья Крита обнаружено судно, судя по всему французское, затонувшее в 1688 году во время морского сражения. Участники экспедиции извлекли со дна моря свыше 400 амфор, ваз, финикийских якорей. Археологические находки переданы музею города Гераклион на острове Крит. Затем Кусто нашел и обследовал английский лайнер «Британик», судно такого же типа, как и известный «Титаник», который затонул при столкновении с айсбергом.

В декабре 1977 года сообщалось, что водолазы из группы Кусто опустились к «Британику». Осмотрев остов лайнера, водолазы пришли к выводу, что судно затонуло после того, как наткнулось на мину. «Британик», который в начале первой мировой войны был переоборудован в госпитальный корабль, затонул в Эгейском море в 1916 году. В момент катастрофы на нем было около 3500 человек.

Кстати, кроме водолазов, «Британик» на дне моря осмотрела и 80-летняя шотландка Макбет Митчел, работавшая медсестрой на судне и спасшаяся в день его гибели. Она опускалась в глубину на маленькой подводной лодке.

Нужный Урванцев

Рассказ

**Анатолий
ИВАНОВ**

Рисунки
Н. Мооса

По снегу захрустели шаги. Дверь раскрыл большелобый мужик в истрепанной телогрейке. В его руке свернутая кольцами желтела веревка. «Это смерть!» — понял Антон Урванцев и ослаб от ужаса. Его окатило холодом, кожу просек пот.

Мужик помешкал, привыкая к сумраку, подступил ближе. Урванцев по-глупому замер и без борьбы дал одеть на себя петлю. Но когда веревка, свитая из жестких волокон, беспощадно обняла шею, в нем взбунтовалась какая-то первобытная дикая сила. Он зверем отпрыгнул, уперся. И не одолеть бы Антона, да злая боль пережала дыхание...

Мужик укрепил конец веревки в узловатом кулаке и повернул на выход. Следом, хрипя и шатаясь, поволокся Урванцев. Через некоторое время они остановились в огородчике сзади двора. В два оборота веревки мужик прихлестнул шею Антона к столбу и оставил.

Из-за низкого прясла в огород залетели горсти березового дыма. Урванцев чуткими ноздрями узнал запах, и в нем медленно взволновалась мысль, что он еще живой. Отдохнув от глухой боли в шее, Антон взгляделся в горизонты, вдоль которых скопились отложистые бугры с рощами на вершинах. На утреннем небе тихим облачком таяла запоздалая луна. Солнце поднимало из-за леса красную голову, жгло холодным пламенем ближние облака.

В сердце посветлело: Урванцев узнал свое село. Перевитое рваным руслом речонки Кляксы, оно начиналось дальним концом своим у солнечного восхода. Тени тончали, сползали с крыш, жались синими квадратами к стенам. Никогда раньше не замечал Антон этой красоты. Жил здесь и думал: в других местах лучше. А теперь вот умирать надо. Насовсем умирать!

— Скорей бы уж. Чего он тянет убивец?! — думал Урванцев.

Сердце его прерывисто толкло в груди. Он забузил, заметался, пробуя сбросить путы. Потом нашло безразличие.

— Сигарету бы! — кокнулась неяркая мыс-

лишка. Он с обидой вспомнил, что на прошлой неделе бросил курить и всю пятидневку сосал леденцы, до сих пор во рту от них как ошпарено. Знал бы... Захотелось кричать.

«За что меня так? — думал Урванцев, тусклым глазом следя за воробышком, который вприскочку, боком подкатывался к его ногам. — Хуже других вроде бы не был, не лишка пьянствовал, бабу зря не обижал. В колхозе работал... Сам председатель при встрече похвалил: «Цел твой трактор еще? Молодец, Антон Васильевич!»

Трактор стало жаль. Урванцев подозревал, что после его смерти чистенькая «Беларусь» достанется непутевому парню — Пашке Кошкину.

— Кончит он ее! — вздохнул Антон. — Лучше бы свату Семену отдали. У того колесник — никуда...

Шурша стегаными штанинами, подошел мужик с ножом, выправленном на точильном камне.

Урванцев знал, как произойдет это. С коротким свистом упадет на голову черный обух, выбьет из глаз тучу лиловых искр и разом угаснет мир. Мужик проворно ослабит сдерживающие падение пути, слепой рукой найдет нож... Долго потом птахи будут клевать подтаявший снег.

Но вот мужик выплюнул остатки дымящего табака, втер их в тропу. Птицей взлетел топор...

Ударило не в лоб, а в грудь. Урванцев смял в кулак кожу напротив сердца и сел, ошалело оглядывая углы горенки. В соседях кукарекнул петух. Искристым пятном отражался в зеркале свет замороженного окна. Жена, в темноте похоя на сундук, шумно спала у печки.

— Маруся! — шевельнул ее Антон. — Пусти к себе, а! — Ему захотелось зарыться, спрятаться. — Маруся!

— Царица небесная! Какую холеру надо? — со скрипом колыхнулась на кровати женщина.

— Опять поблазнилось, что я бык, Маруся! Хэ! — Урванцев попробовал хохотнуть.

Жена села, молча выпучилась на него.

— Верить ли, нет — будто я...

— Лакай по эстольку, дак еще не то приблазнится, — перебила его Маруся. Она угнездилась опять в постели и что-то заприщепывала.

«Колода!» — утомленно подумал Урванцев и пошел в куть искать квас.

Он стал на колени перед залавком, перевозмогая похмельную тряску, склонил к себе кадочку с неукисшим питьем и долго тянул в себя спасительную прохладу. Мокрые корки хлеба тыкались ему под нос. Затем он нашел на божнице забытую было пачку сигарет, обломил фильтр и, сопя, прикурил с обломленного конца.

Завздыхал во сне Ленька, бледной, худой ногой спинал с себя одеяло.

«За что я его хотел постегать?» — Урванцев равнодушно посветил на сына зажигалкой, вздохнул и попробовал размышлять:

«Нет, неспроста эти египетские казни снятся! К добру иль к худу, а неспроста... Хоть спать не ложись!» — Урванцеву вспомнился падающий на него безжалостный топор, и снова все шерстинки на теле встопорщились от ужаса.

А прежде Антон Урванцев ждал зимы с охотничьим нетерпением. С приходом седых, надежных морозов, обычно после октябрьских праздников, он брал отпуск. Отославшись вдоволь, выходил во двор, полный белого блеска, начинал ворошить снег или затевал мелкий, необязательный ремонт построек и городьбы. Работал, однако, вяло, часто останавливался и слушал, как скрыкают соседи лопатами, с хрустом мнут вдоль улицы тропы.

Рано или поздно раздавался долгожданный щелчок щеколды и в воротцах, отаптывая на ходу валенки, появлялась чаще всего женщина.

— Я к тебе, Антон Васильевич, в руки-ноги, — смущенно смеялась гостя. — Помнишь, обещался насчет поросенка...

Урванцев останавливал на женщине туманный, играющий взгляд и, закуривая, спрашивал:

— А не рано, вдруг оттеплит?

— Не должно! Крепко забарабанило. Чего ему теперь картошки переводить.

— Так-то оно так! — для виду мялся Урванцев, сдвигал на затылок кучерявую, с хромовым верхом шапку. — Да ведь своей работы скопилось. Позвала бы кого... Хоть Потапа с Теребиловки.

— Подь он! — отмахивалась женщина. — Прошлой осенью мне овчину в трех местах порезал. Баушка постановила — приглашай только Васильевича. У него рука не сдрожжит.

Наконец Антон соглашался, брал нож и белый абразивный брусок, спрашивал: со шкурой как распорядишься — палить?

Дома женщина с плачущим выражением лица открывала хлев и выпускала под ноги Урванцеву тугого, радостного подсвинка. Пока тот резиново прыгал, топтал восьмерки по ограде и рыл, побалтывая хвостиком, сугроб, Антон готовил место.

Через полчаса голова и копыта подсвинка лежали отдельно, а Урванцев полоскал пламенем паяльной лампы туловище и вполглаза следил за женщиной, которая брала часть грудины на жарено, подвигался к ней с растопыренными красными пальцами. Та, сверкнув приветливо-смелым взглядом, пятилась:

— Баушка-то подглядит!

Позднее она лила Антону в пригоршни теплую, самоварную воду, выкладывала самое белое полотенце. А в горнице звякало стекло, и Урванцева вели к столу, от которого спешно провожали детвору.

Потом Урванцева звали в другой дом. Он одинаково умело перерезал детски тонкие горла

поздних барашков и валил успешных отяжелеть быков. Постепенно он обрстал помощниками, которые разрубали туши, протыкая проволокой громоздкие куски мяса, развешивали их на пере-кладинах. И, наконец, где-нибудь в кресле Антон утомленно пьянел, склонял над тарелкой плоское, лысеющее темя. Пьяные приятели наперебой высказывали уважение его твердой руке, просмеивали Потапа с Тербиловки, который курице «заместо головы нос отсек...»

Малозаметный и смиренный в обыкновенное время Урванцев ощущал себя здесь значительным, нужным деревне человеком.

— Я делаю так! — гордый собой, он начинал делиться опытом — чиркал черешком вилки себе или соседу выше воротника. За столом при этом обязательно кто-нибудь вздрагивал.

Иногда сквозь сытый гвалт застолья Урванцев слышал затяжные рыдания из укромного уголка горницы: хозяйский малыш оплакивал поросенка — простосердечного сотоварища своих детских игр. Антон хмурился. С детьми он не ладил давно. Малолетки освистывали его из ограды, обзывали «кошкодралом». Это особенно обижало.

...В спальне охнули, придавленно заныли под ногами жены половицы. Сквозь перегородку, через дыры от сучков и щели, проскочил, протянулся толстыми линиями электрический свет.

— Сколько набрякало? — спросил Урванцев шершавым от долгого молчания голосом.

— Полшестого, — выступила из-под занавески сонная, медленная в движениях женщина с гусиной пушилкой в волосах. — Рано соскочил, магазин еще не торгует.

— Ругай меня, Маруся, остолопа непоправимого, — сгибаясь в шее и спине, уныло промямлил Урванцев. — Весь виноватый...

— Надоело об тебя язык мозолить, — зевнула жена. — По мне теперь хоть захлебнись...

— Нет, мать, — разглядывая трещинки на пальцах, где темнела неотмытая кровь, сдавленным голосом пробормотал Урванцев. — Больше никто не сговорит, пусть хоть лежкой передо мной лежат.

— Худо верится, — скривилась жена.

Она запахла на груди телогрейку и выступила с тазиком из избы, оставив взамен себя белый бугор морозного пара.

«Пойти побриться», — Урванцев посмотрел в зеркало на свои рыжие, ошетиленные скулы и пасмурно усмехнулся. — Папка-царапка! — Так его называл когда-то маленький веселый сын. Урванцев любил колыхать над зыбкой небритым подбородком, а Ленька, повизгивая от восторга, хватал отца, а потом прятал уколотые пальчики в рот.

«За что я его хотел постегать? — снова задумался Урванцев. — Кажись, матери опять записка от учительки...»

Урванцев смотал, как с клубка, с электро-бритвы провод, потыкал вилкой в розетку, но не попал и задумался: «Парня зря подыму!» В тупе, придерживая его за шерсть изнутри, Антон выбрался сквозь двое дверей во двор, нацедил через нос полную грудь веселого мороза.

В первые годы после женитьбы Урванцев любил подолгу стоять во дворе вот так, при месяце. Тогда еще не было кругом этих мелковолнистых шиферных крыш над безглазым амбаром, сараями, над баней по-белому, не было и самих построек, не блестела в вышине свежей медью телеантенна. Ничем не загроможденное небо Урванцев сравнивал тогда с неприбранной площадкой зернотока, и появлялось желание смести звезды, как рассыпанную пшеницу, в общую кучу. Иногда с ним стояла Маруся. Светясь глазами, они рассуждали о том времени, когда Ленька встанет на ноги, а отец заведет для него голубей...

Открылась дверь хлева, окантованная толстой бахромой инея, и с полным ведром молока показалась переломленная в пояснице Маруся.

— Вроде как у нас сегодня воскресенье? — угодливо выхватывая у жены ведро, поинтересовался Урванцев. — Может, в Свердловск Леньку свозить? Давно парень просится...

— Заждались вас там, — с трудом выпрямилась жена. — Пьяницу да двоешника.

— Что ж, — шевельнул языком Антон. — Раз такие мы, дак куда деваться.

С улицы кто-то несмело пошатал калитку, спросил вежливым басом:

— Не спите, хозяева?

— Маруся, это он! — передернулся и замер Урванцев.

— Кто?

— Который с топором...

Жена с сердитым сочувствием посмотрела на широкоглазое от страха лицо Антона:

— С ума начал сходить, мужик. Это же Ваня Мохнаткин...

— Верно, что Иван, — с облегчением хватаясь за карман с сигаретами, согласился Урванцев. — Он, знать-то, и приснился.

— А я на конюховку побежал, — войдя на шаг в ограду, сообщил гость — головастый, несуетливый колхозник в ватных брюках. — Думал, пока спишь, за сеном сползает. А ты уж на ногах. Тогда, может, сейчас и пойдем? — он, оглянувшись на уходящую в избу Марусю, понизил голос. — Здоровье поправишь. Я вчера успел заpastись...

Урванцев растерянно моргал ресницами: на что понадобился он Мохнаткину.

— У тебя полторник? — начал, наконец, догадываться он.

— Ну да, Мартик. Ты ведь вчера смотрел.

Урванцев с досадой сплюнул горькую от табака слюну. Действительно, он вчера заглядывал к Ивану в пригон и, кажется, обещал... Установленный за ночь порядок в мыслях нарушился: как теперь отвитьнешь? Да и захотелось посидеть со стаканом. За неторопливой, толковой беседой может выпрямится душа...

— Вообще-то надо с этим делом останавливаться, — сомневался и медлил он, уже готовый уступить. — А сам-то не справишься?

— Сам? — сконфузился Мохнаткин. — Откуда! Я ножика-то сроду в руках не держал, не способный. Сердце, понимаешь...

Под кожей на губе Урванцева вдруг затормошился нерв.

— Сердце! — закричал он хрипло и зло. — А у меня, значит, мерзлая картофелина?! На мясо-то все падки, а в крови Урванцев булькайся... Хватит!

— Раз так, извини! — обиженно оттопырил нижнюю губу Мохнаткин. — Я ведь вчера тебя за язык не дергал... Счастливо оставаться. — Он воткнул кулаки в карманы и пошел, горбясь. А Урванцев глядел вслед и думал:

«На закуску, наверно бы, рыжики выставили. Теща у него каждый год помногу солит...»

Вернулся он в дом сердитый, мелко вздрагивающий от холода, и, стараясь не думать о пропавшей возможности опохмелиться, долго пил голый кипяток.

«Хитро придумано! — бросал он едкие взгляды в окно. — Я, дескать, нож в руках не держивал, значит, как юный пионер свят...»

Проснулся сын — длинный, худой подросток, — прошел мимо Урванцева с отрешенным лицом и стал щелкать белыми клавишами радиоприемника.

«А сны Ваньке, пожалуй, веселые снятся. Надо бы спросить», — с унылой завистью подытожил Урванцев и позвал непривычно добрым голосом сына:

— Леня, в Свердловск поедешь со мной?

— Зачем? — тот, осоловелый со сна, неохотно покосился через плечо.

— В зоопарк ходим, — неуверенно ответил Урванцев. — Так пошастаем... Лампы какие-то тебе надобились.

— Хватился, — вмешалась жена. — Этих ламп-то он прошлой осенью добивался. Я тот приемник давно парунье под гнездо приспособила.

— Говорят, там на маленьких лошадях ребят катают, — хмурясь, продолжал Урванцев. — Поедешь?

— В одной тележке с ушатиками? — усмехнулся Леня. — Мы с парнями в Заячью согру собрались. Белкин сказал, что стрельнуть даст.

— Егерь-то вам стрельнет! — затолкав чугунок в огненный зев русской печки, выкрикнула из кухни Маруся. — Оштрафует дак...

— Побьете друг друга, — вставил Урванцев и потянулся за чайником.

— Не бойся! — одной матери откликнулся Леня. — Егерь-то к теще на похороны уехал.

— А задачи по алгебре решил?

— Вечером решу. Все равно к Саньке за учебником бежать, у меня страница выдрана.

Урванцев, обиженный непочтительным поведением сына, отдернулся от кружки с чаем:

— А зачем рвал?

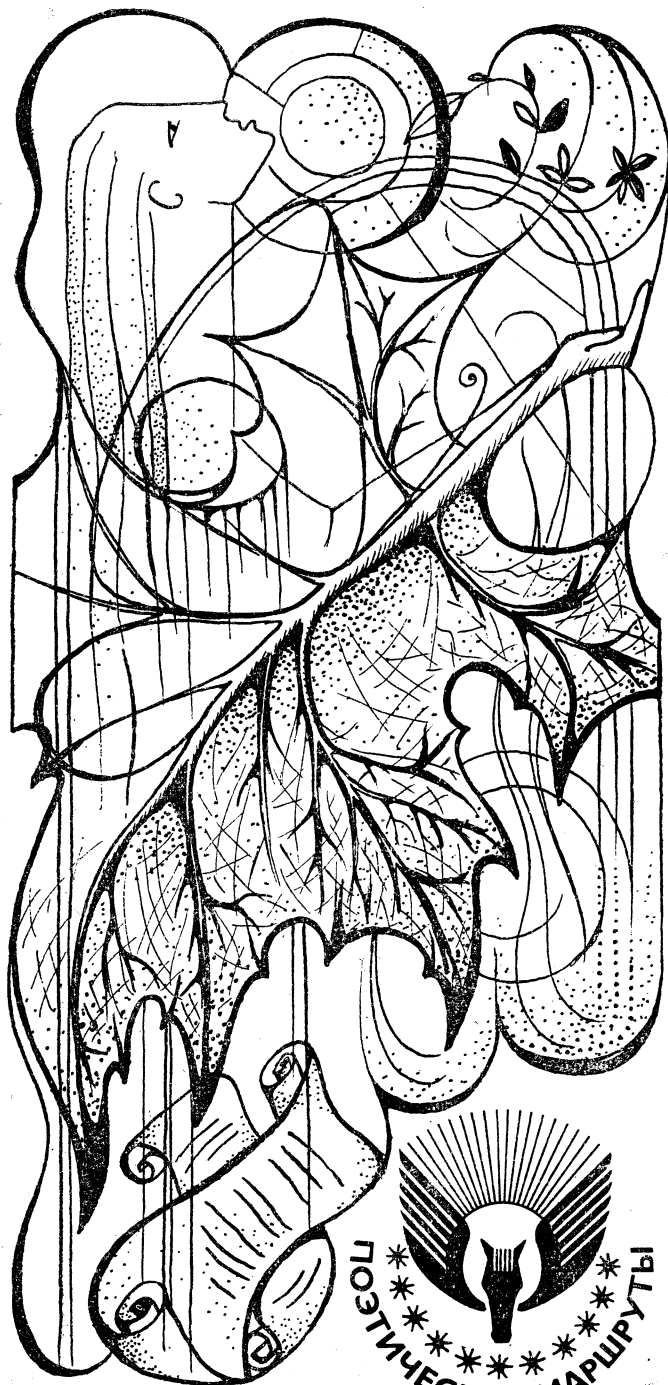
— По литературе я пару вчера исправил, — Леня опять мимо отца обратился к матери. — Теперь только тригонометрия... Никак не спрашивают.

— Ну и живите! — с тупым и тоскливым равнодушием Урванцев посмотрел в окно и вдруг оживился: за стеклом кто-то мелькнул, и снова осторожно забрякала калитка.

Первый снег

Майя
НИКУЛИНА

Рисунок
М. Тарабукиной

Зима проходит быстро, как во сне —
темнеет скоро, медленно светает...
Так рано нынче выпал первый снег.
А вот уже февраль, и крыши тают.

Просторно на заснеженной земле,
необозримо, ветрено, свободно.
Печален дух: ему не одолеть
простую силу истин обиходных.

Светлеют дни. Слабеют старики.
Темнеют тропы. Розовеют почки.
Два времени текут, как две реки.
Два голоса поют поодиночке.

- Скорей бы елка, снег и Новый год...
- Январь прошел и свечи отгорели...
- Каникулы на целую неделю...
- Глядишь, и год невесты куда уйдет...

А доченька моя, как свет светла,
С утра сидит, бочком прижавшись к печке,
У доченьки моей болит сердечко —
так ей зима длинна и тяжела.

Севастополь

1.

Вот только тут, где рядом хлябь и твердь,
где соль морей съедает пыль земную,
где об руку идут любовь и смерть,
не в силах обогнать одна другую,

вот тут и ставить эти города,
не помнящие времени и срока,
и легкие счастливые суда
причаливать у старого порога.

Вон посмотри — весь в пене и росе,
густой толпой, горланящей и пестрой,
седой отяжелевший Одиссей
несет непрорыхающие весла.

Вот он идет по выбитой тропе,
веселый царь без трона и наследства,
рискувший заглянуть в лицо судьбе
и на нее вовек не наглядеться.

О, эта страсть, терзающая грудь,—
земля и море, встречи и утраты,
последний дом и бесконечный путь,
и белый берег, низкий и покатый.

Светло тебе, оставленный, сиять,
и сладко снится странникам немилым...
Земля моя, кормилица моя,
какой печалью ты меня вскормила...

2.

Попробуй, оторви меня теперь
от этих бухт в сиянии и пене,
от августовских выжженных степей,
от моряков, погибших в Эльтигене.

От обелисков с жестяной звездой...
Ох, сколько их над миром засветилось...
Так время развело, что ни вдовой,
ни дочерью — никем не доводилась.

Так годы развели и расстоянья...
Но с каждым часом горше и честней
наследую великое страданье
от горя почерневших матерей.

И горько признаю простую власть
большой земли с полями и морями —
в горсти зажать, лицом в нее упасть,
уйти в нее — цвела б она над нами.

Наследую последние права
любить ее, покуда хватит силы,
и матерью ту землю называть,
где отчий дом и братские могилы.

**Андрей
КОМЛЕВ**

Через двенадцать лет

*Иль первой страсти юный гений
Еще с душой не разлучен,
И ты навеки обручен
Той давней, незабвенной тени?*

Блок

1.

А если с годами, как прежде,
накинувши руки на плечи,
ручьями катясь по одежде,
враспloh застывает весна,
так пусть ее молнии блещут
за нашу причастность надежде,
и пусть нам еще
рукоплещут
полночные дождь и листва.

2.

Откуда берется отвага?
То юность зовет —
как присяга,
трубит разоренным предместьем,
свои подымая войска,
а сердце трепещет — как шпага! —
ликуя забытым предвещьем...

И гибельной легкостью шага
стучит в опустевших висках.

3.

Когда она томила высотой,
блистая льдами,
подернутая облаком-фатой
и молодая,
а ты любил
на самом леднике,
в долине фирна
палаткою гнздиться налегке —
свежо и мирно,
кружился,
от нее не отступая,
с ее вершиной —
в сознании,
что может и тебя
снести лавиной...

4.

В той стороне
двенадцать лет назад
зеленое урочище лежало.

Под козырек берет автовокзал,
и павильоны от автовокзала,
качаются над пивом мужички,
и дамы у столов меняют позы,
и хорошо,
что темные очки
загородят лицо —
мешают слезы...

Каток, бассейн, шашлычная, пивбар.

Все обойдя
И наконец поверив,
спуститься между выводов и пар
через кусты
на каменистый берег
послушать: что еще шумит река —
«прощай, гора, я больше не приеду»...
Да кружку бы
достать из рюкзака,
но рюкзака с собой
сегодня нету.
Выходит, срок.
Где раньше дичь, дыра,
теперь мы развлекаемся — прекрасно...
А над ущельем белая гора.
И с той поры она нам неподвластна.

5.

Нам ли над этим маяться? —
крепче стеречь дома,
если сквозной обманностью
минул жестокий май.
Но покачнувши кленами —
улица вспясть с угла,
юность неутоленная!..
на вышине крыла.

ЭТО — НАШИ ДЕТИ

Записки
дежурного
милиции

Николай
НОВЫЙ

В детстве я не строил планов на будущее. Когда спрашивали, кем я буду, говорил, чтобы отвязаться: «Милиционером!». Ответ вызывал восторг: «Какой умный и самостоятельный мальчик!»...

После восьми классов родственники решили, что я должен поступить в радиотехникум. Объяснили: во-первых, профессия приличная и чистая, во-вторых, заместитель директора техникума хороший знакомый, а в-третьих, перед армейской службой будет специальность.

Экзамены сдавал без энтузиазма, но, к удивлению, поступил. Стал учиться. Увлёкся художественной самодеятельностью. Даже получил за чтение стихов диплом на областном смотре, после чего последовало приглашение в театральное училище на актерский факультет! Надо ли говорить, насколько заманчива актерская перспектива. Я мысленно читал свою фамилию в афишах крупным шрифтом, слышал взрывы аплодисментов...

Забрал я в техникуме документы, отнес в училище, но тут обо всем узнали родственники. Вначале уговаривали одуматься. Когда аргументы исчерпали, отбили телеграмму отцу и матери.

Отец, кадровый армейский офицер в отставке, написал, что не вынесет, если его сын станет шутком. Приехала мать и со слезами упрашивала выкинуть из головы сумасбродную затею. Слезы действовали — я вернулся в техникум...

Срочную службу проходил в войсках связи. И здесь твердо решил посвятить жизнь службе в армии. Самым серьезным образом готовился к экзаменам в Новосибирское высшее военно-политическое училище. Все шло хорошо, но подвело зрение — близорук я. Письма в Министерство обороны и Главное политическое управление не помогли, но упорные занятия не пропали даром: сдал вступительные экзамены на заочное отделение исторического факультета Уральского государственного университета.

...Работа на заводе по техникумовской специальности не приносила удовлетворения. Отправился в отдел кадров УВД Свердловска... И вот я — дежурный Железнодорожного РОВД (жилой район Сортировка).

Ох и трудно было первое время! Не умел я правильно составить протокол осмотра места происшествия, не умел моментально оценить обстановку, не умел квалифицированно взять объяснение. Я даже не умел толково объяснить гражданам практически ни одного вопроса, с которыми люди обращаются в милицию...

— Вы посмотрите, что он пишет, — отчитывал меня начальник от-

деления на оперативке, — на полу, у стены обнаружены бурые пятна, похожие на кровь! Эксперт тоже мне выискался!

С глубокой благодарностью вспоминаю человека, который открыл мне главную тайну милицеской профессии. Спустя два года он погиб в схватке с вооруженным бандитом. Этим человеком был шофер-милиционер Рим Мингачевич Хабиев. Невысокого роста, широкоплечий, черноволосый, с удивительно нежным, чистым, каким-то застенчивым взглядом черных глаз, он невольно вызывал чувство симпатии.

...Как-то вечером выехали на квартиру, где пьяные супруги устроили дебош. Действовал я, как мне казалось, быстро и решительно: взял заявление, предложил соседям прийти в отделение милиции для дачи объяснений, а разбушевавшихся мужа и жену посадил в машину, считая свою задачу выполненной до конца. Но Рим нерешительно топтался у подъезда дома. «Чего он медлит? Адресов столько, что до утра хватит ездить!» — подумалось мне.

Рим подошел и, виновато глядя в сторону, тихо спросил: «Коля, а как же ребяташки?». Я вначале не понял вопроса, но когда дошло, горячая волна стыда захлестнула меня. Я сразу вспомнил двух мальчуганов, испуганно глядевших на нас из кухни. Как же я, дежурный инспектор, офицер, человек, поставленный для наведения порядка и справедливости, мог забыть о детях!

Да, такому в институтах не учат. Это особая наука, наука жизни и человечности. И тот, кто не постигнет азы этой школы, просто не вправе работать в милиции. Но об этом я подумал значительно позже. А пока я стоял перед Римом, сконфуженный его замечанием, заливаясь краской стыда. Спросил, наконец:

— А что же нам с ними делать?

Рим помолчал, а потом так же тихо сказал:

— Я попрошу соседей, чтобы они за ними посмотрели, покормили, а завтра сообщим инспекторам детской комнаты.

— Правильно! — обрадованно поддержал я, чувствуя, будто камень свалился у меня с сердца.

В Риме поражала какая-то необыкновенная доброта, искренняя работа о детях, удивительная скромность.

В то время он еще жил с родителями. Но когда женился младший брат, Рим ушел в общежитие, чтобы не стеснять молодую семью.

Погиб мой друг на дежурстве. Он, не раздумывая ни секунды, шагнул навстречу вооруженному бандиту. Приказом Министра внутренних дел СССР Рим Хабиев навечно занесен в списки личного состава Железнодорожного РОВД...

Наблюдения привели меня к твердому убеждению: самый существенный пробел в воспитании случается в возрасте от 10 до 15 лет. До четвертого класса ребяташки в общем-то находятся под весьма успешным надзором взрослых. С ними занимаются в школе, в Доме пионеров, в дворовом клубе, где, как говорится, и сказку расскажут, и новогоднюю елку устроят. Одним словом, ребенок в этом возрасте постоянно занят, его запросы и интересы, в целом, удовлетворяются. Но приходит время, и мальчишка уже стесняется идти за руку с матерью. Дед-мороз и новогодние подарки вызывают, в лучшем случае, ироническую улыбку, в полуподвальном, запыленном помещении дворового клуба ему уже скучно. После уроков до самого вечера подросток предоставлен самому себе. И мальчишка неизбежно попадает под влияние авторитета старших дружков, и такой авторитет зачастую превышает родительский. В кругу «своих» парнишка хочет, до невозможности хочет самоутвердиться, показать свое «я», подчеркнуть якобы уже взрослость. Он впервые узнает вкус первой папиросы, здесь начинаются и «невинные» шалости, которые заканчиваются нередко на скамье подсудимых.

Скамья подсудимых. Дети. Как не хочется соединять эти понятия. И почему они в жизни оказываются соединимыми? Почему?

...Сообщение было немногословным: на улице Челюскинцев, неподалеку от Макаровского моста, двое неизвестных выхватили у гражданки Коптевой сумочку, после чего убежали по льду пруда.

— Одеты в темные пальто и шапки, возраст примерно лет 18—25. Ведь такие молодые! — только и успела заметить пострадавшая.

Собака след не взяла. Полночь. Ясная, холодная пора крещенских морозов. Я, лейтенант Крохалев и сержант Краев решили искать преступников в домах на берегу пруда. «Холод же, далеко от дома не пойдут», — рассудили мы. Я подошел к полузаброшенному бараку, два крайних окна которого были освещены. Осторожно заглянув, увидел мужчину и женщину. Они ужинали. «Наверное, пришли со второй смены», — подумал я. Постучал. Зашел. Семья Шелковниковых действительно вернулась с вечерней смены. Из разговора понял, что жители старого барака получили квартиры и покинули ветхое жилище, а Шелковниковы все не переезжали.

— От шестой квартиры отказываемся, — тяжело вздохнув, сказала женщина. Жесткий взгляд мужа заставил ее замолчать, и он, скрипнув

табуретом, сказал, вколачивая каждое слово, как гвозди:

— Переедем! Дадут такую квартиру, какую захочу!

Я объяснил причину позднего появления, обрисовал приметы преступников. Муж многозначительно посмотрел на жену:

— Не видел, не знаю...

Проводить меня вышла жена Шелковникова. В дверях она шепнула, что в доме живет парень, у которого постоянно пьянствуют.

— Они способны на это... — договорила она.

Я обошел барак и осторожно заглянул во второе освещенное окно. На кровати, забросанной тряпьем, сидели два молодых парня в пальто и черных шапках. Судя по всему, они крепко выпили и собирались куда-то идти. Еще раз обойдя дом, нашел дверь. Она была заперта изнутри. «Что делать? Если постучать, преступники уйдут через окно, подойти к окну — они уйдут через дверь». Ничего не решив, вышел на улицу, к углу дома. Отсюда просматривались и окно и дверь. Из темноты кто-то послышался фонариком. Я обрадовался — это оказался Краев, двадцатидвухлетний крепыш, недавно отслуживший во флоте. В том, что это те парни, которых мы ищем, я почти не сомневался. Я решительно постучал. Послышался шум, возня, крики. Выскочив на улицу, увидел, что по льду бегут двое. Сомнений нет: Краев преследует одного. Свет в комнате уже не горит. Значит, второй — там. С разбегу толкнул плечом дверь и буквально ввалился в помещение. Сразу услышал звон разбитого стекла. Так и есть — второй обитатель прыгнул на подоконник. Схватив его за ноги, стянул на пол и быстро обыскал. В кармане пальто — нож, больше ничего. Моя стремительность, видимо, совершенно обескуражила преступника. Он что-то нечленораздельно промывчал и покорно пошел к машине. Вместе с Валентином Крохалевым вернулся в дом, чтобы тщательно осмотреть комнату. Включили свет. Валентин стал обшаривать все углы, а я внимательно перебирал тряпье на кровати. И вот — чудо!

Из тряпья на меня смотрели испуганные, черные, как у мышонка, детские глаза. Еще один жилец?

— Ты кто такой, мальчик? — спросил я как можно доброжелательнее.

Мальчишка сел на кровати. Одет неважно, но опрятно. Пальто и брюки заштопаны чьей-то заботливой рукой. Просто невероятно в такой грязи, в неоплавленной, холодной комнате с разбитыми стеклами — и вдруг такой парнишка. Разговорились. Витя, так его звали, рассказал, что ему 9 лет, учится в третьем классе, а один из обитателей комнаты — его брат Владимир Цыганков.

— Где же твои родители?

Витя опустил голову:

— Маму посадили... Она в магазине продавцом работала... А папа здесь, в Свердловске. Только он тут не живет. Володя его бьет и деньги отбирает. Он и хочет то у тети Зои, а то на работе или еще где-нибудь.

— Сам-то как живешь, Витя? — спросил я, чувствуя, как к горлу подступил комок.

Лицо мальчика просветлело.

— Я-то живу у Сережи, он в нашем классе учится. Его мама меня жалеет. Школьную форму мне купила. Мы вместе с Сережей занимаемся и в школу ходим. Только мне Володя не разрешает с ним водиться, бьет меня за это, а сегодня учебники и тетрадки порвал: хватит, говорит, учиться.

И, горестно вздохнув, мальчуган вытащил из-за спинки кровати портфель с изорванными тетрадками и книжками. Взгляд его не по-детски серьезных глаз выражал боль и доумение.

Между тем Валентин обыскал весь дом, но обнаружил лишь две почтовые квитанции, судя по всему, принадлежащие потерпевшей. Сумки нигде не было.

— Витя! — спросил я мальчика. — Ты должен нам помочь. Скажи, брат ничего не приносил с собой сегодня вечером?

Глаза мальчугана наполнились слезами.

— Я знаю, что вы ищете, — прошептал он. — Сумку они во дворе в туалет бросили.

Когда сумка была найдена, я повез Витю к его другу Сереже.

Дверь квартиры открыла женщина лет сорока, с мягкими, нежными линиями лица и серыми глазами. Увидев Витю, она обняла его.

— Где же ты был? Мы тебя совсем потеряли!

И, бросив настороженный взгляд в мою сторону, спросила:

— Уж не натворил ли чего?

Я как мог успокоил Сережину маму, а Витя повторил свой грустный рассказ.

— Да что же мы стоим в коридоре?! — спохватилась женщина. — Проходите.

Вскоре я уже пил крепкий чай в просторной кухне семьи Журавлевых. Витя, умытый и накормленный, ушел спать. А Нина Ивановна, словно извиняясь, сказала:

— Мальчик очень хороший. Добрый, ласковый. Они давно с Сережей дружат. Жалко ведь: пропадет совсем. Родителей его судьба не интересуется. Он ведь меня мамой называет. Так что я теперь богаче стала. Как-никак, мать двоих сыновей.

Со светлым чувством прощаясь, я с замечательной русской женщиной. Не без добрых людей свет. Так неужели их так мало, что не хватает согреть все детские сердца?

У Николая Клевакина из уральского города Режа украли ружье, старую одностволку. Лежало оно на полатах уже много лет. Четырнадцатилетний сын Володя клялся, что ружья не брал. Кто же?

Подозрение пало на Мишу Семёнова и Сашу Вершинина, товарищей сына. Клевакин запрещал Володе водиться с дружками, о которых в городе ходила дурная слава: занятия они пропускали, грубили учителям, повсюду ходили в сопровождении своры собак, которые, казалось, сбегались к ним со всего города.

— Кому, как не им, утащить ружье,— подытожил Клевакин.

Я и помощник дежурного РОВД Ряков осмотрели дом, опросили соседей и поняли, что подозрения Клевакина не лишены оснований.

...В квартиру Саши едва достучались. Вершинин-старший, в грязной майке и мятых брюках, по всему судя, мучался с похмелья. Он отворачивал лицо, икал, но объяснил, что его «спиногрыз» уже неделю не ночует дома...

В доме второго подростка — Михаила — услышали нестройный хор. Хмельные голоса со старанием выводили историю о замерзающем в степи ямщике. Валентина Николаевна, мать Миши, пыталась втолковать нам, что не может объяснить, куда девался сын.

Инспектор детской комнаты милиции, молодая, смуглая женщина, тяжело вздохнув, сказала:

— Попробуйте поискать в лесу, у дороги... Много раз их там находила.

Долго бродили по осеннему лесу. Скоро с помощником даже из виду потерялись.

Вдруг неподалеку раздался громкий лай, вскрик. Побежал на крик и увидел помощника, окруженного сворой собак. Валентин был в растерянности. Соображая, чем бы ему помочь, я заметил в тени небольшую избушку. Ряков тоже увидел строение и решительно пошел вперед. Двинулся и я. Окруженные лающей стаей мы вошли в странную обитель. Внутри она напоминала блиндаж. Все сделано прочно и добротно. Справа от дверей стояли печь и стол, слева — деревянные нары. На нарах, рядышком, как воробышки, сидели черноволосый худощавый Саша и белобрысый, вихрастый, голубоглазый, весь в веснушках Михаил. Оба удивленно смотрели на гостей. Не ждали...

— Привет хозяевам! — поздоровался Ряков и, уверенно пройдя к столу, сел на лавку.

Разговор вначале не клеился, но постепенно, видя наше дружелюбие, хозяева достали закопченный котелок с кипятком и чугунок с картошкой. Разговор перешел на школьные и домашние дела, и я решил спросить их о ружье. Ребята не запырились. Да, ружье взяли они. Нет, красть они

не собирались. Вернули бы со временем сами...

— Думали, что дядя Коля уже и забыл, что оно у него есть. Страшно одним в лесу. Да и браконьеров развелось — тьма! — серьезно сказал Миша.

Это выражение так не вязалось с его веснушками и оттопыренными ушами, что Ряков, не удержавшись, громко захохотал.

...Миша принес ружье. Мальчишки постарались на славу. Ствол блестя, как зеркало. Но несмотря на расположение к ребятам, я вынужден был сказать:

— Собирайтесь, хлопцы. Нужно ехать.

— Товарищ лейтенант! — попросил Саша. — Только не водите нас домой, а то... отец опять драться будет.

Я заехал к Клевакину, возвратил ружье и попросил пока никому ничего не говорить.

Ряков накормил ребят домашними блинами.

— Ешьте, ешьте, — ласково рокотал он, — жена сегодня стряпалась. Пойду домой ужинать, еще принесу.

У Рякова своих трое, и он непоказно заботлив: подолгу беседует, расспрашивает о жизни, любовно журит. Ребята его любят.

Посоветовавшись, решили оставить мальчишек ночевать, чтобы на завтра подумать, что делать дальше.

Утром попросил Рякова разбудить ребятшек. Валентин вернулся недоуменный:

— Ума не приложу, куда могли деться сорванцы!?

Осмотрели все уголки в отделе. Ребят как корова языком слизнула. Через входную дверь они выйти не могли — неизбежно прошли бы мимо нас. Окна выходят во двор, огороженный почти двухметровым забором, да и расположена комната на втором этаже, над КПЗ, где во дворе бегают по проволоке три злощих пса. Наверное, от постоянного сидения на цепи и оттого, что они почти не видят людей, злость этих псов не поддается описанию. Даже проводник служебно-розыскной собаки кормил их, проталкивая чашку с пищей в отверстие ворот палкой. Осмотрели из окна двор. Собаки с остервенелым лаем носились по двору, никаких следов как будто не было. Куда же делись ребята?

Послав Рякова на розыски, я с тяжелым сердцем пошел на оперативку, а когда вернулся, Ряков ждал меня с обоими беглецами.

— Вот... задержал на вокзале. Боялись, что опять отведем к родителям, и собрались ехать из города.

Лицо Валентина светилось неподдельной искренней радостью.

— А как же вы сумели убежать? — недоумевающе спросил я.

— Да очень просто, дядя. По-

висли на вытянутых руках, а потом спрыгнули во двор. Тут же невысоко, — охотно ответил Миша.

— Ну, а собаки?!

— А они не кусаются, — серьезно ответил Саша. И, улыбувшись, добавил:

— Мы их блинами покормили.

— Ну и сорванцы! — восторженно захохотал Ряков.

Много хлопот, помню, приложили, чтобы наладить жизнь ребят. Но, пожалуй, главным в их судьбе стала дружба с сержантом Ряковым.

С того памятного дня они не пропускали ни одного дежурства Валентина. Дети знают, кто их любит!..

Вот и Кольку Тупикина все считали конченным человеком.

День тринадцатилетия он отбывал в детской комнате милиции и тоскливо смотрел в угол.

Напротив Кольки, за ворохом бумаг, сидела инспектор детской комнаты милиции Зоя Васильевна Петрова.

— Что будем делать, товарищ именинник? — спросила Зоя Васильевна. — Если не ошибаюсь, это у тебя шестая кража. Придется направлять тебя в спецшколу.

Колька вздохнул. Он подумал о том, что в спецшколе ему, наверное, не понравится... Но и дома было не лучше. И перед Колькиными глазами встала горькая картина: закопченные комнаты, спертый воздух, постоянно невытый, затоптанный пол, мать, собирающая бутылки. Он с трудом припоминал первую кражу. Это случилось в четвертом классе. Ну, украл у Вовки Жигарева завтрак. Вовка, упитанный чистюля, пропажи даже не заметил: родители, видать, давали ему еще и деньги на школьные обеды. Колькина мама не только не давала денег, но и накормить утром забывала. Да что там накормить! Бывало, Колька собирался в школу, а мать не в силах поднять голову, отяжелевшую после вчерашней попойки, просила сына слабым голосом дать ей напиток, а так как дома воды почти никогда не было, то Колька, накинув на плечи изодранное пальтишко и жалая мать, бежал на соседнюю улицу за водой.

Потом были кражи из школьного буфета, из раздевалки, из киоска «Союзпечати». В конце концов Кольку поймали. О его кражах узнала вся школа, и к нему прочно прилипла кличка — «Вор».

Ребята стали сторониться Кольки. Он поначалу дрался и вскоре вообще перестал ходить в школу. Мать, конечно, жестоко выпорола, однако эта мера ни к чему не привела. На следующий год его перевели в другую школу, но и здесь он продолжал воровать.

Месяца два назад я вытащил Кольку за ноги из-под кровати матери. Накануне он залез в пельмен-

ную и унес. оттуда конфеты, папиросы, консервы, мелочь и еще кое-какие продукты.

Мать кричала на меня, пыталась вырвать сына, грозила пожаловаться. В этот день Колька до вечера просидел в детской комнате. А вечером, когда он (в который уже раз) пообещал, что больше красть не будет, его отпустили. Потом долго сидел в сквере напротив отдела. Когда же стемнело, снял с пожарного шита лом, сорвал со стоявшего в глубине двора гаража два амбарных замка, вывел мопед «Рига-4», прыгнул в седло и помчался, оглашая сонные улицы пронзительным треском. Дома он поставил мопед в сарай и лег спать. На следующее утро я опять грузил мопед и Кольку в автомашину и вез в райотдел. Снова была беседа, увещевания. Но проказник отлично знал: пока ему не исполнится 14 лет, его не посадят.

...Время тянулось долго. Колька мучительно ждал конца беседы, когда можно будет пойти на реку, где у него есть облюбованный уголок и где он мог часами валяться в густой, зеленой траве и спокойно размышлять о своем непутевом житье-бытье.

— Ты залез в квартиру уважаемого человека,— откуда-то издали доносился голос инспектора.— Он выращивает сады для людей. Это старый человек. Он украшает нашу жизнь и щедро делится этой красотой с каждым, а ты разрушил плоды его долготлетних трудов.

В эту минуту в дверь постучали.
— Да, войдите,— сказала Зоя Васильевна.

— Разрешите? — дверь комнаты открылась, и на пороге появился пожилой мужчина невысокого роста с седыми усами и пышными, белыми, как снег, волосами. В руках он держал серую кепку-шестиклинку.

— Входите, входите, Николай Герасимович! — приветливо ответила Зоя Васильевна. И добавила, покаяваясь на Кольку:— А вот и ваш ночной гость.

Николай Герасимович внимательно и, как показалось Кольке, доброжелательно посмотрел в его сторону. Помолчал. А потом вдруг, усмехнувшись, негромко произнес:

— Так может быть вы, Зоя Васильевна, отдадите мне этого героя на расправу?

Зоя Васильевна строго взглянула на Кольку и также строго сказала:

— Ну если вы об этом просите...— и добавила, обращаясь к Кольке:

— Потом вернешься ко мне.

Колька дошел с Николаем Герасимовичем до знакомого ему по ночи дому, окруженному тенистым садом. Вошел в калитку и невольно бросил взгляд на крайнее левое окно. Именно туда забрался он через форточку и, зацепившись брюками за шпинга-

лет, уронил с подоконника два горшка с какими-то растениями. Из квартиры он утащил только карманные часы; часы у Кольки в милиции забрали. Сейчас он больше всего недоумевал: зачем ведет его к себе домой этот странный старик и почему он, Колька, до сих пор не убежал от него?

Они вошли в просторную комнату, где накануне он побывал с ночным визитом. Увидев комнату при дневном свете, Колька остановился в растерянности. На окнах, на столе, на комодке, на стенах и на полу стояли и висели вазы, горшки и горшочки с цветами и различными незнакомыми Кольке растениями. Из всего этого буйного растительного мира Колька узнал только алоэ, кактусы и герань. Остальные ему были не известны. На комодке, на прежнем месте лежали большие карманные часы. При виде этих часов у Кольки пожаром запылали уши, что случилось с ним крайне редко. А Николай Герасимович, словно не заметив Колькиного замешательства, заговорил. Колька сперва равнодушно слушал глухой голос старика, но постепенно сказочный рассказ о дальних странах, диковинных растениях и удивительных людях увлек мальчишку и он заворуженно смотрел на зеленые фикусы, вечнозеленые бегонии, красноцветный бальзамин и удивительные двухэтажные лимонно-мандариновые деревья.

— А вот это семейство зеленых уродцев — кактусы,— продолжал Николай Герасимович,— Маяковский так писал об этих замечательных растениях,— и старик, откашлявшись, торжественно произнес: — «Аж сам не веришь факту: из всей бузы и вара встает растение — кактус трубой от самовара». Сочно сказано. А вот два из них: филлокактус и опунцию ты, Коля, сегодня ночью сломал.

При этих словах Колька вздрогнул и опять покраснел, но Николай Герасимович спокойно продолжал рассказ...

Потом Колька пил густой ароматный чай с вишневым, малиновым и смородиновым вареньем, сваренным дедом Колей, так стал называть его Колька, и рассказывал со всей откровенностью всю историю своей непутевой жизни. Описал и последнюю историю с часами.

— Ну вот что, Коля,— завершил добрый хозяин,— стар я становлюсь. Ни детей, ни внуков у меня нет. И не два века проживу. А есть мечта: посадить в городе кедровые аллеи. Как тебе, а? Да ты не спеши с ответом, не спеши. Подумай, брат, крепко подумай. Работа тяжелая. А надумаешь, приходи. Если меня дома не будет, ключ висит за ставнем у крыльца.

И опять после последних слов старика словно горячая волна обожгла Кольку — ключ от дома! Ему?!

Странные мысли одолевали парнишку. И хотя Николай Герасимович не сказал ему ни слова о краже, о его жизни и поведении, Колька знал твердо: с воровством покончено навсегда.

...Несколько лет назад Николай Герасимович умер, так и не осуществив своей мечты. Николай Тупикин учится на третьем курсе сельскохозяйственного института. В комнате, где он живет, много цветов, но два из них — филлокактус и опунция — самые любимые. Над ними, на стене, в простенькой деревянной рамке висит портрет человека, мечтавшего вырастить в родном городе кедровые аллеи.

Подрастают наши дети. Они разные. Легкие и трудные, благополучные и — отбившиеся от рук. Когда у вас вспыхивает законное чувство возмущения, не забывайте все-таки — наши это дети, наши... Не добавляйте к злomu — зло. Будьте же сильными рядом с подростком, но будьте и добрыми...

Иначе как мы с вами докажем, что его, добра, в мире больше...

ГДЕ СЕРДЦЕ КУТУЗОВА?

**Владимир
АЖАЖА**

Казалось бы, вынесенный в заголовок вопрос звучит как-то нелепо. Ведь известно: великий русский полководец Михаил Илларионович Кутузов скончался 16 апреля 1813 года «в небольшом силезском городке Бунцлау, где похоронено его сердце, а тело забальзамировано и отправлено в Петербург, где погребено в Казанском соборе» (Большая Советская Энциклопедия, 2-е издание). Не так давно польская журналистка Г. Гарлинская рассказала в «Вечерней Москве» о том, как в феврале 1945 года воины 1-го Украинского фронта, ворвавшись в Болеславец (нынешнее название Бунцлау), увидели близ дороги на плите русские буквы: «Здесь лежит сердце князя Смоленского фельдмаршала Кутузова». Павшие в боях на силезской земле советские воины были погребены рядом.

Разведчики вдрут на холме
по соседству
Увидели памятник строгий:
Могила друзей и Кутузова
сердце
У старой саксонской дороги.

Так об этом поет Краснознаменный ансамбль в песне М. Фрадкина и Е. Долматовского «Обелиск».

И все же... И все же во мне, принявшем когда-то как догму свидетельства учебников истории и энциклопедий, поселилось сомнение. Волновали два вопроса. Немало полководцев и других великих людей хоронила Россия, но при этом их сердце оставалось вместе с ними. Почему вдруг в этом случае понадобилась эта из ряда вон выходящая акция?

Второй вопрос: как могло случиться, чтобы сердце великого патриота, исконно русского человека, оказалось похороненным на чужбине?

Постепенно и незаметно я оказался втянутым в то, что называют научным поиском. Оказалось, что извлечение сердца у скончавшихся знаменитостей не такая уж редкость.

Вольтер умер в Париже 30 мая 1778 года. В то время в церквях произносились проповеди против неверия и безбожия в образе Вольтера. О похоронах в столице не могло быть и речи. Ночью 31 мая друзья усадили мертвого Вольтера в халате и ночном колпаке в карету и через

двенадцать часов бешеной скачки тайно доставили в аббатство Сельер в Шампани и предали земле. Маркиз де Вильетт сохранил сердце Вольтера, которое после революции 1789 года было передано в дар Франции и помещено в цоколе гипсового оригинала вольтеровской статуи работы Гудона, хранящегося в помещении Национальной библиотеки.

Еще пример: Шопен завещал свое сердце Польше, и это было исполнено...

Кутузов не оставил никакого завещания. Он умер неожиданно для всех, поскольку в свои 68 лет был бодр, энергичен. Двое суток перед кончиной Кутузов был без сознания и не мог изъявить последней воли.

Мои сомнения усилились и после знакомства с некоторыми традициями православной церкви. Русское духовенство не позволяло бы захоронить сердце отдельно: в нем якобы сосредоточена душа человека, которая должна будет воскреснуть, и потому отделять ее от тела нельзя.

Естественно, свои поиски я начал с Ленинграда, с Казанского собора, в котором находится усыпальница полководца. В соборе сейчас разместились Музей истории религии и атеизма Академии наук СССР. И тут в мои руки попала книга-путеводитель «Казанский собор», написанная в 1961 г. Я. И. Шурыгиным. На 71-й странице нахожу: «Тело умершего полководца набальзамировали и поместили в цинковый гроб. У головы с левой стороны установили небольшой серебряный сосуд, в котором находилось набальзамированное сердце полководца».

А как же памятник в Болеславце, утверждения историков и, наконец, запись в Большой Советской Энциклопедии?! Если это большая историческая ошибка, то чем она вызвана?

На письменный запрос музей ответил, что основанием для такого утверждения Я. И. Шурыгина являлся обнаруженный в архивах акт вскрытия могилы Кутузова в 1933 году. Вот его текст.

АКТ

Ленинград. 1933 года, сентября 4-го дня комиссия в составе директора Музея истории религии Ака-

демии наук СССР профессора Богораз-Тана В. Т., ученого секретаря Музея Баканова В. А., заведующего фондами музея Воронцова К. Ф. в присутствии представителя от III ОГПУ тов. Бороздина П. Я. составила настоящий акт о нижеследующем.

Вскрыт склеп, в котором обнаружен сосновый гроб (обтянутый красным бархатом с золотым позументом), в котором оказался цинковый гроб, завешенный болтами, внутри которого обнаружен костяк с остатками сгнившей материи. Слева в головах обнаружена серебряная банка, в которой находится набальзамированное сердце. Весь процесс вскрытия был сфотографирован — было произведено 5 снимков.

Настоящий акт составлен в 2-х экземплярах.

Далее следовали подписи.

Как рассказывает участник этого события Б. Н. Сократилин, вскрытие склепа производилось по указанию Сергея Мироновича Кирова, возглавлявшего тогда Ленинградский обком партии.

Сергей Миронович вызвал Сократилина (он осуществлял надзор за историческими и архитектурными памятниками Ленинграда) и сказал, что ученые не могут решить спор, где же захоронено сердце Кутузова. Поручив вскрыть склеп и осмотреть саркофаг, Сергей Миронович попросил также изъять оттуда ордена полководца и фельдмаршальский жезл для передачи в музей.

Спустились в подвал, при свете тусклых фонарей начали осмотр. Там, где кладка казалась свежее, рабочие разобрали стену и открыли доступ к усыпальнице.

Серебряный сосуд казался запаянным. Потребовались большие усилия, и, наконец, отвинтили крышку. После осмотра сосуд снова накрепко завинтили...

Ни орденов, ни жезла в склепе не было. Уже наверху, после составления акта, один из сотрудников собора рассказал следующее. Вскоре после Великой Октябрьской революции настоятель Казанского собора Орнатский вместе с братом и другими членами подпольной монархической организации вскрыли склеп М. И. Кутузова и использовали его как тайный склад оружия. Группу арестовали чекисты, но о судьбе фельдмаршальского жезла и орденах Орнатский ничего не сказал.

Однако вернемся в 1813 год.

Изучение многих документов позволяет воссоздать картину последних дней М. И. Кутузова.

4 апреля 1813 года авангард русской армии достиг Силезии. В этот день вечером М. И. Кутузов, остановившийся в Бунцлау в доме отставного майора фон дер Маркса, почувствовал озноб и слег. Затем его состояние стало быстро ухудшаться.

Отказала правая рука. Врачи — лейб-медик Александра I Яков Вилле, прусский лейб-медик Вибель и доктор города Бунцлау Вислиценус — констатировали: «Нервическая горячка, осложненная паралитическими явлениями». Позднее диагноз был записан как тяжелая форма полиневрита. Для того, чтобы изолировать больного от шума, жителям приказали устилать улицу соломой. За несколько дней до своего конца фельдмаршал отдал приказ о перегруппировке войск, сосредоточив 92 тысячи солдат при 656 орудиях между Лейпцигом и Дрезденом. О его болезни официально не сообщалось, чтобы не подрывать морального духа армии.

Но 16 апреля в 9 час. 30 мин. вечера полководец умер. Из главной квартиры армии, из города Фробурга последовало высочайшее распоряжение: перевезти тело фельдмаршала в Санкт-Петербург, «дабы было погребено со всеми, великому званию его, и навеки незабвенным Отчеству оказанным заслугам, подобающими почестями».

На другой день после смерти доктор Вислиценус произвел вскрытие и балзамировал тело Кутузова. В акте вскрытия указывалось на необычайно большой размер сердца. С таким сердцем, по мнению врачей, Кутузов мог жить еще долго, если бы он не простудился. Прах Кутузова находился в Бунцлау 10 дней, пока шли приготовления к длительному пути до Петербурга. Готовилась колесница, местный мастер Август Иенке делал цинковый гроб.

После балзамирования тело накрыли стеклянным коллаком и выставили для прощания. Когда цинковый гроб был готов, в него переложили тело и сердце, помещенное в серебряный цилиндрический сосуд с навинчивающейся крышкой. Цинковый гроб поставили в деревянный. 24 апреля на городском кладбище в 3 верстах от Бунцлау, у деревни Тиллендорф, ближайшие соратники Кутузова похоронили часть его останков, запаянные в маленький цинковый гробик.

На другой день траурная процессия с гробом Кутузова, запряженная шестеркой коней, тронулась в путь. Скорбное шествие продолжалось полтора месяца. Процессия шла через Познань, Тильзит, Мемель, Митаву, Ригу, Нарву. На всем пути траурному кортежу устраивались торжественные встречи и проводы с пушечными салютами и речами. Жители городов и сел выпрягали лошадей и везли колесницу на себе, усыпали ее путь живыми цветами.

13 июня 1813 года состоялась похорона. Гроб был установлен в Казанском соборе, где хранились военные трофеи войны 1812—1813 гг. Для этого у западной стены северного придела был вскрыт пол и часть

подвального помещения превратили в склеп. Могила была прикрыта гранитной плитой в уровень с полом, а затем над ней была поставлена низкая железная решетка с бронзовыми позолоченными деталями. В стену над могилой вделана доска красного мрамора с надписью золочеными накладными буквами: «Князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов Смоленский родился в 1745 году, скончался в 1813-м в городе Бунцлау».

А как же возникла легенда о сердце, «зарытом у старой саксонской дороги»? Думается, что главной причиной тут послужил обелиск на кладбище у Бунцлау. Именно он давал повод для самых невероятных размышлений и предположений.

Впервые неправдоподобная версия появилась в печати в «Военно-историческом журнале» в 1913 году в столетие со дня смерти полководца. Ее авторов не смутило, что всего за сорок лет до этого, в 1874 году, «Русская старина» писала о том, что адъютант Кутузова генерал Монтезор препровождал в Россию из чужой земли бранные останки — сердце и набальзамированное тело покойного. А возможно, что это сообщение просто не попало в поле зрения и авторов, и большинства читающей публики. Случилось же ведь такое с книгой Я. И. Шурыгина, изданной, правда, весьма малым тиражом. Несколько ее строк, достоверно воскрешающих истину, утонули в лавине информации о захоронении сердца в Бунцлау. И в фундаментальном труде Л. Н. Пунина «Фельдмаршал Кутузов» (...«Сердце Кутузова по его желанию было похоронено на кладбище близ г. Бунцлау»), и в статье А. Гуторвича «Сердце Кутузова» («Кутузов завещал: сердце мое захоронить в Бунцлау, чтобы русские солдаты знали, что до полной победы я остался с ними») утверждалось одно и то же. И немудрено, что эти утверждения рано или поздно нашли отражение не только в многочисленных документах, но и в стихах и песнях.

ДОЧЬ ПОЛКА

См. 2-ю стр. обложки.

Сергей
ЧАПЛИН

1878 год. В составе русской армии, освобождающей братскую Болгарию от турецкого ига, находится и Кексгольмский гренадерский полк. Позади ожесточенные бои под Плевной и Филиппополем. Султанская армия откатывается к Константинополю, и вслед за ней бежит мирное турецкое население. Запуганные ложными слухами о жестокости русских солдат, идут по заснеженным дорогам женщины, старики, дети... Откуда им знать, что каждый русский воин твердо помнит слова великого Суворова о том, что «победителю прилично великодушие», свято соблюдает его завет: «Обывателям ни малейшей обиды не чинить, война не на них, а на вооруженного неприятеля».

Вот и бредут по дорогам беженцы в жестокие морозы, а скорбный путь их отмечен многочисленными телами замерзших.

Преследуя отступающего противника, идет маршем Кексгольмский гренадерский полк. И вот, 12 января 1878 года рядовой этого полка Михаил Саенко заметил неподалеку от дороги следы потухшего костра, рядом с которым что-то шевелилось в снегу. Солдат вышел из строя и вскоре вернулся, неся на руках полузамерзшую трехлетнюю девочку. Найденыша завернули в тулуп и посадили на обозную телегу. Кто она, где ее родители? Девочка ответила, что зовут ее Айше. Больше о себе маленькая турчанка ничего не знала.

Убедившись, что родных Айше найти вряд ли удастся, кексгольмцы решили взять ее с собой. На первом же привале полковой портной сшил ей из солдатского обмундирования мужской костюм, и весь остаток военных действий провела она среди солдат, которые полюбили Айше как родную дочь.

Вскоре полк вернулся в Россию, и офицерское собрание единогласно постановило: ребенка в приют не отдавать, содержать его в полку, за счет полка вырастить и воспитать.

Тогда-то она и получила русское имя Маша, а отчество Констан-

тиновна, ибо именно так звали офицера, принявшего особенно горячее участие в ее судьбе. Фамилию же дочери полка дали знаменитую — Кексгольмская.

Шли годы. Маша воспитывалась в семьях офицеров, и к любому мужчине, одетому в форму родного полка, относилась как к отцу.

Забываясь о будущем своей приемной дочери, солдаты и офицеры полка ежемесячно отчисляли от своего жалованья определенные суммы, которые помещались в банк на имя Марии. Причем господа офицеры, будучи, как известно, богаче солдат, пошли дальше: с каждого карточного выигрыша в полковом собрании на счет девочки также шла твердо установленная сумма.

Здесь следует отметить, что дочь полка в учебе всегда была среди первых, а также отличалась отменным поведением. Сохранилось письмо классной дамы, адресованное в полк, в нем отмечались блестящие успехи воспитанницы Кексгольмской. В этом письме также сообщалось, что Маша в шалостях сверстниц участия не принимает, говоря: «Вам все равно, а за меня будет краснеть весь полк».

В 1890 году Мария Кексгольмская закончила институт и вернулась в полк. Жила она в семье бывшего командира кексгольмцев генерала Пяньотина до тех пор, пока не предложил ей руку и сердце корнет Изюмского полка Александр Шлеммер.

По обычаям того времени жених и невеста должны были получить согласие на брак у своих родителей. Если bravому гусару это было не так сложно, то в отношении Маши требовалось получить согласие целого полка. А солдаты и офицеры прославленного Кексгольмского не хотели отдавать свою дочь за кого попало и učinили форменную проверку человеческого и воинских достоинств претендента на руку Марии. Лишь после того, как выяснилось, что жених является вполне добропорядочным человеком и храбрым офицером — дело дошло до помолвки. Тогда

был дан бал в честь этого события «с согласия господ офицеров и нижних чинов Кексгольмского полка».

— Вот в каких широких пределах заключается глубина русского духа,— сказал, выступая за праздничным столом, генерал-майор Пузыревский.— С одной стороны, полное самопожертвование, беззаветная храбрость, готовность положить жизнь за отечество, а с другой — милосердие и любовь к ближнему!

Свадьба дочери полка состоялась 24 ноября 1895 года и на нее получили приглашение все без исключения кексгольмцы, служившие в полку с 1878 года. Более двухсот поздравительных телеграмм от отставных гренадеров пришло в тот день на имя Марии. В том числе телеграмма и от ее спасителя Михаила Саенко. В ответ, как явствует из документов, невеста послала ему свой портрет и крупную сумму денег.

В эти дни в местной газете появились следующие стихи:

«Русь, ты героями богата,
Но воин твой хранит в крови
И доблесть дивную солдата,
И чувство правды и любви.
Почтит теперь весь мир

обширный,

И не забудется века
Среди боев тот подвиг мирный
Сынов Кексгольмского полка».

К сожалению, больше никаких сведений о Марии Кексгольмской в музейной папке не было. И можно было бы на этом и завершить повествование о турецкой девочке Айше. Но нельзя закончить славную историю старейшего полка русской гвардии. В памятные дни Великого Октября он одним из первых перешел на сторону восставшего народа, а 25 октября семнадцатого года солдаты-кексгольмцы участвовали в историческом штурме Зимнего дворца.

Видят
редких звезд глаза,
окружая

Зимний в кольца,
по Мильонной из казарм
надвигаются кексгольмцы...

Эти строчки из поэмы Владимира Маяковского «Хорошо!» золотыми буквами вписаны в боевую летопись кексгольмских гренадеров.

А когда всматриваешься в темные глаза девушки, глядящие из овальной рамки со стены музея, то невольно думаешь о том великом чувстве человеколюбия, которое всегда было присуще солдату России — тому самому, что в конце минувшего века закутал в тулуп трехлетнюю Айше, а правнук которого навечно застыл на гранитном пьедестале в центре Европы, прижав ребячью головку к бронзовой гимнастерке.

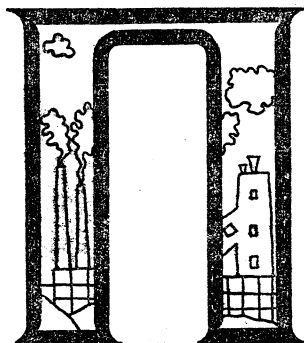

ЯЗЫК ЗЕМЛИ

Краткий словарь географических названий Урала

Александр
МАТВЕЕВ

Оформление
З. Баженовой

ПАМЕР, самая высокая гора на Полярном Урале (1499 метров). Находится близ Северного полярного круга на границе Коми АССР и Тюменской области.

Еще в XIX веке объяснили из ненецкого языка — «Камень-хозяин» (*пэ* — «камень», *ерв* — «хозяин»), собственно «Хозяин Урала» (как у манси Неройка). Но почему в этом названии пишется *пай*, а не *пэ*? Оказывается, в ненецком слове *пэ* гласный звук произносится довольно близко к русскому *а*. Иногда так и пишут *паэ*.

ПАЙ-ХОЙ, невысокий горный хребет, идущий под прямым углом на северо-запад от крайней северной части Полярного Урала и пролива Югорский Шар. Раньше объясняли из ненецких слов *пэ* — «камень» и *хой* — «хребет», то есть «Каменный хребет». Поскольку Пай-Хой покрыт каменистой тундрой, такое толкование вполне возможно, но в настоящее время предложена и другая этимология — «Косой хребет» (ненецкое *пай* — «кривой», «косой»). Пай-Хой расположен косо по отношению к Уралу.

Окончательно решить можно, только записав ненецкую форму названия.

ПАТОК (БОЛЬШОЙ ПАТОК И МАЛЫЙ ПАТОК), правые притоки

Шугора, впадающего в Печору (Коми АССР). Очень редкое для более или менее значительных уральских рек чисто русское название. Слово *пато́к* — «приток» отсутствует в словарях русского языка, но зато в них есть всем известное слово *пато́ка* и диалектное *пато́чина* — «источник, родник, текущий из болота или озера», причем это последнее слово засвидетельствовано уже в исторических документах XV—XVI веков.

Понятен и путь возникновения этого оригинального названия. В XV—XVI веках русские при переходе через Урал пользовались несколькими вариантами чрезкаменного пути. Один из них — по Печоре, ее притоку Шугору, волоком через горы, а затем на Ляпин (Сыгву) и Северную Сосьву. Большой и Малый Паток, как самые большие притоки Шугора, нельзя было не заметить, они и получили поэтому русские названия. Слово *пато́к* по своей структуре близко к существительным типа *пасынок* и особенно *паполза* — «ребенок, который еще не умеет ходить».

В «Книге Большому Чертежу» 1627 года Большой Паток назван рекой Пыжнюц. Этот топоним явно местного происхождения и возможно связан с коми *пыж* — «лодка» («Лодочная река» в смысле «Река, по которой могут пройти лодки»). Топоним Пыжнюц косвенно указывает на то, что другое наименование реки (Паток) привнесено на Приполярный Урал русскими.

ПЕЛЫМ, левый приток Тавды (Свердловская область). В конце XVI столетия в устье Пельма русские построили город Пелым, с течением времени он утратил свое стратегическое значение, сейчас это небольшая деревня. Кроме того, есть еще недавно возникший поселок лесозаготовителей Пелым на пересечении реки Пелым и железной дороги Ивдель — Обь (Сергино).

Первично название реки. Его пытаются отождествить с мансийским *полям* — «мерзлый», «студеный», то есть Пелым — «Студеная (река)». Пелым течет с севера, так что по значению это толкование вполне подходит. Трудность, однако, в том, что

Продолжение. Начало см. в №№ 1—3, 5—10.

Пелым по-мансийски не Полям, а Полум (или Поллум). Возможно, что Полум — домансийское название.

В нижнем течении Пельма находится большое проточное озеро Пельмский Туман. Географический термин *туман* в мансийском языке обозначает озеро, образованное разливом реки. Кроме Пельмского Тумана, есть еще Вагильский Туман в бассейне реки Вагиль, Леушинский Туман на Конде и некоторые другие туманы.

ПЕРВОУРАЛЬСК, город в Свердловской области. В 1732 году на реке Шайтанке, правом притоке Чусовой, Василием Демидовым был основан чугуноплавильный и железоделательный завод. По обычаю того времени он был назван Васильево-Шайтанским. После революции завод был реконструирован и стал именоваться Первым уральским заводом цельнотянутых и катаных труб, а поселок Васильево-Шайтанский (Шайтанка) был переименован в Первоуральск. В 1933 году Первоуральск стал городом.

ПЕРМЬ, город на берегу Камы, центр Пермской области. Первое поселение на месте современного города — деревня Брюханова (иначе Ягошиха, или Егошиха) — возникло еще в конце XVI или в начале XVII века. В 1723 году на речке Егошихе, близ впадения ее в Каму, был основан Ягошихинский (Егошихинский) мелеплавиный завод. В 1780 году был издан царский указ о переименовании поселка Егошихинского завода в город Пермь — центр Пермского наместничества (с 1796 года — Пермской губернии).

Город получил свое имя по области Пермь, или Пермская земля (также Пермь Великая). Название это, по мнению большинства исследователей, восходит к финско-карельскому Перя Маа, что означает «Дальняя земля». Так прибалтийско-финские народы называли земли, лежащие к востоку от древней Двинской земли (новгородского Заволочья). Мнение это хорошо подтверждается тем, что дальними окрываются не только коми-пермяки, но и другой пермский народ — коми-зыряне (финское *сюрьяйнэн* — «крайний», «дальний»). В сущности, слова пермяки, зыряне и украинцы означают одно и то же — «живущие на краю».

ПЕЧОРА, река в Коми АССР и Ненецком национальном округе Архангельской области, впадает в Печорскую губу Баренцева моря, берет начало в горах Северного Урала. На пересечении реки с железнодорожной магистралью Котлас — Воркута в 1949 году возник город Печора.

Даже в самых солидных изданиях, например в «Этимологическом словаре русского языка» Макса Фасмера, можно встретить утверждение, что название этой реки происходит от древнерусского слова *печера* — «пещера» и что якобы Печора — «Река пещер» названа так за обилие пещер в ее нижнем течении, в них якобы жила древняя чудь. В некоторых русских диалектах это слово звучит *печора*, что, казалось бы, еще больше укрепляет древнерусскую версию.

По-коми Печора называется Печера, а по-мансийски Песер (произносится Пешер, Печер), или Песерья, где *я* — «река». Оба эти названия с точки зрения сторонники только что рассказанной гипотезы заимствованы из древнерусского языка.

Но русские не были коренным населением в бассейне Печоры. Уже поэтому странно, что основная магистраль края названа по-русски. Пещеры вовсе не такой важный и распространенный объект в Припечерье, чтобы стать поводом для наименования столь значительной реки. Сомнительно, что коми и манси заимствовали название этой реки у русских, более вероятно обратное. Для русской топонимии необычно называть большую реку просто «Пещерой»; наконец, что делать со знаменитым племенем печерой (печорой), которое упоминается уже на первых страницах русской начальной летописи.

Вполне могло быть так, что река получила название именно по этому загадочному племени, в котором исследователи видят то какую-то этническую группу ненцев, то одно из племен коми. Сам же этноним *печер(а)* известный советский этнограф Б. О. Долгих делит на ненецкие слова *пэа* (в других источниках *пэа*) — «лес» и *тер, дер* — «житель», то есть *печер(а)* — «лесные жители». Конечно *а*, по его мнению, возникло уже в русском языке по аналогии с этнонимами *мещера, карела, черемиса* и так далее. Если все это правда, то мансийское Песерья действительно можно было бы перевести «Река пещеры (ов)», как предлагает Б. О. Долгих.

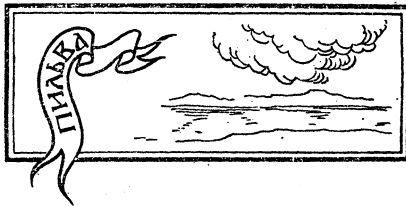
Ну, а если первично название реки?

Прежде всего надо отказаться от древнерусской версии. Это — обычное народно-этимологическое объяснение, названия: непонятный ни русским, ни коми топоним был истолкован при помощи случайно совпавше-

го с ним древнерусского слова *печера* — «пещера».

Возможно, перед нами очень древнее название, которое надо связывать с другими столь же непонятными дорусскими топонимами на *ар* и *ер*, как мансийское Пасар, коми Висер. В основе названия Печора соблазнительно усмотреть саамское *печ, печ* — «сосна», однако из саамского языка трудно объяснить речной суффикс *ер(а)*. И совершенно ясно, что этот гидроним усвоен не из ненецкого языка, так как ненцы зовут Печору Санро яха.

ПИЛЬВА, левый приток Камы в Коми-Пермяцком национальном округе. Пытались сравнивать с коми-пермяцким диалектным *пилл, пив* — «облако», «туча», «морок», но это совершенно не годится по значению. Много лучше коми-пермяцкое *пилем* — «ловушка для лесной дичи», которое могло упроститься перед *ва* — «вода» и утратить группу звуков *ем*, тем более, что в этом коми-пермяцком слове мягкое *ль*. Наконец, есть еще коми-пермяцкое Пила — Филипп, «Филиппова река», хотя этот путь менее вероятен.

ПИСАНЕЦ, ПИСАНЫЙ, название многих речных скал (камней) на Урале. Особенно известны камень Писанец (Писаный) на реке Ирбит, Писаный камень на Вишере, а также на Тагиле и Чусовой.

Все эти названия объединяет одно: на них рисунки или надписи. Среди изображений есть очень древние.

В «Пермских губернских ведомостях» за 1866 год И. Бульчев так характеризует Писаный камень на берегу Ирбита: «Красные начертания изображают фантастические фигуры. Предание говорит, что изображения сделаны кровью чудского князька, убитшегося здесь со своей лошастью и погребенного под камнем».

По этой скале получило название и село Писанец в Артемовском районе Свердловской области.

Заслуженно известен и знаменитый Писаный камень на Вишере. На нем красной краской изображены фигурки различных животных и людей. Писаный камень упоминается в русских актах XVII столетия, сами же рисунки возникли задолго до прихода русских на Урал и обычно приписываются предкам манси. И по этой скале названо соседнее село в Красновишерском районе Пермской

области. Оно так и именуется — Писаное.

Иначе возникло название Писаного камня, который находится на правой стороне Чусовой выше устья Серебрянки. Надпись на камне гласит, что на левом берегу реки против этого камня в сентябре 1724 года родился Никита Демидов.

Наконец, бывают и псевдописанцы. И. Я. Кривошеков сообщает о Писаном камне на реке Березовой (притоке Колвы), что на его гладкой поверхности, «обращенной к реке, разрослись лишайники причудливыми узорами». Их и можно было принять за рисунки или письма.

ПЛАСТ, город в Челябинской области. В середине XIX века здесь было открыто месторождение золота — знаменитая Кочкарская система. Так специалисты называют золотоносную площадь в верховьях рек Кочкарки, Санарки, Черной, Осейки, Каменки. Добыча золота началась в 1844 году.

Россыпные месторождения золота в этих местах представляли собой пластообразные залежи песков. Особенно привлекало золотискателей урочище Антипин Лог, где разрабатывался так называемый Большой Пласт.

Здесь и возник прииск, полуживший начало будущему городу, с названием Пласт (с 1929 года — рабочий поселок, с 1940 года — город).

ПОВДОЛОШНАЯ, название станции на железной дороге Свердловск — Пермь близ Первоуральска. Раньше здесь была деревня Подволошная. В Пермской области есть деревни Подволок, Подволочная, Подволошная. Все эти названия образованы от русского слова *волок* — «длинная дорога в безлюдном месте, обычно через лес» и означают «деревня под волоком» или «место под волоком», то есть там, где начинается (или кончается) волок. Поэтому и говорили просто «под волоком», а не «начало волока» или «конец волока».

Название Подволошная отражает живое произношение (мы пишем «конечно», но говорим «конешна»).

ПОЖВА, название рек в Пермской области: правого притока Камы (теперь впадает в Камское водохранилище) и левого притока Тыпы-

ла, впадающего в Косьву. Кроме того, в Пермской области есть речка Пож в бассейне Березовой (приток Колвы) и речка с таким же названием в бассейне Косы. На Пожве, впадающей в Каму, в середине XVIII столетия был построен Жовинский медеплавильный завод, сейчас это рабочий поселок Пожва Юсьвинского района Коми-Пермяцкого национального округа.

Окончание *ва* («вода») указывает на коми-пермяцкое происхождение названия. Основа толкуется по-разному: в ней видят коми *пез* — «поганый», «нечистый», «грязный», удмуртское *позж* — «мутный», «грязный» или усеченное в топонимах коми-пермяцкое *позжум* — «сосна».

ПОЛЕВСКОЙ, город в Свердловской области. В 1702 году в верхнем течении Чусовой по реке с простым русским названием Полевая было открыто месторождение меди, а в 1724—1727 годах здесь был построен Полевской медеплавильный завод. В 1942 году Полевской стал городом.

ПОЛУНОЧНОЕ, рабочий поселок в Свердловской области, конечный пункт железной дороги Идель — Полуночное. Поселок возник в 1942—1943 годах, когда началась разработка Полуночного месторождения марганцевой руды.

От русского диалектного слова *полуночный* — «северный» (сравните *полдней* — «южный», например, Полднейвая Чусовая, южный исток Чусовой).

ПОЛЮДОВ КРЯЖ, отрог Северного Урала в Пермской области (низовья Колвы и Вишеры). Наиболее значительная вершина — **ПОЛЮДОВ КАМЕНЬ** (529 метров) возвышается на правом берегу Камы близ Красновишерска.

По широко распространенному преданию, *кряж* и *гора* названы по имени жившего некогда в этих местах богатыря Полюда. Когда чужд была побеждена и делать богатырям стало нечего, ушел Полюд в каменную гору и спит там до сих пор.

И. Я. Кривошеков неудачно пытается вывести имя Полюд из коми-пермяцких слов *пель* — «ухо» и *удом* — «поднести», что вместе якобы значит «ухо, поднесенное ближе к Вишере, к месту оседлого жительства». На самом деле имя это безусловно русское, что хорошо доказывает «Ономастикон» академика С. Б. Веселовского: там упомянут новгородский боярин Полюд, убитый в 1268 году в бою с немцами под Раковором. Фамилия Полюдов распространена в Пермской области, также есть и несколько деревень с названием Полюдово.

ПЫСКОР (коми-пермяцкое Пыскар), большое село в Пермской об-

ласти, на правом берегу Камы, близ города Усолье. Первоначально здесь был Строгановский городок Канкор, или Камкор, возникший в 1558 году. В 1560 году здесь начинают строить Пыскорский монастырь, и за населенным пунктом закрепляется новое название.

А. С. Кривошекова-Гантман приводит извлеченное из старинных рукописных словарей коми-пермяцкого языка слово *пыск* — «пещера» (полностью *мупыск* — «земляная пещера»), толкуя слово Пыскор как «Пещерный город». Она свидетельствует, что под монастырской горой действительно есть пещера, вход в которую заметен до сих пор.

В. А. Оборин тоже упоминает о подземных ходах в районе Пыскорского монастыря, но предпочитает сравнение с другим коми-пермяцким словом *пыс* — «ушко», «отверстие». Возможно, именно эти ходы, напоминающие отверстия, послужили основой для названия городища.

ПЫШМА, река в Свердловской и Тюменской областях, правый приток Туры. По реке получили свое название город Верхняя Пышма, рабочие поселки Старопышминск и Пышма, поселок и железнодорожная станция Пышминская (все в Свердловской области).

В «Книге Большому Чертежу» 1627 года фигурирует как «Пыш река», но уже в одном документе 1629 года трижды названа Пышмой, так что в «Книге Большому Чертежу», видимо, ошибка.

Этому очень трудному для объяснения топониму с самого начала не везет. Знаменитый Иоганн фон Страленберг, пленный швед, долгое время проживший в Сибири и написавший о ней большое исследование, рассказывая о писаницах на Пышме, выдвинул предположение, что Пышма от русского слова... письмо. Историк Сибири Г. Ф. Миллер заметил по этому поводу, что и писаниц на Пышме нет и слово это не русское, а татарское, которое сами татары произносят Пышни.

Позднейшие исследования почти ничего не добавили. Среди краеведов распространилось мнение, что Пышма в переводе с татарского означает «Спокойная» (есть татарское слово *пошмас* — «неторопливый», «медлительный»), но это сомнительная версия.

Скорее всего топоним Пышма проник в татарский язык из какого-то более раннего неизвестного нам языка.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

МАЛЕНЬКИЙ КУРЬЕР

Рассказ

**Нада
КРАЙГЕР**

Рисунки
А. Банных

Знаю, что я еще не совсем настоящий курьер, потому что настоящими курьерами бывают только взрослые. Но Марко правильно сказал: «До тех пор, пока не побьем фашистов — дети должны быть взрослыми».

Каждое утро я делаю двенадцать упражнений и обливаюсь до пояса самой холодной водой. Не скажу, что обливаться этой водой было бы особенно приятно, но хочется поскорее стать настоящим курьером. И еще стою босиком на холодном полу целых пятнадцать минут! Все по правилам. Так учил Марко.

Марко — настоящий подпольщик. Он уже давно взрослый, а главное — запросто поднимает здоровенную черную гирию. Конечно, кому мало лет — тому всегда трудней: ни силы такой, ни военного опыта... Но ничего, мы еще поглядим — кто из нас что сумеет!

Сначала никто не догадывался, что я нарочно закаляю себя,

Нада Крайгер — известная югославская писательница, автор многих книг, издававшихся в Югославии.

Во время второй мировой войны — активный участник антифашистского Сопротивления. С начала войны и до 1944 года — член подпольной антифашистской организации в Любляне, а с 1944 года — офицер связи между Главным штабом словенских партизан и советским командованием.

В настоящее время живет и работает в Любляне.

Нада Крайгер неоднократно по приглашению Союза писателей СССР посетила Советский Союз.

чтобы стать настоящим курьером. Только Марко знал обо всем и доверял мне. А все остальные говорили:

— Нашел кого посылать! Не дорос еще пацан. Пусть лучше Ваня идет...

— Ваня?! — сразу вмешиваюсь я. — Как же Ваня? Разве вы не знаете, что Ваня уже ушел на задание?

— Ну, ладно-ладно, — говорил кто-нибудь, — пусть шлепает малыш. Только пусть не лезет к черту на рога!

«Пусть шлепает малыш», — в мыслях передрознивал я их. Давно уже взрослые, а до сих пор ничего не понимают. Думают, раз мне мало лет — значит, я ничего не могу. Как бы не так!

Только после одной особо ответственной операции мне стали доверять и — самое главное — перестали мерить глазами с ног до головы; как будто рост равен ловкости и мужеству. Как будто они никогда не знали, что при выполнении особых заданий то, что ты не колокольня, а просто маленький человек, — это даже лучше!

Конечно, мужество у меня появилось не сразу — много всякого страха пришлось перебороть. Хотя, если хорошенько подумать, — всегда страшно, даже горло от страха перехватывает, как будто у тебя ангина. Так было и тогда...

До этого я уже успел выполнить несколько просто ответственных заданий и теперь уже больше двух недель добивался от Марко такого поручения, которое называется особым. И вот, наконец, Марко дал согласие и велел мне возложить партизанское знамя на могилу заложников. Я сразу сообразил, что более ответственного задания быть не может: партизанское знамя на могиле заложников расскажет всем людям, что мы не собираемся подчиняться фашистам и всяким прихвостням, мы никогда ни перед кем на коленях не стояли и стоять не будем! Вот почему к этому заданию я готовился особенно тщательно.

Под пальто нужно было спрятать знамя, но оно оказалось таким длинным, что обматывался я им, обматывался, а все конец оставался. Наконец, вроде нормально вышло. Надел я поверх знамени пальто, подошел к зеркалу и... такого толстяка в нем увидел, каких и в цирке не показывают!

А тут еще прибежала соседская девчонка Нюшка и давай смеяться надо мной. Хотел я было дать Нюшке по шее, да Нюшка сразу стала серьезной и давай помогать мне. Надо сказать, что все девчонки хоть и дуры, а кое в чем толк знают. Нюшка быстро обмотала меня знаменем, да так ловко, что комар носа не подточит. Ничего подозрительного: крепкий парень — только и всего!

Я строго наказал Нюшке, чтобы помалкива-

ла. И еще сказал, что, может быть, уже никогда не вернусь, потому что с таких заданий люди, как правило, не возвращаются. Нюшка поплакала немного и согласилась держать язык за зубами. И еще сказала, что я был самым храбрым из всех парней с нашей улицы, а то, что иногда дрался, так это она мне теперь прощает, раз такое серьезное дело мне доверили...

Скатился я вниз по лестнице и перепрыгнул последние три ступеньки. Эти три ступеньки я всегда перепрыгиваю, потому что на этих ступеньках когда-то лежал в крови высоченный парень с верхнего этажа.

Парень этот был коммунистом, и его, по всей вероятности, кто-то предал. Однажды он возвращался домой и только успел подняться на эти три ступеньки, как услышал наверху громкие и подозрительные голоса. Всякий может отличить обыкновенный громкий голос от подозрительного, и парень сразу понял, что пришли за ним. Только он повернулся, чтобы бежать, а тут с улицы вбегают фрицы с автоматом, и парень оказался в западне. Но он не растерялся, быстро посмотрел по сторонам, понял, что выхода нет, выхватил пистолет и — в солдата, а потом — себя...

Я все это своими глазами видел. Фрицы нас разогнали по квартирам, а парень остался лежать на этих ступеньках. Вот здесь на стене до сих пор темнеют капли крови. Поэтому я всегда перепрыгиваю три ступеньки...

Вышел я из темного подъезда на улицу и сразу рассердился: солнце прямо во все небо! Совсем неподходящий день. В такую погоду на кладбище всегда много народа.

«Эх ты, солнце! — думаю. — Могло бы сегодня и потише светить!»

Сразу, конечно, вспотел под своей двойной одеждой. Только сейчас подозреваю, что вспотел вовсе не от жары, а от страха. Но в то же время я чувствовал и гордость. Это точно! И гордость, и страх, и опять гордость! И еще думал, что, если поймут фрицы — пусть забьют до смерти — все равно ничего не скажу! Ни одного слова! Закрыл бы крепко-накрепко рот, а ногти в ладонь засадил, чтоб кровь пошла. Никогда не сдамся! Всем докажу, что не боюсь смерти, хоть и маленький!

Народа на кладбище было действительно много. Спрятался я за могилу заложников, растегнул пальто и давай разматывать знамя. А сердце в это время так колотилось, что казалось, все услышат...

Размотал я знамя, перебросил его конец через могилу, придавил камнем, потом быстро поднялся с земли и, как велел Марко, не оглядываясь, пошел к воротам кладбища...

Это, конечно, с виду я был спокойным, а на

самом-то деле только и думал о том, как бы обернуться да посмотреть — не гонится ли кто за мной. А сразу за воротами кладбища вдруг столкнулся с Марко и еще двумя парнями. Так я и знал — за мной подглядывали! Все еще думают, что я маленький и сам не справлюсь.

Разумеется, сделал вид, что с ними не знаком, и спокойно прошел мимо, а они свернули в другую сторону...

Вечером уже весь город шептался про случай на кладбище. Только я и виду не подал, что хоть что-нибудь знаю. Но, честно признаться, очень хотелось, чтобы все знали, кто положил знамя на могилу заложников.

Марко с тех пор доверяет мне дела и по-сложней, но, конечно, всякий раз говорит, что я не могу быть совсем настоящим курьером, потому что все равно еще маленький. Зато все другие теперь так говорят за моей спиной:

— Да, он еще маленький, но смотрите — какой смелый! Нет, на такого парня вполне можно положиться!

Приятно слышать такие слова. И работать легче, когда знаешь, что о тебе так думают.

А сегодня Марко сказал:

— Есть одно срочное и очень важное дело. Надо быстро передать в штаб бригады следующее... — и он произносит несколько фраз. — Запомнил? Повтори.

Я повторяю.

— Хорошо. Штаб найдешь?

Найду ли?! Туда мы еще до войны много раз в походы ходили во время каникул. Дорога знакома, как мой карман!

— Конечно, найду — как не найти! — отвечаю.

— Ну, ладно, — сказал Марко, — смотри только — будь очень осторожен и внимателен!

Это Марко говорит так, на всякий случай, на самом деле — он мне полностью доверяет и знает, что со мной ничего не случится — ведь не в первый раз выполняю задания. Но было бы удивительно, если бы хоть раз Марко удержался от своих наставлений!

Разумеется, я сразу же пообещал, что буду самым внимательным и осторожным человеком. Пусть только Марко не беспокоится — все будет в порядке, потому как я не новичок, а курьер с опытом...

И вот уже шагаю по лесу, задрав голову. Высоко среди веток сверкают голубые осколки неба, а солнце так и норовит сверкнуть прямо в глаза!

«Ишь, — думаю, — как ты, солнце, сегодня

разыгралось! Ну, да ладно — играй себе, раз весна пришла. Наскучило, наверное, одному-то на небе! Ладно-ладно, играй, да только не слишком сверкай в глаза — видишь ведь, что иду на ответственное задание. Поэтому играй, а меня не отвлекай — мне сейчас надо быть самым внимательным и осторожным человеком на свете». Между прочим, иногда — для верности — повторяю про себя фразы, которые должен передать.

Шагаю себе по лесу, поглядываю на солнце, а то и ветку обругаю за то, что по макушке шлепнет. «Эх ты, — говорю, — ветка бестолковая, росла бы себе спокойно вверх, как все нормальные ветки, а ты людей по макушке шлепаешь, будто другого дела тебе нет. Смотри у меня!»

А в лесу такая весна вокруг! Поваляться бы сейчас на траве, отдохнуть малость... Два дня назад, когда выполнял поручение Марко, целых семь часов прошагал по лесу — и усталость до сих пор сидит в ногах. Может, в самом деле отдохнуть с полчаса? Вокруг все тихо, все спокойно, никто за мной не подглядывает, а Марко растолковал, где ходят вражеские патрули. Дорога до штаба знакома — до вечера сто раз успею туда и обратно!

А вот и зеленая поляна, где мы отдыхали еще перед войной. Марко тогда был с нами и тетя Улька, и дядя Игорь, в общем — наши друзья! Мы на этой поляне целых два часа без передыху гоняли с дядей Игорем настоящий футбольный мяч, а потом боролись и кувыркались. Здорово было! А потом, когда сидели у настоящего костра, Марко и дядя Игорь говорили о какой-то «натянутой» ситуации. Вот из этой ситуации и получилась война, которая разбросала во все стороны родных и друзей. И кто теперь знает — где сейчас папа, дядя Игорь и тетя Улька?.. Вот было бы здорово встретить их в штабе бригады! А вдруг они в самом деле там?

Отдохну немного на этой поляне, а то идешь да идешь, а дорога тянется и тянется под ногами, и конца ей словно нет! А солнце остановилось высоко среди зеленых веток; засело оно там и сыплет сверху такую чудесную и сладкую дремоту, что глаза сами закрываются...

Хорошо валяться на траве и воображать встречу с папой, тетей Улькой и дядей Игорем в штабе бригады. Допустим, все они там будут вместе. Вот удивятся-то!

«Посмотрите на него! — сразу скажет тетя Улька, возьмет меня за руку и подведет к папе

и дяде Игорю. — Посмотрите на нашего мальчика! Нет, вы только подумайте — такой маленький, а уже настоящий курьер!» «Извините, тетя Улька, — скажу я, — позвольте сначала пройти в штаб для доклада».

И за моей спиной папа шепчет тете Ульке: «О каком ты мальчишке говоришь? Ведь он уже давно взрослый, дорогая моя. Ребята теперь быстро растут. Война есть война. Оружие носят, с врагами сражаются. Какой же мальчик?!»

Но я нисколько не обижаюсь на тетю Улька — ведь для тети Ульки я всегда маленький, ведь тетя Улька еще не знает, что я могу выполнить любое ответственное задание...

«Вставай, красный бандит! — кричит мне сквозь сон высоченный рыжий солдат. — А ну, вставай, шенок!»

Что это?! Откуда взялся этот солдат?! Бегать надо!..

Но рыжий пинает меня сапогом прямо в живот... и еще пинает... еще...

Все расплывается вокруг. Об одном только успеваю подумать: не был осторожен... заснул... попался...

Теперь только молчать... молчать... моолчать... моолчааать...

*Перевод со словенского
Якова Андреева*

Зайца НОГИ ГУБЯТ

**Александр
МЕЛЬНИКОВ**

Рисунки
Н. Тимаковой

Кажется, мы все знаем о зайце! Вряд ли кто не слышал о хитрых зайчих «петлях» или о жирном, как сливки, молоке зайчихи; и что заяц — вовсе не грызун, а, скорее, дальний родственник копытным, и, уж если быть точным, заяц со своими ближайшими родственниками — братцем кроликом и тетушкой пищухой — стоят особняком среди всех грызущих и жующих растительных. И уж, конечно, всем известно, что он летом — серый, а зимой — белый.

Но если копнуть поглубже, то, оказывается, что хитрый зайчишка утаивает еще много интересного о себе. Например, запутывать следы умеют не все зайцы: в Якутии, в тех местах, где у зайца мало врагов и много пищи, заяц никогда не хитрит, ложась на лежку, а отдыхает там же, где жирует.

Зайчата в первые дни после рождения совсем не имеют запаха, потому что питаются одним молоком, и обнаружить их хищнику невозможно. Всего несколько раз насосавшись молока матери, зайчата переходят на вегетарианскую диету. Накормить зайчат может любая подбежавшая к ним зайчиха — ведь у них нет запаха, не узнаешь, свои они или чужие.

Почти до самого снега продолжается у зайцев райская жизнь. Но вот, незаметно до выпадения снега, зайцы переодеваются. Линька у косых проходит быстрее, чем у бе-

леющих зверей. И начинаются для белого зайца черные дни — далеко-далеко виден он в облетевшем лесу. Да еще нахальные сороки и вороны собираются кучей и стрекочут над бедным зайцем — подзывают лису или охотника, чтобы потом насытиться остатками косого. Вот и приходится забираться в гущу елочек или соенок — скрываться от жадных глаз.

Ноги спасают зайца от беды, ноги его и губят. Загадки тут особой нет: чтобы шкурка спасала зайца от холода, она должна быть сухой. Поэтому на теле косого нет потовых желез — есть они только на лапах. И чем быстрее заяц бежит, тем больше он потеет, тем сильнее пахнет его след.

Косит косой тоже не от хорошей жизни. Когда кругом — одни враги, жить приходится с оглядкой. Но вертеть головой затаившемуся зайцу нельзя — сразу обнаружит себя. Вот и косит заяц. Не поворачивая головы, не только по сторонам, но даже и за спиной кое-что видит. Но как нет худа без добра, так нет и добра без худа. С косыми-то глазами по лесу много не набегашься. Того и смотри голову о пень расшибешь. По неволе приходится бегать кругами — по знакомой дороге и с косыми глазами бежать можно. У молодых, неопытных зайцев — круги маленькие, а у старых, изучивших большой участок леса, — и круги побольше. От

всех врагов у зайца одно спасение — бегство. И от мороза — тоже бегаёт, бегаёт, пока не согреется, а только присядет отдохнуть — мороз опять вперед гонит. За несколько морозных ночей заяц такие тропы утопчет, что и человек по ним идти может! Очень немногие зайцы устраивают себе снежные норы, да вот беда — сидишь в норе, ничего не видно и не слышно. А вдруг рыжая плутовка тут и подкрадется? У другого кровожадного врага — рыси — иная тактика: затаится у заячьей тропы и ждет — знает, желтоглазая, что рано или поздно по этой тропе заяц сам в лапы припрыгает — было бы терпение.

От крылатых врагов — филина и белой совы — есть у зайца надежное укрытие — густые кусты. А достигнет крылатая смерть на чистом месте — показывает заяц, что не такой уж он и трус — опрокидывается на спину и отбивается задними лапами, иногда может и смертельно ранить своего врага. От человека видит заяц и хорошее, и плохое. Хорошее — это когда солонец в лесу поставят, осинку зимой срубят, сеном прикормят. Соль заяц любит не меньше, чем лось или косуля. Плохое от человека — это ружья, собаки, петли и капканы. Весной появляется еще один враг у зайцев — клещи. Из-за них зайцы раздрают себе кожу. Когда клещи многочисленны, зайцы сильно худеют. Основная опасность — инфекционные болезни. Эпидемии случаются в годы высокой численности зайцев. В европейской части Союза — через 5—7, а в Сибири — через 9—11 лет. Стойко заячье племя... Живут косые и продолжают задавать загадки. Например, зачем зайцу четыре резца в верхней челюсти — ведь пользуется он только двумя, как, например, и грызуны? А что вы скажете о своеобразном двойном пищеварении зайца? Оказалось, что зайцы съедают катышки из полупереваренной пищи, над которой потрудились особые микроорганизмы, живущие в кишечнике. Поедая этот «деликатес», заяц получает дополнительный белок и витамины. В принципе этот процесс равнозначен вторичному пережевыванию пищи у коров, овец и оленей.

Многие, впервые услышавшие брачные крики зайцев весенней ночью, считают, что это голос какой-то ночной птицы. И действительно, громкое, протяжное «у-лю-лю-лю-лю» никак не вяжется с обликом зайца. Интересно, что кричит не самец, подзывая самку, как, например, у птиц, а наоборот. Это связано с тем, что у птиц территорию занимает и охраняет самец, а у зайцев — лучшие места захватывает и удерживает самка: подрастающие зайчата до осени будут обитать недалеко от места рождения, следовательно, зайчихам надо держаться подальше друг от друга, чтобы хватало корма и им самим, и зайчатам. Осенью, в связи с измене-

нием питания, происходит переселение зайцев. Молодые в это время уже сами выбирают себе участок. Если у зайцев в лесной зоне сезонные перемещения незначительны — несколько сот метров, максимум — несколько километров, то на Крайнем Севере наблюдаются значительные миграции зайцев. Иногда небольшими группами, иногда — стадами зайцы откочевывают после выпадения снега в лесотундру. Глубокий, утрамбованный ветром снег в голой тундре преграждает зайцам доступ к пище.

В заключение можно сказать, что заяц знает секрет избавления от седины: ведь каждый год заяц седеет, а весной — снова темнеет. Да, да, именно седеет — речь идет не о побелении шкурки из-за смены волоса, а о побелении вибрис — особых осяза-

тельных волосков — «усов» и «бровей» (вibrисы есть и на других участках тела, но «усы» и «брови» наиболее заметны). Летом vibrисы у зайца — черные, а осенью, в период линьки, начинают белеть, причем этот процесс аналогичен седению у человека — в волосах разрушается красящий пигмент. Но у людей поседение необратимо, а вот заяц омолаживается ежегодно — весной vibrисы опять чернеют. Может быть, среди вас, дорогие читатели, найдутся такие, кто сможет разгадать этот заячий секрет и обратить его на пользу людям?

Ночные друзья

Револьд
МАЛЫШЕВ

Вечер. Я сижу у сухой старой ольхи. Не одно поколение дятлов вывело в ольховых дуплах потомство. Только не ради птиц прихожу я сюда почти каждое воскресенье. В нижнем дупле уже несколько лет поселяются летучие мыши...

Они появляются внезапно. Отцветают желтые купальницы и лиловые «кукушкины слезки», замолкают певчие птицы, занятые хлопотами о потомстве, а дупло все еще пусто. Не перебрались ли его обитатели в другие места, не погубил ли суровой уральской зимой? Но однажды поутру обнаруживаешь в полутьме дупла шевелящуюся гроздь коричневатобурых существ... Вернулись!

Это северные кожанки, едва ли не самые мелкие из летучих мышей Урала. И наиболее загадочные. О их жизни известно крайне мало. Из каких, например, неведомых далей они возвращаются в наши леса? Куда исчезают с наступлением осени?

Смеркается. Гляжу на дупло — его обитатели начинают вечерний вылет дружно и внезапно: легко пропустить этот момент. Почему летучие мыши облюбовали именно это дупло, маленькое, явно тесное для колонии и легкодоступное? Ведь здесь же, в этом лесу, есть десятки других, с человеческой точки зрения более удобных и просторных убежищ. Вон в той старой березе, что белеет неподале-

ку, есть огромная полость с целым лабиринтом пустот и камер. А в осине напротив мне известны многоярусные дупла, хитроумно соединенные ходами и ответвлениями. Только там летучих мышей никогда не бывает.

Вспомнилась первая встреча с крылатыми зверьками.

Лет пять назад я осматривал дупла в этом лесу — искал гнездо синицы-лазоревки, парочку которых я регулярно видел на водопое у колдобины с черной, как деготь, водой. Дошла очередь и до ольхи. Просунул в дупло небольшое зеркальце, укрепленное на проволоке, — «дуплоглаз». Изнутри послышалось рассерженное цвирканье, щелканье, шорох и приглушенная возня. И тотчас же из дупла одна за другой стали появляться оскаленные, тупорылые мордочки с подслеповатыми глазами. Кожанки неуклюже опирались о край летка «руками», одетыми в кожистую, морщинистую перепонку, и, не смотря на солнечный полдень, уверенно ныряли в воздух. Они описывали круг над лесной поляной, цеплялись за кору ближайших сосен и становились незаметными.

Пребывание в дупле летучих мышей было столь неожиданным, что я, растерявшись, не догадался тогда поймать ни одной из них, чтобы определить, к какому виду они принадлежат. В дупло кожанки уже не вернулись. Однако следующим летом они вновь были обнаружены здесь же.

Теперь, наведываясь к дуплу, я старался быть осторожным и осмотрительным. Выяснилось, что в дупле живут одни самки и прилетают они в этот лес для размножения. Уже в начале июля у каждой из летучих мышей появилось по два голых и слепых малыша. Крошки постоянно висели на груди матерей, губами вцепившись в их соски, да так крепко, что продолжали висеть таким образом даже тогда, когда те вылетали на охоту.

На первых порах это, видимо, не слишком обременяло взрослых зверьков, но по мере того, как малыши подрастали, самкам все труднее становилось охотиться за насекомыми с таким грузом. Как-то раз одна из них, будучи потревоженной, покинула дупло вместе с молодыми, но лететь не смогла и рухнула на траву с писком отчаяния недалеко от ольхи. Тотчас же к ней стелетось несколько кожанков. Они долго кружили, присаживались на ближайшие деревья, возможно, хотели помочь своей соплеменнице, но не знали, как это сделать. Пришлось вмешаться — водрузить мамашу с детьми в дупло.

Кажется, летучим мышам вообще характерны привязанность и участие друг к другу. Однажды клетку с этими зверьками вынесли в парк, и

одну из пленниц случайно выпустили. Беглянка улетела, но вернулась, опустилась на проволочную клетку и больше не улетала. Рассказывают и такое. Летучая мышь запуталась в репейнике. На ее голос прилетело еще четыре. После нескольких выражений они также присели на куст и разделили участь первой — пытаясь выбраться из естественной ловушки, зверьки все больше запутывались и так погибли...

Я приходил к колонии летучих мышей часто. Стал различать крылатых знакомых, некоторым из них дал имена — Монашка, Драчунья, Корноухая.

Мне все более и более становилась понятной их жизнь. Но все это — днем. А как кожанки ведут себя ночью? Желание ответить на этот вопрос и привело меня в лес июльским вечером. Солнце уходило. Сквозь молодую поросль осинника еще струились его лучи, птицы уже устраивались на ночлег. Забрался дятел в синичник, леток которого он расширил сообразно своей надобности и вкусу; с шумом и с перебранкой попрыгали в щель старой липы синицы-гаички; выводок лесных коньков шмыгнул под раскидистые лапы ели и затаялся там до утра...

Я не отрывал взгляда от дупла. Оттуда никто не появлялся. Прошло не менее часа. Наконец, когда деревья вокруг слились, от ольхи бесшумно отделилась тень, затем другая, третья... За пять минут появилось около двадцати кожанков, вылет закончился. Зверьки охотились где-то поблизости. Боясь что-либо не усмотреть в густой темноте, крадучись подошел поближе к ольхе. Всю ночь я видел силуэты кожанков. Они преследовали насекомых среди деревьев, не поднимаясь выше их крон. Но ни один из них в дупло так и не вернулся. А когда забрезжил рассвет и проступили контуры деревьев, я увидел, что все крылатое население дупла подобно птичьей стае кружится над ольхой.

Сообразив, что обнаружен летучими мышами, бросился прятаться в кусты, но этот мой отчаянный прыжок переполнил, видимо, чашу терпения кожанков. Они взмыли и исчезли в туманном небе. В дупле ольхи в то лето я их уже не встречал.

Но как они смогли меня обнаружить? Видят летучие мыши плохо. Добычу ловят, пользуясь эхолокатором. При его же помощи зверьки избегают препятствий. Но чтобы догадаться о моем присутствии, им должна быть присуща и недюжинная память — выделить меня среди сотен деревьев, пней, кустов как посторонний предмет, можно лишь помянуть о их расположении.

Это — еще одна загадка, как и способность летучих мышей к ориентации в пространстве. Ведь установ-

лено, что они возвращаются в свою колонию, будучи увезенными за 150—200 километров, причем видеть звездное небо, как птицы, зверьки не могут.

Но может быть, я выдал себя неосторожным движением? Колебанием воздуха?

Следующим летом я попытался проверить свои сомнения. Лишь в начале июля кожанки вновь возвратились к облюбованной ольхе. Я привез в лес лист фанеры, окрашенный в зеленый цвет, свернул его в виде трубы, сбоку прорезал отверстие для наблюдения и поставил торчком, прислонив к стволу березы в нескольких метрах от дупла.

Вечером забрался в это укрытие и стал ждать. Как обычно, после захода солнца кожанки начали покидать дупло. Я успел заметить, что некоторые из них, прежде чем улететь, делали разворот и облетали мое сооружение. Ночь выдалась лунной и я все время отмечал: вблизи бесшумно пролетают крылатые тени. Но ни одна из летучих мышей не вернулась в дупло, с восходом солнца оно оказалось пустым.

Так тайна северных кожанков осталась для меня пока непознанной. Только я не огорчаюсь. Ночное общение с рукокрылыми принесло мне немало радостных открытий. Я понял, наконец, почему зверьки так упорно заселяют ничем не приметное дупло в ольхе.

Летучие мыши очень экономно расходуют энергию. Короткими летними ночами они кормятся всего три-четыре часа. А именно на этот период приходятся основные биологические нагрузки: рождение и выкармливание потомства, линька. Да еще необходимо накопить жировые запасы для продолжительной зимовки! И собираясь в маленькое, тесное дупло, они создают там постоянную температуру. Когда я прохладным августовским утром сунул в дупло термометр, то не поверил своим глазам — там было теплее, чем снаружи, на 17 градусов! Поселись зверьки в обьемистом, просторном убежище, и им никогда не достичь этого.

Вновь прихожу к ольхе. За лето ее крылатое население увеличилось почти втрое. Теперь уже невозможно отличить молодых от взрослых. Август на исходе и совсем скоро мои кожанки улетят в неизвестность. Но я знаю, что они вернуться сюда летом и повторятся мои удивительные встречи с ночными друзьями.

ГОНЕНИЕ НА РЫСЬ

**Петр
ЛЕСНОВ**

О повадках рыси известно много. О ней говорит русская поговорка: «Рысь пестра снаружи, а человек внутри». Рысь — хитрый и ловкий зверь.

Сто лет назад рысь не заслуживала ни малейшего снисхождения, охота на нее была разрешена в любое время года. Даже поощрялись истребительные способы охоты. В некоторых странах Европы ее полностью истребили, а в других же рысей оставалось очень мало. Было гонение на рысь и на Руси, но не в такой мере. Хоть и сокращались дикие пространства. Хоть и мешали ловкие хищники развитию охотничьего хозяйства. Как предполагают охотоведы, теперь в Западной Европе осталось не более тысячи особей. В Азии рысей побольше. Намного ли — неизвестно.

Теперь всюду пишут об охране этой большой кошки, издают строгие законы, запрещающие охотиться на рысь. О сохранении рыси теперь говорят и по-деловому, и глубоко эмоционально. Вот что написал совсем недавно один исследователь: «Рысь имеет право жить повсюду в наших лесах и горах как объект спортивной охоты, источник ценной пушнины и просто как прекрасное животное, украшающее окружающий нас мир!»

Десяток лет назад в Литве сильно сократили число крупных хищников. Копытные животные освободились от врагов. Косули быстро размножились. Ведь основными их угнетателями были волки и рыси, а их-то почти и не стало в литовских лесах. Но многое ли выиграли от этого сами косули и люди, которые вздумали таким путем их охранять? Непомерно размножившиеся косули уничтожили деревца и кустарники, которыми они питались зимой. На площади более двухсот тысяч гектаров наблюдалось полное истощение зимних пастбищ. Например, на ста гектарах Сувальской равнины было до сорока косуль. Начался падеж. В конце зимы 1963 года в лесах Литвы обнаружили две тысячи трупов этих животных, в следующую зиму погибло три тысячи косуль. Так природа

жестко восстановила нормальную численность косуль.

Недавно зоологи в течение пяти лет изучали роль рыси как санитара. Они определили значение рыси в лесах Западных Карпат. В этой зоне живет опять-таки косуля и еще — олень. И как показали наблюдения, именно рысь здесь регулирует численность этих копытных животных.

Рыси не уничтожают копытных животных без разбору. Взрослые особи составляют 39 процентов добычи, а молодняк до одного года — 48 процентов. Рысь ловит самок косуль и оленей в три раза чаще, чем самцов. И оказалось, что рыси способствовали равномерному распределению подвластных животных на территории. Особенно они не допускали скопления косуль и оленей, что ведь и приводит к стравливанию пастбищ и к порче леса. Нужно признать, что человек едва ли сможет справиться с такой задачей.

В Карелии также проводились наблюдения за рысями на берегах Святозера. Исследователи установили: каждая рысь зимой занимала свой охотничий участок. Добычи для рысей вполне хватало, но тем не менее хищники приходили к деревням шkodить — вылавливали собак и кошек. Почему? Рысь не стремится к полному уничтожению подвластных ей животных.

Как указывает исследователь П. Данилов, наблюдавший рысей в Карелии, запасы дичи были велики: на тысячу гектаров приходилось тринадцать зайцев-беляков, двадцать семь рябчиков, восемнадцать тетеревов и два глухаря. Еще в старое время охотники говаривали: «Там, где много рысей, нужно искать дичь...» Охотничья мудрость нашла научное обоснование.

Испокон веков считалось: рысь — истребитель зайцев. Ныне зоологи и охотоведы изменили взгляды на зайца и рысь. В 1972 году канадские исследователи Витмар и Китч получили очень интересные данные, всесторонне оправдывающие отношение рыси к зайцам. Только пять зайцев из ста приходится на долю рыси. В зимнюю пору

рыси вообще стремятся как бы щадить зайцев и пожирают их в несколько раз меньше, чем осенью, когда численность косых возрастает.

В Ширакской степи, в Кахетии, в конце прошлого века обитало множество быстроногих джейранов. Рысь охотилась на них. Рысей в Ширакской степи было также очень много. Однако джейранов не становилось меньше, пока не началась на них истребительная охота. Рыси опасно не сокращают число нехищных животных даже в заповедниках. Например, в Кавказском и в Беловежской пушце.

Тем не менее, согласно охотничьему законодательству, в тайге и в других зонах охота на рысь не ограничивается. Однако некоторые биологи считают, что это — ошибка. В южных краях, где еще сохранилась рысь, она фактически не имеет врагов, кроме хищных птиц, которые пожирают рысят. Но в северных краях, в тайге, на Алтае, в Приамурье в зимнее время рысь становится жертвой волков и даже росомех. Волки в бескормицу преследуют рысей гоним и ловят их. Росомехи же расправляются с рысями поразительным способом. Сначала эти неуклюжие звери, как говорится, садятся на хвост рыси, то есть ходят по следам, и подбирают остатки пищи. Затем, когда наступают более суровые времена и рысь сама еле-еле находит пищу, росомехи из скромных спутников превращаются в нахальных нахлебников. Подсмотрев, как рысь поймала какого-то зверька, росомеха тут же нападает на нее и отнимает добычу. И рысь от ростной нахлебницы не может нигде спастись, так как росомеха и отлично лазает по деревьям. И вот рысь, наконец, ослабеваает от голода. Теперь нахлебница присматривается и к ней — при удобном случае она успешно нападает на рысь.

Стало быть, неограниченный отстрел рыси в тайге не так уж необходим.

Кроме того, что рысь экологически полезна, это — удивительный зверь. Образ жизни, ее повадки очень любопытны.

Наша рысь самая многочисленная. У нее есть родственники — пардовая рысь, рыжая и другие. Но всех этих зверей объединяет одно — исключительная кровожадность, они почти не знают ограничений в выборе жертвы. Лишь ограничены их охотничьи возможности. Рысь плохо бегаёт и может быстро преодолеть только небольшое расстояние. Если бы она бегала, как волк, то, пожалуй, в лесу и не понадебилось бы других хищников.

Говоря о «страшных» рысях, надо сказать и о том, что они ловят мышей. Эта типично кошачья привычка особенно свойственна рысям

в тех местах, где мало крупной дичи. Но если и достаточно другой пищи, рысь все равно не отказывается себе в удовольствии половить мышей. В скалах, куда не проникают лисицы, рыси и птицы — основные враги мелких грызунов. Рысь настолько подвижна, что в поисках еды она целые сутки находится на ногах. Сытая хищница любит поспать днем, в укромном местечке. При этом она не тщательно маскируется, значит, не опасается врагов. В глухих местах Закавказья рыси в летний солнцепек выходят на возвышенные места, продуваемые ветром, и там сладко спят под тенью небольшого деревца или кустарника. Стало быть, эти хищники в спокойных местах ведут малоосторожную жизнь, и даже при встрече с человеком не проявляют особого волнения, если, конечно, человек не угрожает.

Нападает ли на людей эта бо́льшая кошка? Я перебрал массу книг, нигде не нашел упоминаний о том, что рысь вдруг ни с того, ни с сего напала на человека и загрызла его. Ну, а вот такие случаи были...

Не так давно москвич С. Кочетов рассказал мне историю. Дело было на Кубани. Недалеко от станции Обнинской находился пункт сушки дикой яблони и груши. Он располагался в ложине. Сюда вела тропинка. Однажды С. Кочетов шагнул по этой тропинке и обвил палькой листья с деревьев. Встретилась полянка, на которой редко росли старые дубы. Пешеход отчего-то взглянул на один дуб и тут же увидел метрах в пяти от себя рысь, сидевшую на ветке. Увидев человека, она прижалась спиной к толстому стволу и замерла. Кочетов сначала испугался, хотел, было, отступить, но остановился. Он стоял, и кошка не сводила с него глаз. Тогда он дерзнул подразнить ее — шагнул и пригрозил палкой. Рысь оскалилась и приготовилась к прыжку. Кочетов отступил, и она снова прижалась к стволу. Он еще и еще раз делал вид, что нападает — и хищница готова была прыгнуть ему на голову. Смельчак понял, что шутки плохи, и обошел дерево стороной. Рысь проводила его взглядом и осталась на месте. И только тогда, когда он удалился метров на пятьдесят, она спрыгнула с дерева.

А вот что пережил один смельчак из американского штата Мэн еще в прошлом веке. Сын фермера, пятнадцатилетний юноша Ч. Гит, гуляя в лесу неподалеку от своей фермы, увидел на дереве какого-то зверя, прижавшегося к стволу. Присмотревшись, мальчик принял его за кошку, подошел поближе, поднял с земли камень и запустил в нее. Но это была не кошка, а рысь!

Она мгновенно бросилась мальчику на шею и стала грызть ему затылок. Мальчик не растерялся, он тут же ухватил зверя руками, сбросил его на землю и пустился бежать, но и рысь — следом за ним. Он повернулся и начал сбиваться ударами сапога. И только после этого «кошка» обратилась в бегство.

Чуть ли не такой же случай произошел совсем недавно у нас. По одной улице Лениногорска зимним утром дети шли в школу. Дорогу перебежал какой-то зверь, похожий на кошку. Дети погнались за ней, бросая снежки. «Кошка» с необычайной ловкостью взобралась на крышу дома. Дети продолжали бросать снежки. Это была рысь, она пришла в сильное раздражение и стала приближаться к краю крыши, прямо к детям, несмотря на обстрел. Эту картину вовремя заметил хозяин дома, он успел вынести ружье и подстрелить рысь, чем и предупредил беду...

О чем говорят эти случаи? Рысь не любит, когда с нею обращаются, как с домашней кошкой. Прыжки на людей рыси совершают лишь в напряженной обстановке, я сам видел такое в Пантешарских осыпях на Кавказе. Но хочет ли рысь уничтожить человека? Думаю, нет... Когда она бросается, то старается не нанести человеку смертельную травму, а только покусать, ободрать когтями, короче говоря, как следует напугать. Если бы рысь (я опять не имею в виду раненую) серьезно попыталась загрызть человека, то разве бы мог мальчик Гит сбросить со своей шеи хищницу, которая одним рывком зубов разрывает шею оленю!

Рысь не опасна для человека, это — заблуждение, которое я и хотел развеять...

«Раз! И мощной свечой поднимается мяч»

**Игорь
АЛЕБАСТРОВ**

Казалось бы, о жизни замечательного советского писателя Д. А. Фурманова, автора «Чапаева» и «Мятежа», все известно. Профессором П. В. Куприяновским составлена подробнейшая летопись его жизни и творчества. Но ни один из биографов Фурманова не отмечает его увлечения... футболом.

А между тем Фурманов был страстным поклонником этого вида спорта. В 1909—1912 годах он учился в Кинешемском реальном училище и организовал там футбольную команду. В 1912—1914 годах Д. А. Фурманов учился в Московском университете. Играл ли он и в Москве — неизвестно, но, приезжая летом на каникулы в Иваново-Вознесенск, он все свободное время проводил на пустыре — играл в мяч.

Д. А. Фурманов даже посвятил любимому виду спорта одно из своих стихотворений. В архиве писателя стихи эти обнаружил П. В. Куприяновский, с любезного разрешения которого я и привожу текст целиком.

ФУТБОЛ

На зеленом лугу, на поляне большой,
У тенистой опушки лесной,
Там, где тянется рожь золотой полосой,—
Собирается люд молодой...

Молодые, здоровые лица горят,
Возбужденные смелой игрой,
И несешься по полю — лишь жилки дрожат
И не чувствуешь ног под собой.

Пас!.. Живее!.. Чего же ты, братец, все спишь?!
Ну, пожалуйста... Отняли... Эх ты, игрок!
Ну, живей, нападай — что тельцом-то стоишь?!
Эх, какого же, братец, отнять ты не мог!..

Так... Прекрасно... Поддай-ка еще посильней...
Ну, хавбеку скорее отдай своему! —
И несется хавбек все сильнее и быстрее —
Все хотелось бы гол завести самому...

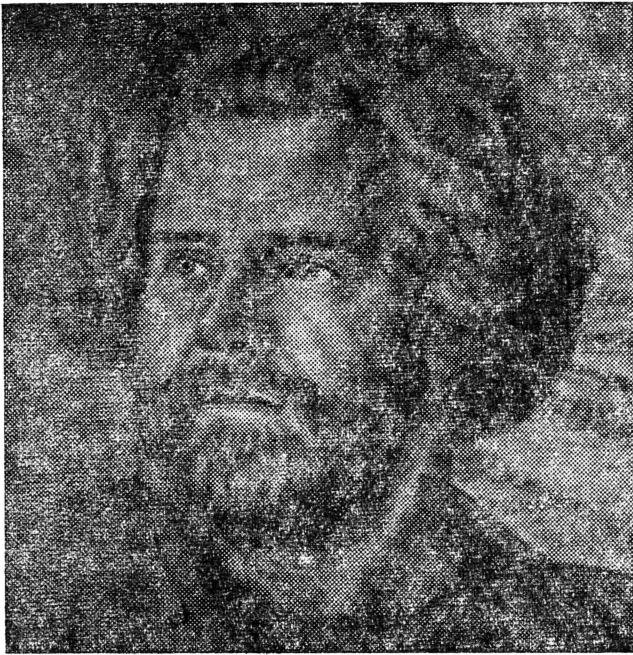
Стой, ребята! Не иначе корнера бьют.
И на вражеский стан мы несемся стрелой...
Перед нами бегут и за нами бегут:
И сплеталось все в трепетной куче густой.

Раз!! И мощной свечой поднимается мяч,
А бесстрашный наш бек уж отбил головой.
Поднялась кутерьма пасовых передач.
Только слышны удары да крики порой.

Усталые ноги уж отдыха ждут,
И в груди пересохло и голос хрипит,
А кругом все спешат, и кричат, и бегут,
Все так страстно живет, отдыхать не велит.

Это стихотворение Д. А. Фурманов написал 19 июля 1913 года.

Навстречу всех дорог

Юрий
КАЛМЫКОВ

● Рядом с поселком Планерским (Коктебелем) в Восточном Крыму, на поросшем степной травой прибрежном холме похоронен поэт и художник Максимилиан Волошин. Вдали, за излучиной залива, видны в голубоватом мареве массивы древнего вулкана Карадаг; в долине — поселок, окруженный виноградниками, изрезанные оврагами сухие склоны, за ними — вершины далеких хребтов. Необычной красоты край, который Волошин преданно любил и воспел в лучших своих стихах и картинах.

Неизвестно, когда и кто принес первый из тех камешков, каких здесь, вокруг могилы, теперь многие тысячи. Неизвестно, когда и как это стало обычаем: придя к Волошину, положить на землю в знак благодарной памяти камешек — самоцветную гальку, найденную внизу, на пляже...

Интерес к Волошину велик. Выставки его акварелей привлекают несчетное число людей. Издания, посвященные его живописному наследию, стали библиографической редкостью. Стихи его продолжают волновать читателей.

Максимилиан Александрович Волошин (1877—1932) — явление в отечественной культуре яркое и самобытное.

Мы знаем немало писателей, прекрасно рисовавших, но они остаются для нас в первую очередь писателями. Мы читаем книги, сочиненные художниками, но эти книги, как правило, о живописи. В Максимилиане Волошине два дара — художника и поэта — были равны; более того, — неразделимы. Его пейзажи одухотворены тонкой поэзией,

стихи — осязаемо живописны. Как сообщающиеся сосуды были эти два дара, а источником, питавшим их, была удивительная природа и история древнего края.

Волошин первым стал изучать прошлое этой земли, теряющееся в глуби тысячелетий. Легендарной гомеровской Киммерией вошел Восточный Крым в его раннее творчество. С Восточным Крымом, с Коктебелем связана неразрывно вся его жизнь. Волошин исходил эту область вдоль и поперек и знал ее, как никто другой. А круг его интересов был необозрим. Своя влечения бесконечных своих походов с разрозненными свидетельствами античных авторов, он указал археологам место, где следовало искать древнегреческий город Каллиэру. Аэрофотоснимки морского дна, сделанные по просьбе Волошина, подтвердили его догадку: на них отчетливо были видны остатки мола исчезнувшей гавани. Он открыл в горах и руины монастыря византийской поры. По инициативе Волошина началась вблизи Коктебеля добыча трасса — ценного сырья для производства особых сортов цемента. Наблюдая из года в год картину формирования облаков, определяемую особенностями земного рельефа, он изучил характер восходящих воздушных потоков и помог выбрать превосходное место для проведения первых всесоюзных соревнований планеристов. Его подробными консультациями пользовалась и не одна геологическая экспедиция в Крыму. Но главное, конечно, — живописное и поэтическое «открытие» Коктебеля и его окрестностей.

Здесь на берегу моря он построил своими руками дом, которому тоже суждено было войти в историю нашей культуры. На эти берега неизменно возвращался он из долгих странствий, здесь почти безвыездно провел свои последние пятнадцать лет.

А странствия были увлекательны и далеки. Еще в школьные годы, во время каникул, нанялся он матросом на турецкую фелуку и совершил плавание в Египет, захлестнутый волной археологического бума, и сам работал там на раскопках. Позже, исключенный из Московского университета за участие в студенческих волнениях, оказался в ссылке в Туркестане, чему был несказанно рад: «за казенный счет» получил возможность почитать великие памятники исламского искусства. После ссылки, лишенный права продолжить образование в России, Волошин уехал за границу.

В Париже он изучает историю искусств, языки; берет уроки живописи. Становится известен — вначале как художественный и театральный критик. Сотрудничает в петербургских и парижских изданиях, пропагандируя за рубежом лучшие образцы русской, а в России — европейской культуры. В отечественных журналах появляются его первые стихи. В Париже Волошин встречается с Р. Ролланом, П. Пикассо, Г. Аполлинером, дружит с молодым Диего Риверой (впоследствии великим революционным художником Мексики). Ценя глубокую культуру Волошина-критика и знатока искусств, крупнейшие русские коллекционеры доверяют ему приобретение картин для своих собраний. И именно Волошину во многом обязаны мы тем обильным шедевром новой французской живописи, которыми гордятся наши музеи.

Работе в Париже, путешествиям по многим странам Европы (всегда пешком: «много ли увидишь из окна вагона?») отдаются зимние месяцы. С приходом же лета Волошин вновь и вновь в милом сердцу Коктебеле.

Уже в первые недели империалистической войны, поняв ее омерзительную сущность, поэт создает стихи, полные гнева и боли за безвинно и бессмысленно гибнущих, за истерзанную землю родины. Незадолго перед Февральской революцией он навсегда возвращается в Россию.

В дни врангелевского террора, рискуя собственной жизнью, спасает красного военачальника, прячет у себя большевиков-подпольщиков, добивается освобождения брошенного в тюрьму поэта О. Мандельштама. С победой власти Советов Волошин читает лекции по искусству в Народном университете в Феодосии. По поручению А. В. Луначарского занимается организацией охраны древностей Крыма.

...Дом Волошина с весны до осени был полон народа. Человек добрейшей души, он постоянно звал к себе друзей, знакомых, едва знакомых людей, чтобы разделить со всеми щедрую благодать южного лета, удивительный воздух моря, степи и гор. В этот гостеприимный дом съезжались литераторы и артисты, ученые и живописцы, художественная молодежь, и на всех хватало сердечности и заботы хозяина. Здесь бывали М. Горький, В. Вересаев, А. Грин, И. Бунин; пел Ф. Шалапин, танцевала А. Павлова, играл А. Скрябин. Здесь подолгу жили М. Цветаева, В. Брюсов, А. Белый, Л. Гроссман, М. Булгаков, Вс. Вишневский, Н. Тихонов, И. Эренбург, И. Сельвинский, Н. Заболоцкий, Вс. Рождественский, поэты-переводчики Г. Шенгели, С. Шервинский, художники Е. Кругликова, А. Остроумова-Лебедева, К. Богаевский, К. Петров-Водкин и многие, многие еще. И каждый, поселившийся в доме, находил в нем покой, располагающий к творчеству, дружеское внимание, добрый совет. Жили коммуной: никаких расчетов хозяин не признавал. Собирались вечерами за общим столом, делились увиденным и прочитанным, обсуждали созданное, жарко спорили о путях науки и искусства.

...Заглянем в этот необычный дом. Поднимемся по легкой наружной лестнице и войдем в мастерскую Максимилиана Волошина. Заботами его жены и верного друга, недавно умершей Марии Степановны Волошиной, здесь все сохранено в прежнем виде. Множество картин по стенам. На полках — книги из многих стран (Волошин знал большинство европейских языков). Бесценное собрание русских книг первой трети века, многие из которых — с дарственными надписями. Сосновые скамьи, стол, мольберт, стеллажи сработаны самим хозяином. Сухие травы в глиняных кувшинах — ковыль, полынь, кермек. Обломок корпуса древнегреческого корабля: кусок почерневшего дерева с медной обшивкой. В углу комнаты — дюжина кизильных посохов: отправляясь в горы, каждый мог выбрать палку «по шагу и руке»...

За этой темной дерева конторкой любил писать А. Толстой, тут созданы многие главы «Хождения по мукам»...

Вот экзотическая раковина, мерцающая облачно-розовыми, серыми и лилово-синими тонами, — она служила «цветовым камертоном» М. Врубелю, когда рождалась «Царевна-Лебедь».

Тончайшие японские гравюры. Гипсовый слепок со скульптуры египетской царицы Таинах: прекрасное лицо, в чуть заметной улыбке — неразгаданная тайна... Черепки средневековой посуды, минералы из ущелий Карадага, замысловатые коряги, подобранные на берегу. (По преданию, А. Грин, задумчиво разглядывая как-то одну из этих коряг, вдруг произнес: «Посмотрите — будто бежит по волнам!». Не в те ли минуты возник в воображении писателя росток будущего романа?..).

Бюст Пушкина. Небольшая репродукция «Венеры» Боттичелли над рабочим столом. Сиреневые бессмертники. Синяя даль за окном. Тишина.

Мне посчастливилось: стихи поэта я впервые услышал в его доме. Они захватили, запали в душу; впоследствии я стал собирать стихи Волошина и различные материалы о нем. И чем больше узнавал, тем интереснее казалась личность его, тем больше стихотворений хотелось разыскать...

...А началось все больше пятнадцати лет назад в городе Старый Крым, у домика, в котором прожил последние годы Александр Грин. В домике еще не было музея в ту пору (была только мемориальная комната, созданная руками вдовы писателя Н. Н. Грин), ни в одном путешественнике он не был обозначен; приезжали туда лишь те, для кого это было потребностью, присутствие с кем-либо там почти всегда равнялось соперничеству, и я не знаю другого места, где бы так непринужденно заговаривали между собой незнакомые люди.

Вот так легко возник разговор с пожилым человеком в очках. Трудно припомнить, с чего он начался, но вскоре собеседник спросил:

— А в Коктебеле вы не были? Там тоже есть памят-

ный дом. В нем жил Максимилиан Волошин, — вы слышали о нем?

Я был в Коктебеле не один раз, и кое-что знал о Волошине, и был пленен его акварелями в Феодосийской галерее; слышал, что много работ хранится в его доме, — но как туда попасть?..

— Непременно приезжайте. Найдете меня в Доме творчества, и я помогу вам, — сказал мой собеседник.

Это был ленинградский литературовед Виктор Андроникович Мануйлов. Ему я навсегда обязан воспоминаниями о далеком августовском вечере в Доме поэта.

Неторопливо, негромко звучали стихи:

Дверь отперта. Переступи порог.
Мой дом раскрыт навстречу всех дорог.
В прохладных кельях, беленых известкой,
Вздыхает ветер, живет глухой раскат
Волны, взмывающей на берег плоский,
Полынный дух и жесткий треск цикад.
А за окном расплавленное море
Горит парчой в лазоревом просторе.
Окрестные холмы вызорены
Колочим солнцем. Серебро полыни
На шиферных окалинах пустыни
Торчит вихром косматой седины...
Как рухнувший готический собор,
Торчащий непокорными зубцами,
Как сказочный базальтовый костер,
Широко вздувший каменное пламя,
Из сизой мглы, над морем вдалеке
Встает стена... Но сказ о Карадаге
Не выцветить ни кистью на бумаге,
Не высловить на скудном языке.
Я много видел. Дивам мироздания
Картинами и словом отдал дань...
Но грудь узка для этого дыхания,
Для этих слов — тесна моя гортань...

...На особый, редкий лад настраивается душа, когда бываешь в этих стенах. Дом поэта — еще одно прочтение его стихов. Возвышенная и мудрая простота трогает и подчиняет, приглашая к сосредоточенности и раздумью. И появляется безотчетное чувство живого общения с мастером, — словно ты только что говорил с ним, он вышел ненадолго и сейчас вернется.

Рисунок автора

ВСПОМНИТЬ, ОГЛЯНУТЬСЯ

Тридцать с лишним лет, как прошла война, а все в памяти народной, все обращаются к ее страницам воевавшие и невоевавшие, историки и поэты, краеведы и следопыты.

Вздыбала война города и покатила с запада на восток сотни разъятых, разложенных по платформам заводов, тысячи без крова, без дома мужчин, женщин, детей...

В ту пору маленькие узловые станции уподобились муравейникам: казалось, уже ничего нельзя втиснуть в них, но втягивались новые нити усталых платформ и теплушек, вплетались в развороченный муравейник. Со стороны — это был хаос. Но кто оказывался в центре водоворотов, ощущал невидимую руку железного порядка: пробки рассыпались, эшелоны мчались дальше, люди находили еду и кров там, где останавливался их бег.

А останавливался бег в Заволжье, на Алтае, в Сибири.

Но может быть, самая мощная волна этого стобалльного переселения осела на Урале. Здесь вращались в землю — на первых порах вращались в буквальном, не в фигуральном смысле — лагерь, табором, в лесу. В Свердловске, за Уктусом, станки стояли под соснами, а прожектора, что их освещали, крепились на деревьях. Жарким летом 1941 года, разобранные где-то за тыщи верст станки и агрегаты, собирались в леденящий мороз (первая военная зима была особенно безжалостной).

«Поздней осенью и суровой зи-

мой 1941—1942 года на территории Свердловской области разместились и возобновили выпуск продукции для фронта 200 крупнейших предприятий».

200! Представьте себе, что значит перевезти и поставить на новом месте целый завод. Только один завод. А здесь — двести. А ведь это не было «главное». Фантастической по трудностям и срокам была главная задача — перестроить всю экономику на военный лад. Дать фронту снаряды и снаряжение. Провести мобилизацию. И еще научиться делать то, для чего вчера и условий-то не было.

«За 11 месяцев предприятия Свердловска послали на фронт минометов в 42 раза, реактивных снарядов — в 36, авиабомб — в 17, патронов в 18 раз больше, чем за такой же период прошлого года».

Лет двадцать спустя после войны одним уральским автором было сказано: «Что может мой Урал? Он может все: машины дать, чтоб путь к руде пробить. Машины дать, чтоб ту руду добыть. Машины дать, чтоб руду расплавить. И из литья опять машины ставить». Если вспомнить, что во время войны к прежним отраслям на Урале добавились десятки новых — танкостроение, моторостроение, производство пластмасс, кабеля, мотоциклов, приборов для боевых машин, резиновых изделий и т. д., — то поэтические строки не покажутся преувеличением. Они переключаются с документом военной поры. Вот что писали уральцы в годовом отчете в 1942 году (трудно удержаться, чтобы не привести эту цитату целиком):

«Хвалят фронтовики наши танки. Действительно, хорошие машины, и сделаны они целиком на Урале. Руду нам давала гора Высокая и гора Благодать. Металл для танков прокатали доменщики, сталевары и прокатчики Свердловска, Нижнего Тагила, Серова, Первоуральска, Алапаевска и Кушвы. Наши редкие металлы сделали броню неуязвимой. Красноуральск, Кировград, Ревда, Каменск-Уральский снабдили танкостроителей медью и алюминием. От других заводов области танки получили моторы, пушки, приборы, радиопередатчики, боезапасы... Грузим мы танки на железнодорожные платформы, сделанные в Нижнем Тагиле, засыпаем в топки паровозов уголь, добытый егоршинскими и богословскими горняками, — и получай фронт новую грозную машину! В атаку поведет ее крепкий уральский парень — танкист, одетый в наше арамирское сукно, обутый в сапоги фабрики «Уралобувь».

Эти строки и документы стали достоянием архивов. Казалось бы и интересоваться они должны в первую очередь историков, пропагандистов, кабинетных ученых. Но много они

говорят любому современнику, и — сердцу сегодняшнего следопыта.

Вот на выбор несколько строчек из хроники фронтового тыла: «За первые полтора года войны на предприятии Свердловска пришло более 40 тысяч молодых людей. Молодежь составляла основную массу рабочих. На заводе им. Калинина число 14—18-летних достигло 70 процентов всех занятых на производстве рабочих».

«За 20 и 30 человек работал тагильский рудокоп Иван Завертайло».

Шестидесятидвухлетний сталевар Мирон Сысолятин трудился в цехе за двоих, а ведь, можно сказать, «выполнил долг перед Родиной: на фронте у старика воевали три сына, два зятя и 17 внуков!»

А вот для сегодняшних краеведов — строчки о краеведах той поры. Археологи, историки Урала, — писал 18 февраля 1942 года в «Уральском рабочем» академик А. Е. Ферман, — разыскивают новые данные о давно забытых месторождениях руд и полезных ископаемых. Краеведы Свердловска изучают местные пруды и озера, помогая восстанавливать водное хозяйство заводов и поднимать источники водной энергии...

Как говорится, что старина, то и даяние.

Для следопытов и краеведов строки из прошлого — это строки маршрутов увлекательного поиска.

Где сейчас, кем стали те подростки, почти дети, что заменили воевавших отцов и старших братьев? Где сейчас и кем стал юный герой знаменитого движения тысячников тагильчанин Алик Рудин, установивший рекорд, что и не всякому взрослому по плечу: он выполнил оборонное задание на 5205 процентов! Где и на каких piedestалах стоят сейчас танки, вышедшие из ворот Уралмаша: ведь более сотни этих легендарных машин остались памятниками победы на площадях городов земли?

«Средний Урал в Великой Отечественной войне». Так называется эта книжка, из которой мы приводим цитаты.

Изданная со вкусом, на хорошей бумаге, небольшого формата, она оперирует событиями давних дней, цифрами и фактами, почерпнутыми из архивов. Как сказано на обороте титульной страницы — «материал подготовлен Домом политического просвещения и партийным архивом Свердловского обкома КПСС». Большую работу проделали составители и редакторы сборника, но, кажется, — это только начало, кажется — там, в прохладных тихих коридорах архивных фондов хранятся молчаливые клады: многое еще могут сказать они и чувству, и уму.

Д. ЧАСОВ

«В новогодние дни, под вечер, вижу, как по городу идут и едут бородатые Деды Морозы. Знаю: несут радость в дом и такое нужное ребенку прикосновение к тайне, сказке, чуду. И просто по-человечески любопытно, кто эти энтузиасты? Как им работает? Что они видят там, в новогодних квартирах? Я замечала, как, выходя из подъездов, из гостиных, Деды Морозы не прятали улыбку собственной радости от прикосновения к детскому веселью.

Поделиться бы кто из Дедов Морозов впечатлениями... Ведь такое доброе занятие — почти профессия...»

*Нина Бантеева,
выпускница средней школы
г. Орск.*

Свою дедоморозовскую бытность вспоминаю с содроганием... и трепетом. Эх, дети, дети, эх, общественные нагрузки! Чего ради их не натерпишься! Четыре года прошло, а я и теперь не забыл, как мы, разряженные словно огородные пугала (во мне с трудом еще можно было узнать Деда Мороза, но в моем коллеге — принца — ни в коем разе! Да и зачем он был нужен, до сих пор не пойму!) ввалились к девочке по имени Катенька. Вгорячах малышка взяла Деда Мороза за руку и провела в комнату, а потом прижалась к матери и больше ее никто не смог развеселить.

Нет, я не разочаровался, не бросил тотчас сумку с подарками, а пока мы ехали к следующему дому, расспрашивал отца, на этот раз Танечки, о его дочери. Он мой сослуживец и не стеснялся в представлении любимой дочери.

Танечка оказалась в садике, и моментально родилась мысль, реализация которой буквально поразила меня. Дело было так.

Увидев, что Танечка вместе с отцом прошла мимо нашей машины, я крикнул:

— Танечка! А-у, Танечка, а-у! — затем вывалился из кабины и бросился вдогонку. Мой принц безнадежно отстал, и то хорошо: в темноте его могли принять за Кашея

ДЕД МОРОЗ

или кого-нибудь похуже, а это не очень желательно.

Зато Танюшка была на высоте! Она громко читала стихи (много стихов!), пела, плясала, а когда я остылся, увлекшись, и грохнулся в сугроб, то она хохотала так искренне, что мне на глаза накатили слезы — удача?! Сомнительная, и все-таки...

В машину я вернулся радостный, но тут же услышал голос принца по обязанности:

— Так мы и к утру не кончим развозить подарки. Договаривались же, не больше пяти минут на ребенка.

Меня волновало уже не это. Радость немного схлынула, и я почувствовал, что подо мной нет ног. Правда! Обувка из белых сапог тонкой кожи оказалась не по сезону...

Как бы там ни было, а дети нравились мне все больше. Прежде чем войти в комнату, принц вызывал отца или мать на лестничную клетку (все польза!), и я второпях узнавал о ребенке хоть что-нибудь. Помогало. А позже, через год, это обрело стройную систему: поскольку детей много, а Дед Мороз один (за вечер нужно было поздравить больше тридцати ребят), я стал записывать заранее, кто что любит больше всего.

В самой квартире родители, правда, здорово мешают. И не только потому, что почти каждый стремится затащить тебя на кухню под предлогом согреться. Они мешают, стараясь занять активную позицию по отношению к происходящему, дабы их «вундеркинд» не ударил перед Дедом Морозом в грязь лицом, раскрыл свои способности.

— Не получишь подарка, если не споешь, не расскажешь стих. Не даст тебе Дедушка Мороз конфет!

Дам я конфеты, куда денусь, затем ведь и приехал. Но когда при сказочном Деде Морозе начинают «воспитывать» ребенка, то это, ой, как плохо!

Я Дедом Морозом был несколько лет, но хочу сказать банальную вещь: если не любишь вообще детишек, не умеешь с ними шалить, не бери дедоморозовский посох в руки. Ну, какой из тебя Дед Мороз, если ты не знаешь детских песен, стихов, сказок, каламбуров, загадок, кроме «два кольца, два конца»...

Дед Мороз начинается с костюма. Мне на этот счет за несколько лет повезло только дважды: мы упрасивали гримеров и пастижеров из театра. То есть все было взаправду. Хорошо. Ничего не отвлекается, не текут румяна, краски. Было и досад-

ное. Помню, борода отклеивалась. Перед каждой квартирой приходилось кому-нибудь ее подправлять. Страшно это отвлекает. Тут надо внимательно ребенка слушать, наклоняться, петь с ним, танцевать, зажигать елку, а ты про бороду думаешь.

Как и о чем говорить Деду Морозу? Мне кажется, не надо подделываться под виденное тобой в детстве — время столько нового вносит. Весь разговор лучше строить после того, как узнаешь побольше от родителей. Мне однажды сказали, что мальчик Дима плохо просыпается по утрам. Ненавязчиво, но я заметил ему этот пробел. На другой день он весь дом поднял в шесть утра — Дед Мороз сказал, что надо рано вставать! А вообще я стараюсь говорить с ребенком на равных.

Упрощенность губит. Мой знакомый был в прошлом году Дедом Морозом. Заходя в квартиру, он усаживался поудобнее и безапелляционно заявлял:

— Ну, как жизнь, малыш?

Дальше шел вопрос, что ты умеешь делать и так далее. Даже имя ребенка он позабывал произносить.

Замечу, что тот же объем работы (а быть Дедом Морозом — тоже работа) он проворачивал за три-четыре часа. Не уверен я только, что от этого был прок.

Бывают и сложные ситуации. Один карапуз, не успев я войти в квартиру, выстрелил в меня из пистолета, пластмассовый шарик стукнул прямо по глазу. Когда родители зашумели и для проказника запахло ближайшим углом, я вроде нашелся и сказал вполне серьезно:

— А стрелять-то ты и не умеешь!

Пацаненок опешил. Через пару минут мы стреляли вместе по кубикам, установленным на спинке стула. К счастью, мне повезло: я тогда сбил три кубика из пяти выстрелов, а он только один!..

Новый год. Сотни Дедов Морозов отправятся в свои вояжи. Формально — они развезут подарки (их, кстати, ребенок в праздники получает несметное количество и не очень удивляется. Поэтому на подарок лучше не делать ставки). Неформально — войдут в дом, чтобы удивить, обрадовать и остаться в памяти малыша на целый год. Это главное!

Виктор ХЛЫСТУН,
журналист по профессии
и Дед Мороз по линии
местного комитета
при редакции газеты
«Уральский рабочий»

Кабы
знать ~
да
помнить!...

«Вот и снова викторина, снова марш-бросок через дебри фантастики, нелегкий и увлекательный, снова встречи с героями знакомых и полузабытых книг, снова поиск...»

Эти строки из письма Линара Абдулина («все еще студента» из Казани), судя по ответам, передают настроение большинства участников нынешней — четвертой по счету — нашей викторины.

Происходит, конечно, и отсеиваются участники, но на место ветеранов (будем надеяться, лишь временно оставшихся поле брани) постоянно приходят свежие подкрепления. Это и школьники (начиная с третьего класса), — они составляют добрую треть всех участников «викторины-78». И студенты самых различных вузов и техникумов. Среди участников — и женщины: десятая часть от общего числа (а среди женщин есть даже бабушка с почти полувековым — как

не позазидовать! — стажем чтения фантастики). И, наконец, люди самых разнообразных занятий: рабочие и инженеры, библиотекари и геологи, химик, юрисконсульт, директор школы...

В письмах отвечавших — и маленькие сюрпризы: старательно нарисованный восьмиклассником (не на уроке ли, вот только!) комикс из жизни инопланетян-доминошников, вполне профессионально выполненные рисунки Елены Кулинич, инженера-электрика из Горловки...

Покончив с этим чуточку лирическим вступлением, перейдем непосредственно к вопросам первой — «сугубо конкретной» — части викторины. Но прежде заметим: вопросы 3-й, 4-й, 5-й этой группы отложены нами, в целях экономии места, до первых номеров будущего года; при подведении итогов они, естественно, учтены.

1. «ДОРОГОЙ КОЛЛЕГА... ЛЕТИТЕ ПРЯМО, ЗА ГОЛУБЫМ СОЛНЦЕМ СВЕРНИТЕ НАЛЕВО, ЗА СЛЕДУЮЩИМ, ОРАНЖЕВЫМ, НАПРАВО: ТАМ БУДУТ ЧЕТЫРЕ ПЛАНЕТЫ, — ВСТРЕТИМСЯ НА ТРЕТЬЕЙ, ЕСЛИ СЧИТАТЬ СЛЕВА. ЖДУ!»

КОМУ И КЕМ АДРЕСОВАНО ЭТО ПИСЬМО ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ!

Хотя и утверждает один из читателей, будто приведенные выше строчки взяты из послания Первого капитана Третьему («Девочка с Земли» К. Булычева), — на правах соавторов вопроса и от имени 117 других участников викторины позволим себе не согласиться. Это, конечно же, записка, оставленная профессором Фомальгаутского университета А. С. Тарантогой Ийону Тихому на планете Цирулея. Обнародована Станиславом Лемом в дневнике 25-го путешествия неутомимого звездопроходца.

2. СЛЕДОПЫТЫ У СТРУГАЦКИХ ИМЕЮТ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ЗНАМЯ. ЧТО НА НЕМ ИЗОБРАЖЕНО И КАКОВА ЕГО ИСТОРИЯ!

«Город состоял из единственной улицы, очень широкой, заросшей густой травой. Комов решил ставить лагерь в центре города...»

Ну, разумеется же, это — «бла-

гоустроенная планета» Леонида из повести «Полдень, XXII век (Возвращение)»!

Это здесь, вернувшись к лагерю, «Комов увидел, что Таня и Фокин установили высокий шест и подняли над городом неофициальное знамя Следопытов — белое полотнище со стилизованным изображением семигранной гайки. Давным-давно, почти столетие назад, один крупный межпланетник — ярый противник идеи изучения следов деятельности иного разума в космосе — как-то сгоряча заявил, что неопровержимым свидетельством такого рода деятельности он готов считать только колесо на оси, чертеж пифагоровой теоремы, высеченный в скале, и семигранную гайку. Следопыты приняли вызов...

Комов с удовольствием отсалютовал знамени. Много было сожжено горючего и пройдено парсеков с тех пор, как родилось это знамя. Впервые его подняли над круговыми улицами пустого города на Марсе...»

Таков дословный ответ, взятый со страниц едва ли не самой популярной повести Стругацких.

Вообще, надо заметить, первые наши вопросы вызвали у знатоков веселое оживление.

«Какие цели вы преследовали, задавая эти два вопроса? — допытывается, например, А. Безлатный (Челябинск). — На первый ответ практически все, прошлогодняя охота на курдюка это ясно показала. Ну, а что касается второго... Найдется ли вообще участник викторины, который настолько не любит Стругацких, что ответит «не знаю»?..»

Что тут сказать? Дело, очевидно, все-таки не в недостатке любви к

фантастике, к книгам Стругацких, а в свойствах памяти, в особенностях восприятия прочитанного: и на первый вопрос правильно ответила лишь треть участников викторины, и вот на этот — только 99 человек.

«Вопрос, кажется, простой,— читаем в одном из писем.— Но не тут-то было: я так и не смог найти «знамя Следопытов». Видно, авторы так его законспирировали, что обнаружить дано не каждому...» Да вот и многознающий Линар Абдулин — и он признается, что «сначала пошел по ложному следу и лишь потом догадался, что Следопыты не обязательно должны быть связаны с Марсом...»

Остается добавить, что изображение со знамени перенесено Стругацкими и на герб Следопытов. Этот «черный семиугольник на красном щитке» наши читатели нашли в повести «Далекая Радуга».

Кстати, по словам М. Аскарова, инженера одного из челябинских НИИ, «весь юмор этой эмблемы в том, что гайка должна иметь шесть граней. Семигранную же гайку ни один нормальный инженер не посчитает следом разумной деятельности...»

6. ГЕРБЕРТ УЭЛЛС УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ПУТЕШЕСТВЕННИК ВО ВРЕМЕНИ БЕССЛЕДНО ИСЧЕЗ В ГЛУБИ ВЕКОВ. ТАК ЛИ ЭТО? НЕ ВСТРЕЧАЛИ ЛИ ВЫ ЕГО НА СТРАНИЦАХ ДРУГИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ?

Одни читатели перечисляли в своих ответах любые припомнившиеся им книги о странах в веках и тысячелетиях. Другие выискивали лишенных конкретного облика — а с ним и имени — Путешественников с большой буквы. Третьи вспоминали, что сам Уэллс первоначально разрабатывал тему путешествий во времени в повести «Аргонавты Хроноса», что есть у него и еще один герой, совершивший путешествие «длиною в два века», — в романе «Когда Спящий проснется»...

Однако и четвертый вариант вопроса (а подразумевали мы, конечно же, именно его) читатели отнюдь не обошли вниманием. Извлечены разнообразнейшие ссылки на Уэллса и его роман, самые — иной раз — диаметрально противоположные суждения.

Главное же — достоверно установлено, что на страницах фантастических книг встречается не только сам Путешественник во времени, но и его Машина, и даже модель этой Машины.

Судьба модели, по свидетельству Линара Абдулина и Алисы Щербаквой, девятиклассницы из Перми, волнует героиню рассказа В. Журавлевой «Нахалка».

В собственных целях используют Машину Путешественника Ю. Моралевич («Происшествие с Машинной времени») и немецкий писатель начала века К. Груннерт («Машина времени»).

Только из-за чудесной Машины введен Путешественник и в «палеонтологическую фантазию» Г. Чижевского «В дебрях времени», которую помнят 35 участников викторины. «Герой повести, воспользовавшись разрешением Путешественника,— пишет Юрий Алексеев, десятиклассник из Москвы,— основательно поэксплуатировал Машину, гоняя ее на этот раз в далекое прошлое...»

Читатели припомнили и повесть Л. Квина «Было не было», в которой Путешественник прячет свою Машину на чердаке, замаскировав ее под зубоврачебное кресло. Маскировка не спасает: любознательные школьники без ведома Путешественника совершают вояжи и в прошлое, и в будущее. Впрочем, Путешественник прощает их...

Вообще же из произведений на данную тему наиболее известна нашим читателям неоконченная повесть В. А. Обручева «Путешествие в прошлое и будущее» (1940): она упомянута в 57 письмах. Посвящена она новым приключениям Путешественника: он попадает в 1915 год, откуда поспешно бежит, поскольку его приняли за немецкого шпиона. В сходной ситуации оказывается он и в рассказе В. Вестова «Смит-Смит ловит шпиона», названном в 19 ответах. В маленькой новелле А. Днепрова из его цикла «Послесловие к Уэллсу» (фигурирует в 47 ответах) Путешественник не может вернуться к себе из-за аварии и, устроившись в конструкторское бюро, «сейчас потеет над созданием безоткатной Машины времени...» Попал герой Уэллса и в книгу В. Крепса и К. Минца «Клуб знаменитых капитанов». Вот что сообщает нам К. Дворников из Прокольевска Кемеровской области: «Во время заседания под кодовым названием «Пленники Нептуна» возник контур Машины времени, остановившейся на пути из прошлого в будущее. Путешественник передал капитанам послание от их многочисленных авторов и поехал дальше...»

Как правило, неизвестный обладатель Машины времени в перечисленных произведениях уверяет, что именно о нем Уэллс написал свой роман. Сие, однако ж, не очевидно. «Достаточно задаться вопросом,— пишет Александр Савин, студент МАИ,— каким образом англичанин, отправившийся в свое бесконечное путешествие тоже из Англии, мог обучиться в Советском Союзе, если данная конструкция МВ могла перемещаться только во времени?» И заключает: нет, в большинстве случаев мы имеем дело с ловкой мистификацией!

Вероятно, памятуя об этом, И. Хобана в рассказе «...Своего рода пространство» значительно усовершенствует Машину: она здесь может — но почему-то только в пределах Европы — передвигаться и в пространстве. Впрочем, именно вот здесь-то сам автор (с помощью Уэллса!) разоблачает своего героя: это — вовсе не Путешественник Уэллса, это — замаскировавшийся под оногo пришелец из будущего!

В заключение отметим, что хоть и нет идеи более заманчивой и, казалось бы, более неосуществимой, чем путешествие во времени, тем не менее каждый из нас... совершает его. Да, да! Ведь, как пишет студентка из Уфы Екатерина Чепайкина, «вся наша жизнь, собственно,— путешествие во времени: поступательное, непрерывное...»

7. «ЗАПОМНИТЕ! ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОГО АВГУСТА МЫ ВИДЕЛИ В СТРАНЕ МЕПЛ-УАЙТА ПЯТЬ ЖИВЫХ ИГУАНОДОНОВ...» КОМУ ПРИНАДЛЕЖАТ ЭТИ СЛОВА? НАЗОВИТЕ АВТОРА И ПРОИЗВЕДЕНИЕ, В КОТОРОМ ОНИ БЫЛИ СКАЗАНЫ.

«Если не ошибаюсь,— пишет читатель-десятиклассник,— данные слова были произнесены на страницах фантастического произведения Конан Дойля «Затерянный мир». Там еще одного чуть не съели. Вот.»

Что ж, для человека, у которого «тут еще и выпускные экзамены на носу», уровень эрудиции, можно сказать, вполне приличный. Ведь кое-кто из читателей, не удержавшись на зыбкой грани полужизни, поддавшись соблазну приписать эти слова либо профессору Саммерли, либо репортеру Мелоуну...

Однако у 113 участников викторины память сработала безотказно. «Ведь есть только одна Страна Мепл-Уайта,— написал нам Валерий Колонок, второкурсник Магнитогорского индустриального техникума,— и находится она в «Затерянном мире» А. Конан Дойля. И в этом произведении такие запоминающиеся герои! Особенно человек, произнесший эти слова. Несравненный профессор Челленджер, которого и рад бы забыть, да борода мешает...»

Дабы исчерпать вопрос, добавим, что адресованы эти слова научному противнику Челленджера — профессору Саммерли. Правда, тотчас вслед за ними звучит и ехидная реплика в адрес репортера...

8. «ВЕРЮ, ДЕРЗКИЙ! ТЫ ПОСТАВИШЬ ПО ЗЕМЛЕ РЯДЫ ВЕТРИЛ...»

ЧЬИ ЭТО СТРОКИ? КТО ИЗ ФАНТАСТОВ ИСПОЛЬЗУЕТ В СВОИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИДЕЮ «ПЛАНЕТА-ЗВЕЗДОЛЕТ»?

«Этот вопрос быт легок для меня: я очень люблю поэзию Валерия Брюсова,— пишет Р. Терновая (Волгоград).— Любители фантастики могут многое найти в его стихах...» Да, могут. Вообще в русской поэзии немало страниц, по яркости идей, по глубине философского их осмысления вполне соотносимых с первоклассной фантастикой. И досадно поэтому, что лишь 56 участников викторины смогли назвать процитированное нами стихотворение («Хвала Человеку», 1906), еще 16 — просто указали на Валерия Брюсова...

Что до реализации идеи В. Брюсова в фантастике — тут читатели, разумеется, на высоте: в ответах собрано 87 произведений на эту тему.

Наиболее полно раскрыта она в романе Ф. Карсак «Бегство Земли» (назван 84 читателями), в повести Г. Гуревича «Прохождение Немезиды» (73 читателя). 40 участников викторины вспомнили рассказ Т. Годвина «Необходимость — мать изобретения», 31 — Хрустальную планету из «Заповедника гоблинов» К. Саймака, 26 — рассказ Д. Де-Спиллера «Открытие математика Матвеева»...

9. ПРЕДЛОЖИТЕ ВАШИ ВОПРОСЫ ДЛЯ НОВОЙ ВИКТОРИНЫ.

Этот последний вопрос первого раздела мы обычно не комментируем: из ответов легко набираются вопросы и для очередной викторины, и, так сказать, — впрок, на всякий случай. Но...

Во-первых, кое-кто предлагает нам вопросы первой группы (т. е. «сугубо конкретные») — не прилагая ответов к ним. А как решишься задать вопрос, даже не предполагая, во что выльется ответ? Так что давайте, друзья-читатели, постановим на будущее: задать вопрос, не приложив разгадки, — то же самое, что совсем его не задать.

И второе. Обнаружились у наших читателей иждивенческие, так сказать, настроения. Мы засыпаны афоризмами типа: «Отвечать на вопросы легче, чем их придумывать», «Придумать собственные вопросы — это не ответить на чужие». Оно вроде бы и так, да ведь тем самым неизбежно сокращается простор для выбора наиболее интересных вопросов... Оттого совершенно прав Владимир Ковалев, студент из Калуги, в чьем письме мы нашли такие строки: «Я думаю, если не ответил хоть на один вопрос — задавать новые не

имеет смысла. Но если не задашь — не будет ответа еще на один!» Хорошие слова!.. Принимаем и это условие!

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАДАНИЕ: РАССКАЗ ИЗ НАЗВАНИЙ.

Расшифровку этого рассказа мы поместили в предыдущем номере.

Задание оказалось нелегким: слишком, пожалуй, длинноват рассказ! «Чтоб ответить на эту часть викторины, понадобился бы робот типа Файлера», — вздохнул один из читателей, приведя и соответствующую цитату из рассказа Г. Гаррисона «Робот, который хотел все знать».

Однако отношение читателей к этому новому для нас «жанру» единодушно: «Рассказ из названий мне очень понравился... Задание интересное. Рассказ составлен очень удачно, напоминает пародию...»

Многие просят о повторении подобных рассказов. А у Алексея Киселева, десятиклассника из Москвы, есть и конкретное предложение: «Мне кажется, что такие рассказы нужно печатать постоянно. Но в связи с тем, что составлять их очень трудно, в чем убедился на собственном опыте, предлагаю провести конкурс на лучший небольшой рассказ из 30—40 названий».

Специального конкурса мы, пожалуй, объявлять не будем, но если кто-либо дерзнет взяться за составление подобного рассказа и, главное, преуспеет в этом, — милости просим: присылайте! Наиболее интересные из них мы напечатаем в «Калейдоскопе». Но напоминаем оговоренное выше условие для конкретных вопросов: к такому рассказу обязательно должна быть приложена «разгадка».

Более сложную (не только для читателей, но, по объему работы, и для нас самих) вторую группу вопросов мы постараемся осветить в выпусках «Калейдоскопа-79».

Одно из писем завершала фраза: «Готов к новым викторинам!»

Что ж, готовьтесь-готовьтесь...

Виталий БУГРОВ,
редактор раздела
«Мой друг — фантастика».

ИТОГИ «ВИКТОРИНЫ-78»

Оттого ли, что возросло количество участников, или azért себя знать выросший их опыт, или — что тоже вероятно — легче оказались вопросы, — но только нам понадобилась бы целая страница, чтобы просто перечислить всех победителей викторины.

Потому мы отметим только, что на все вопросы первой группы ответили правильно 34 наших читателя, с вопросами второй наиболее успешно справились 29 человек, ко всем 127 названиям из задания «высшей категории трудности» нашли авторов 12 участников викторины.

Назовем же лишь тех, кто преуспел во всех трех заданиях. Это: **М. АСКАРОВ** (Челябинск), **А. КОРОТКОВ** (10-й кл., Ангарск), **В. ПРОСВИРНИН** (Челябинск), **Б. ТОЛСТИКОВ** (Иркутск), **В. ВЕЛЬЧИНСКИЙ** и **Л. ФИЛАТОВ** (Москва), **А. ЩЕРБАКОВА** (9-й кл., Пермь).

Победителям викторины высланы книги с автографами писателей-фантастов: «Сто лет тому вперед» **К. Булычева**, «Нелинейная фантастика» **Г. Гуревича**, «Разворованное чудо» **Г. Прашкевича** и другие.

СОВЕЩАЮТСЯ ФАНТАСТЫ

В конце сентября в Свердловске состоялось выездное заседание Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе при Союзе писателей СССР и комиссии по этим жанрам при Союзе писателей Российской Федерации.

На Урал приехали писатели из Москвы и Ленинграда, Еревана и Риги, Томска и Новосибирска, собрались в Свердловске и работающие в этих жанрах уральские литераторы. Такое представительное заседание, посвященное «литературе смелой мечты и героических приключений», проходило на Урале впервые. Основной его целью было укрепление творческих связей уральцев с фантастами и приключенцами всей страны.

Первоклассник Славик смотрел телевизор. Скучный дядя что-то говорил про системы замкнутого водоснабжения, а тут, чтобы еще больше испортить Славику настроение, в комнату вошла мама в дорогом платье и парике.

— Вячеслав, ты опять занимаешься не тем, чем надо! Такое времяпрепровождение не свидетельствует о высокой культуре...

Славик хотел быть культурным и потому уныло полпелся в свою комнату. Папа тем временем кончил говорить по телефону, встал и крикнул:

— Людочка! Звонил Анатолий. Нас ждут!

И папа с мамой ушли.

Славик прошелся по квартире, перечитал мамину записку. Еда — в холодильнике, Славик должен быть хорошим мальчиком, не баловаться и вовремя лечь спать, ибо это полезно для здоровья... Внизу папиной рукой был начертан телефон дяди Анатолия — чтобы звонить, в случае чего.

Под елкой, не настоящей, искусственной, лежали подарки — разные книжки детских писателей. Они были, конечно, очень интересные, но Славик думал, что папа подарит ему игрушечную железную дорогу. Как-то они говорили об этом, но папа, наверное, забыл.

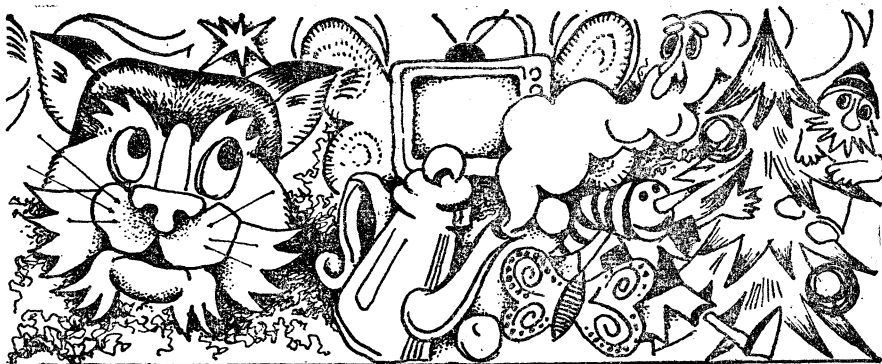
Елка упорно не зажигалась, и Славик принялся смотреть в окно. Отовсюду слышались пение и смех, рой снежинок плавно спускался вниз, сверху приплывали все новые и новые, и эта карусель завораживала, притягивала, звала, но не вниз, а вверх, к месяцу, окруженному звездной толпой, и еще выше. Хотя что может быть выше звезд?

Вдруг снежинки прекратили свой танец и, собравшись в единый ком, унеслись куда-то, будто промчалась мимо окна Снежная королева. Форточка со стуком распахнулась, в комнату ворвался белый вихрь. Когда испуганный Славик приоткрыл глаза, то увидел в кресле огромного кота с зелеными глазами-блюдечками. Славик вскрикнул. Кот фыркнул, помотал головой и пошел к мальчику, улыбаясь и показывая острые зубы. Славик бросился к телефону. Кот на полпути замер, словно недоумевая.

— Анатолий Петрович, это я, Славик, позовите, пожалуйста, папу!.. Папа, это ты? Скорее, скорей приезжай домой, тут страшный большущий кот, и вообще мне страшно, страшно!

Папа охнул и испуганно крикнул: — Держись, сын, мы едем!..

Кот осторожно высвободил из рук Славика трубку и положил ее на телефон. Неожиданно добрыми глазами он заглянул мальчику в лицо.

БЫВАЮТ ЖЕ НА СВЕТЕ ЧУДЕСА!..

Новогодняя история

Черные зрачки сужались и расширялись, Славику казалось, что он плывет в кошачьи глаза, отчетливо слышался мягкий голос:

— Не бойся меня, я не причиню тебе зла. Меня зовут Ы-пин, я прилетел с другой планеты. Она очень далеко от Земли.

— Где же твой корабль? — спросил, успокаиваясь, Славик.

— Мы путешествуем в пространстве без всякого транспорта. А знаешь, зачем я здесь? Мой народ очень любит ласку, мы, можно сказать, и живем-то ею одной. На нашей планете есть кот, умеющий гладить и чесать за ушами, и этот кот — я. Но недавно я сломал себе лапу, а когда выздоровел, то обнаружил, что совсем разучился ласкать. И соплеменники послали меня искать того, кто помог бы мне вновь овладеть этим искусством. Я думаю, ты не откажешь в помощи.

— Я постараюсь!

— Ну и хорошо. А я, в свою очередь, постараюсь, чтобы твой праздник прошел весело. Дай-ка, я пороюсь в твоих воспоминаниях...

Ы-пин распростер пушистые лапы над головой Славика.

И тотчас зажглась елка, а рядом с ней появилась другая — настоящая, пахнущая лесом! Комната наполнилась сказочными существами: здесь были Карлсон, Винни-Пух, Буратино и много-много других знакомых лиц. Открыли холодильник — там лежала скатерть-самобранка. Из кофейника вылетел добрый джинн, из коробки с сахаром высыпалась ватага гномов вперемешку с эльфами. На шкафы взгромодились подобревшие сегодня тролли, гоблины, мелкие носатенькие колдуны. Заросший мхом леший рассказывал что-то смешное парочке толстых кикимор. А потом все принялись колдовать. О, как было весело! Телефон внушили, что он — мотылек, и телефон стучался о стекло и люстру. Все билось, гремело, домалось и хохотало. Гоблины изо-

рвали на куски мамины американские джинсы и превратили ключья в бабочек. Огромной тропической бабочкой стал и телевизор...

Но тут у подъезда заскрежетали тормоза. В тот же миг все гости, кроме Ы-пина, исчезли.

На пороге возник взлохмаченный папа, из-за его спины виднелся мамин парик. Папа взмахнул ключом от квартиры и грозно крикнул:

— Где?!!

— Сережа, возьми вот это, оно потяжелее, — мама всунула ему в руку гаечный ключ устрашающих размеров.

И тут глаза их остановились, брови удивленно взметнулись. На ковре, среди рельсов и вагончиков, сидел их милый сын и чесал за ухом огромного черного кота.

— Вячеслав, что это?.. Кто это?.. Откуда здесь бабочек?..

— И где наш телевизор? — добавила наблюдательная мама.

Оказывается, Ы-пин забыл про бабочек. Он вскочил и быстро исправил свою оплошность.

— Ох, Сергей, мои джинсы!..

Кусочки материи подпрыгнули и соединились в джинсы, которые выглядели лучше прежних.

— Папа, мама, это — Ы-пин! Он прилетел с далекой планеты и подарил мне железную дорогу.

— Гм, — сказал папа, — я собирался купить ее тебе на днях...

Через полчаса папа с Ы-пином сидели за баночкой сгущенного молока и вели неторопливую мужскую беседу. Мама плакала и обнимала Славика. Еще через полчаса все собрались за столом, который обслуживал кофейничный джинн...

...С тех пор каждую зиму под Новый год Ы-пин, вновь научившийся почесывать за ухом, прилетает к Славику в гости.

Д. БАБУШКИН

Рисунок А. Банных

«Уральский следопыт» в 1978 году

ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ. НАЙТИ СЕБЯ. ТРЕБУЮТСЯ СПЕЦИА- ЛИСТЫ. ДАЕМ АДРЕСА РОМАНТИКАМ.

- Биленкин Д. Ты — в меняющемся ми-
ре. № 5.
Блохина Ф. Библиотекарь. № 10.
Бондаренко Ю. Комбайнер. № 5.
Вайсберг Б. Функциональная музыка.
№ 3.
Вайсберг Б. Чертежник. № 8.
Баулин Б. Сделать нам, друзья, пред-
стоит... № 10.
Гагарин С. Как считать перевалы. № 1.
Грачев И. Смелые ребята. № 3.
Действие знает цель. № 1.
Ермаков А. Наш трамвай — ранний.
№ 2.
Зверева Р. Жила-была девочка... № 7.
Иду на смену! № 4.
Липатников Ю. «Прошу как друг,
приказываю как отец...». № 12.
Лысяков А. Новобранцы. № 2.
Мальсагов А. «...дабы не выглядеть
спесивым болваном». № 11.
Маркуша А. Годы и мгновения. № 8.
Махлин А. Пять дней из жизни Влади-
мира Конкина. № 9.
Новый Н. Это — наши дети. № 12.
Петров М. Раз сосна, два сосна... № 3.
Попов Ю. Сделал шаг — пройдешь путь.
№ 4.
Сенчев Н. Дом Политовых. № 7.
Сенчев Н. «Ешьте собственный хлеб!».
№ 10.
Солдатская служба — мужская. № 10.
Страхов В. Флаг Родины. № 12.
Сузов В. На реке теплоход. № 7.
Хлыстун В. Дед Мороз. № 12.
Царегородцева С. «Хочу быть среди
первых!» № 10.
Широкова Н. Книга в единственном эк-
земпляре. № 1.
Широкова Н. Покажи свою красоту,
камень. № 7.
Щербачков А. Белый Пим Чертово Ухо.
№ 5.

ЮНОСТЬ ОТЦОВ. ЛЮДИ ПОДВИГА. ДЕЛАТЬ ЖИЗНЬ С КОГО?

- Богоявленский Л. Челюскинец. № 1.
Борисихин Ю. Шумит, не умолкая, па-
мять-дождь... № 6.
Гавриленко И. «Прекрасная мысль
революции...». № 2.
Губарев В. Всего одно утро... № 11.
Завьялов П. Мой друг Ванчо. № 11.
Зеличенков Б. «Я ушла в Заполярье...»
№ 9.

- Исаев Б. Вестужевки. № 11.
Киреев М. Под утро, 5 июля... № 8.
Кривошеин В. Красный командарм.
№ 1.
Лунегов И. Герои были молодыми. № 1.
Мешавкин А. За лучшую долю. № 2.
Немиров Ю. «Нет руки могучее, чем
у революции...». № 3.
Сальников Ю. Сигизмунд Лезаневский.
№ 4.
Усанов П. Особое задание. № 10.
Хохлачев В. Якутские мальчишки-ки-
бальчиши. № 1.
Швец П. Воскрешие. № 5.
Шипанова З. Шел по войне батальон...
№ 2.
Эстафета подвига. № 10.

ПРОЗА.

- Бетев С. Афонин крест. №№ 5, 6.
Власов А. Фото на память. № 5.
Волокитин Н. Нарымские этюды. № 12.
Горюнов Л. Ребришки кремня. Жар-
кий день. № 9.
Иванов А. Каникулы. № 10.
Иванов А. Нужный Урванцев. № 12.
Картушин И. Молоко. № 4.
Квин Л. Везет же людям! № 7.
Н. Крайгер. Маленький курьер. № 12.
Матер В. Золотой дракон. № 6.
Машкин Г. Половодье. № 7.
Новиков А. Третий номер. № 8.
Новиков В. Четвертое измерение.
№№ 2, 3.
Савченко Г. Алеша и Утюг. № 11.
Сапожников В. Мы идем к луне.
№ 12.
Соломко Н. Его звезда. № 1.
Соломко Н. Капитан Домбрыш, Анька
и отвратительный юнга Чайников. № 10.
Сукачев В. Карысь. № 3.
Чернов Ю. Пестрый букет. № 2.
Языков С. Несерьезные дети. № 8.
Яшин А. Сизиф. № 1.

МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА.

- Бабушкин Д. Бывают же на свете чу-
деса. № 12.
Беляев А. Держи на Западе! № 4.
Биленкин Д. И все такое прочее... № 1.
Бугров В. Зов иных миров. № 3.
Бульчев К. Гуслиар — Неаполь. № 8.
Другаль С. Реабилитация. № 10.
Жюлю Верну — 150 лет. № 2.
Крапивин В. Вечный жемчуг. № 9.
Морсков А. Рефлекс. № 10.
Немченко М. Возвращение с пастбищ.
№ 6.
Црашкевич Г. Только человек. № 11.

- Романовский Б. Преступление в ме-
довом раю. № 5.
Чудакова М. Тихий старик. № 3.
Калейдоскоп. №№ 1, 2, 4, 6, 7, 8, 10, 11, 12.

ПОЭТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ.

- Андреев Я. Гроза. Тишина. № 1.
Беднов В., Сорокин Л. И листья
плещутся, как флаги. № 6.
Боков В. День самый долгий и самый
пресамый пастуший... № 3.
Борисов В., Каменский А., Лы-
сенко В., Мерзляков А., Разу-
мов Е., Сиваков В., Тулин В.
Напой мне осени мотив. № 11.
Вориводина А., Здорик Т., Ко-
тов Ю. Счастье люди мне предсказали.
№ 8.
Денисов В., Рудаков Е. А встречи —
как открытия. № 4.
Домнин А. Царь Иван и мордва. № 9.
Захаров С., Лазарев И., Цвет-
ков Г. Это берег ветров. № 12.
Карпенко Б. Дом, полный света. № 5.
Комлев А., Никулина М. Первый
снег. № 12.
Кочетков О. Время настало. № 1.
Кошель П. Осенних полей чистота...
№ 1.
Лаптев В., Найдич М., Николае-
в В., Рамазанов Г., Стан-
цев В., Теличко Н. Прорастая в
памяти России. № 2.
Махонин С. Был музыкант расстрелян...
Садовник. № 1.
Мережников Н. Потекло простран-
ство гулом... № 10.
Молчанов М. Февраль сперва оправды-
вал надежду... Где серенький плюш
дождевых драпировок?... № 1.
Подрезова Л. Вовка. № 10.
Попов Е. И затухает теплый свет зем-
ли... И кажется, что зима пора...
А будто и не жил... № 1.
Романовский В. Пьеса. Вариации на
тему «Завещания» Аусмы Пормале.
№ 1.
Румянцев Л. Дом в три окна. № 8.
Сибирев В. Кружит снежное крошево.
№ 10.
Чечулин А. Шестнадцать стукнуло в
получку. № 7.
- ## ДАВНЫМ-ДАВНО. ТРОПОЙ ПОИСКА. ПО БЕЛУ СВЕТУ. КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КО- ПИЛКА. СТРАНА ТОПОНИМИЯ.
- А ж а ж а В. Где сердце Кутузова? № 12.
Алебастров И. Последние минуты Ве-
рещагина. № 2.

Алебастров И. «Раз! И мощной свечой поднимается мяч.» № 12.
Аринин В. Дело Сухова-Кобылина. № 11.
Березин В. Каменный лес. № 5.
Борисихин Ю. «Чтоб прснулось сердце человеческое...» № 9.
Бродский И. Там за океаном... № 2.
Вибе Ф. Где рождается Енисей. № 8.
Вишнев П. Встреча в Куйбышеве. № 12.
Вшивков А. Актер из Курсантского театра. № 11.
Дунаев Ю. Первый железный караван. № 6.
Егорова Е. Подарок Репина. № 5.
Емельянов Б. По указанию жандармскому... № 7.
Зайцев Г. Екатеринбургские портреты Корзухина. № 2.
Захаров С. Слепопытский вариант «Красных дьяволят». № 4.
Калмыков Ю. Навстречу всех дорог. № 12.
Капун И. Кармелюк. № 8.
Козырев А. Дорога железная. № 7.
Колеватов Н. «Мысли ваши очень хороши...» № 4.
Памятник русского зодчества. № 11.
Кончин Е. Сибирские портреты сестер Шаховских. № 8.
Коровин А. Книга с автографом. № 5.
Кренделев Ф. Декабристы и БАМ. № 5.
Кузнецов А. Русские медали. № 9.
Кузнецов А. Серные бани Тбилиси. № 10.
Курочкин Ю. Пьесы Л. Н. Толстого на Екатеринбургской сцене. № 9.
Лобанов В. Книги Сибири. № 12.
Локерман А. Памятник первооткрывателю. № 5.
Матвеев А. Язык земли. №№ 1—3, 5—10, 12.
Махлин А. Говорящие сосны. № 5.
Машин В. Вариант Любимова. № 3.
Мерлин В. На память и в знак любви... № 1.
Мешавкин С. Самоцветная Мурзинка. № 4.
Назаров Е. Дом на Мышьяковке. № 9.
Осинцев Л. Автор «Красной странички». № 2.
Омельчук А. Когда был основан Обдорск? № 6.
Панфилов Б. Золотая долина. № 2.
Пашин В. Страничка жизни полковника. № 12.
Подчиновен А. Друг Достоевского. № 2.
Походов А. Уральская область. № 5.
Пролеева В. Лекарь Чайковский. № 1.
Пьянков И. Рифей — миф и реальность. № 8.
Рушанин В. Нелегальные журналы. № 12.
Рязанов Ю. Эти старые, старые книги. № 3.
Сериков Ю. По следам Ермака. № 5.
Снегирев В. Путь на Север. № 7.
Суров В. Орел-городок. № 4.
Татаринцев А. А. Н. Радищев в Иркутске. № 10.
Толмачев В. Прошли десять рек. № 8.
Тумбасов А. Венец Таймыра. № 9.
Тюфяков И. Наш Бажов. № 11.
Харитонов В. Страницы Олимпиад. № 11.

Челышев Б. Дедушка термосов. № 1.
Челышев Б. Календари. № 6.
Челышев Б. Как работал Чернышевский. № 7.
Челышев Б. Штрихи великого портрета. № 9.
Чемляков В. Страница ленинской «Искры». № 8.
Черныльцев В. В застенках «Уральского Шлиссельбурга». № 10.
Черный Д. Ваза из гильзы. № 12.
Эйдельман Д. На дне морском. № 12.
Юдин В. Чугуевские казаки. № 2.

НАУКА И ТЕХНИКА. НТ-78. НА ВСЕ РУКИ. НАУКИ ЮНОШЕЙ ПИТАЮТ.

Войскунский А. Невидимые колледжи. № 7.
Гангнус А. Самый первый пешеход. № 1.
Горбенко К. Небесные малыши. № 8.
Кузнецова Л. Небесные камни. № 10.
Липатников Ю. Лазер смотрит в небо. № 5.
Липатников Ю. Дары магнитного поля. № 8.
Липатников Ю. Ветер в березах. № 10.
Омельчук А. Эксперимент во льдах. № 4.
Ранов В. Памятник археологу. № 9.
Фаермарк Д. В плену у чисел. № 6.
Швейнин Г. Из чего сделана земля? № 6.
НТ-78. №№ 6, 11.

НА СЛЕДОПЫТСКОЙ ЛИНЕЙКЕ. ИЩУ И НАХОЖУ. МУЗЕЙ ОДНОГО ЭКСПОНАТА. СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ.

Блинов В. Лоемские. № 8.
Жуковский А. Нет в музее тишины. № 8.
Запорожец И. Встреча. № 8.
Здравствуй, «Следопыт». № 4.
Колоколов Г. На дне малой бухты. № 11.
Кононова А. От рабочих — рабочему. № 1.
Кончин Е. Перстень Пушкина. № 3.
Панфилов Б. Первогвардейцы. № 12.
Петрин В., Стефанов В., Шорин А. У озера Аргази. № 2.
Попов С. Следопытам Якутии. № 2.
Разумневич В. Чапай и чапаята. № 5.
Рыбаков Б. Что значит моя фамилия? № 6.
Смирнова С. Песни воронежского края. № 8.
Федорова Н. Клады Барсовой горы. № 4.
Федоров С. Лесная академия. № 5.
Чаплин С. Дочь полка. № 12.
Следопытский телеграф. №№ 1—12.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА. ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ.

Акимушкин И. Милее кошки зверя нет. № 9.
Алябьев В. Пилот и браконьеры. № 6.
Архипова Н. Бойцы Чусовой. № 4.
Банькин В. Позвонущка. Ветка жасмина. № 8.

Богоявленский Л. Вид на жительство. № 9.
Будущее земли. № 3.
Григорьев О. Кто в столе живет? № 1.
Деменок М. Синичка в женшень. Деревянная наковальня. Про медвежат. № 8.
Дулов А. В бой идут слоны. № 3.
Дунаев Ю. Тальков камень. № 4.
Золотарев Б. Пашка. № 11.
Кучеров Е. Башкирия заповедная. № 12.
Леснов П. Гонение на рысь. № 12.
Малышев Р. Ночные друзья. № 12.
Мариковский П. Ловцы песен. № 7.
Мезенцев В. Добрые звери. № 2.
Мельников А. Зайца ноги губят. № 12.
Мочалов П. Рука человека. № 5.
Нестеров В. В краю черных монахов. № 5.
Николаев Н. Синяя стрекоза Снежный принц. № 11.
Пойманный мираж. № 4.
Рыбаков Б. Народный календарь. № 1.
Рябинин Б. Кто защитит защитника? № 7.
Чернов Ю. Живая вода. № 11.
Фомин Л. Спасти дятла. № 8.
Шпьякин А. Охота на заборе. Крыс Борька. Крылатое счастье. «Цып-цып» и «кс-кс». Клоп и красный фонарь. № 8.
Щекуртова Н. Главы про травы. № 6.

В УМА ПАЛАТУ. СМЕШИНКИ.

Афанасьев С. А ты мне что? № 4.
Башков В. Сделай сам. № 3.
Кривин Ф. Родная стихия. № 1.
Латушов В. Шуточки. № 4.
Латушов В. А скажите мне, голубчик... № 6.
Тарабукин И. Отцы и дети. № 4.
Цыпин С. Турнир. № 9.

РАЗНОЕ.

Алебастров И. Смертная казнь за футбол. № 9.
Горшкова М. «Душой магнитогорский я...» № 10.
Ищенко Е. Микродетективы. №№ 6, 9.
Копайский А. Поклон природе. № 8.
Лысяков А. Домик-пряник. № 3.
Лысяков А. Лето. № 6.
Нагибин А. Мир в объективе. № 2.
Нагибин А. Праздник фотоискусства. № 11.
Часов Д. Вспомнить, оглянуться. № 12.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ! Перед вами перечень публикаций минувшего года. Напишите нам, что вам более всего запомнилось, материалы на какие темы вы бы хотели увидеть на страницах нашего журнала.

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ!

С. БЕТЕВ

В. НЕВНИКОВ

Л. БОГОЯВЛЕНСКИЙ

Наши призеры

Позади двенадцать номеров журнала за 1978 год. По традиции редколлегия отмечает наиболее интересные на ее взгляд публикации.

В этом году памятными призами «Уральского следопыта» отмечены:

Повесть свердловского писателя Сергея БЕТЕВА «АФОННИ КРЕСТ» (№№ 5 и 6);

Повесть рязанского писателя Валентина НОВИКОВА «ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ» (№№ 2 и 3);

Очерки свердловского краеведа Леонида БОГОЯВЛЕНСКОГО «ЧЕЛЮСКИНЕЦ» (№ 1) и «ВИД НА ЖИТЕЛЬСТВО» (№ 9);

Очерк тюменского журналиста Бориса ВАУЛИНА «СДЕЛАТЬ НАМ, ДРУЗЬЯ, ПРЕДСТОИТ...» (№ 10);

Статьи усть-каменогорского инженера Бориса РЫБАКОВА «НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ» (№ 1) и «ЧТО ЗНАЧИТ МОЯ ФАМИЛИЯ?» (№ 6).

ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШИХ НОВЫХ ЛАУРЕАТОВ!

Б. ВАУЛИН

Б. РЫБАКОВ

С НОВЫМ ГОДОМ!

В канун Великого Октября...

Весь торец этого дома по Сердобольской улице в Ленинграде занимает огромное панно. На фоне заводских корпусов изображена группа вооруженных рабочих. Над ними — красное знамя с лозунгом «Вся власть Советам!» Внизу помещена схема пути В. И. Ленина в штаб Великого Октября — в Смольный. Слева текст: «В ночь на 25 октября 1917 года В. И. Ленин из последней подпольной квартиры (Сердобольская, дом № 1) направился в Смольный, где возглавил вооруженное восстание».

Владимир Ильич шел в сопровождении связанного Э. А. Рахья, по совету которого немного изменил свою внешность, надев парик и завязав платком щеку. От 1-го Муринского проспекта до Финляндского вокзала они доехали на трамвае, а остальную часть пути прошли пешком.

Ленин и Рахья благополучно миновали самый опасный участок — Михайловское артиллерийское училище. Однако на улице Воинова их нагнал конный юнкерский разъезд. В ответ на окрик «Стой! Пропуск!» остановился только Рахья, он притворился пьяным, долго спорил и пререкался с юнкерами, чтобы отвлечь их внимание от Ленина...

На снимке: панно на доме по Сердобольской улице в Ленинграде.

Имени комсека

50 лет назад, в декабре 1928 года, в Уэлене, центре обширного Чукотского полуострова, была создана первая комсомольская ячейка.

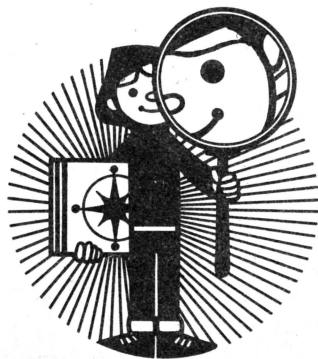
Тогда в Уэлен приехали учитель Петр Скорик и радист Георгий Сычев, они-то и организовали пионерский отряд из детей чукчей, потом появилась в поселке комсомольская ячейка.

С влиянием шаманов комсомольцы боролись, как только могли. В ноябре 1928 года удачно было использовано... лунное затмение. Получив по радио сообщение об этом, ребята оповестили все население. Шаманы не поверили комсомольцам. Но все произошло по науке, и шаманы были посрамлены.

Первый комсомольский секретарь на Чукотке Г. Сычев был также первым здесь кинемехаником, руководителем первого струнного оркестра чукчей. Сычев и Скорик научили уэленских ребятшек играть в футбол, не бояться... мыть в бане.

Именем Георгия Сычева названа одна из улиц нынешнего центра Чукотского района — села Лаврентия. П. Скорик, ныне доктор филологических наук, большой знаток чукотского языка, является почетным гражданином Уэлена.

Юрий СКОРОБОГАТОВ.

МИР

НА ЛАДОНИ

ср ш

С острова Кадьяка...

В 40-х годах прошлого столетия помощник препаратора Русского Зоологического музея Илья Григорьевич Вознесенский посетил Аляску. На острове Кадьяк он первым из европейцев разгадал тайны масок эскимосов, описал их театрализованные представления в честь окончания охотничьего промысла.

С Кадьяка Вознесенский вывез большую коллекцию — маски, бубны, трещотки, свистульки из клювов птиц, орудия труда, одежду, домашнюю утварь, фигурки животных, вырезанные из кости...

Уникальные коллекции Вознесенского находятся сейчас в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого в Ленинграде.

На снимке: И. Г. Вознесенский, портрет середины XIX века.

Всеволод КРИВОШЕИН

На сайру

клянула сфирена

Насадив на крупный крючок маленькую сайру, Н. Валаев забросил свою снасть в Тихий океан. Вскоре леска туго натянулась — клянула крупная рыба. С трудом удалось вытащить добычу на палубу. Это была хищная сфирена длиной 140 сантиметров и весом 25 килограммов.

Из сфирены, известной еще под названием барракуды, на борту советского промыслового судна приготовили деликатесные блюда.

Лебяжья ткань

Русские народные умельцы изготовили однажды из необычного для текстильной промышленности сырья — пуха белых лебедей — десять метров ткани. Мастера московской фабрики Щепетова сделали из нее женский гарнитур — шапочку, шарф, муфту, накидку и домашние туфельки и два комплекта детской верхней одежды.

До сих пор не разгадан секрет получения из лебяжьего пуха тончайшей ткани. Но даже если бы и стала известна технология такого производства, никто не использовал бы ее, так как для получения 10 метров, как свидетельствует архивный документ, потребовался пух 200 белых лебедей, а сейчас эти птицы охраняются законом.

Единственный в мире комплект одежды из лебяжьей ткани экспонируется в Павловском дворце-музее под Ленинградом.

Медаль — фотографам

Этот почетный знак сам по себе представляет интерес — он изготовлен учащимися Каслинского профессионально-технического училища — наследниками и продолжателями славы каслинских литейщиков и чеканщиков. И медаль эта вероятно тоже войдет в историю.

Медаль была заказана для первого фестиваля фотографов Урала, Сибири и Дальнего Востока, состоявшегося в Челябинске. Почетной награды фестиваля были удостоены журнал «Уральский следопыт», фотосекции Тюменской и Свердловской областей, свердловчанка Н. Медведева, В. Иванов из Тюмени и другие участники выставки «Адрес — Советский Союз». За успехи в изучении истории фотографического дела на Урале медалью фестиваля награжден также свердловчанин Е. Бирюков.

На снимке: медаль челябинского фестиваля фотографов.